

К. МОЧУЛЬСКІЙ

ВЕЛИКІЕ
РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ
XIX ВѢКА

ДОМЪ КНИГИ — ПАРИЖЪ

«КНИГИ О РОССИИ» ДЛЯ МОЛОДЕЖИ
КНИГА ПЕРВАЯ

Tous droits réservés
Copyright 1939 by the author

К. МОЧУЛЬСКИЙ

**ВЕЛИКІЕ
РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ
XIX ВѢКА**

ДОМЪ КНИГЪ — ПАРИЖЪ

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ

Работа К. В. Мочульского «Великіе русскіе писатели XIX В.» является первымъ выпускомъ серіи «КНИГЪ О РОССИИ» для русской молодежи за рубежомъ.

Воспитанная за-границей русская молодежь часто не имѣетъ основныхъ понятій о литературѣ, исторіи, искусствѣ и природѣ Россіи. Въ школьные годы молодежь преобременена занятіями во французскихъ учебныхъ заведеніяхъ, по окончаніи ихъ тяжелая борьба за существованіе часто поглощаетъ всѣ ея силы и все ея время.

«КНИГИ О РОССИИ» ставятъ себѣ цѣлью помочь русской молодежи знать и любить свою родину, цѣнить ея духовныя богатства, понимать ея своеобразный и сложный историческій путь. На русской молодежи за рубежомъ лежитъ миссія сохранить всемирно русскую культуру, какова бы ни была судьба самой молодежи.

Если намъ суждено остаться въ Европѣ, пусть черезъ насъ Европа узнаетъ о красотѣ и силѣ русской природы, о своеобразіи русскаго искусства, объ единственной въ мірѣ русской литературѣ, о русскихъ святыняхъ и подвижникахъ.

Если же мы вернемся въ Россію, пусть мы не будемъ тамъ чужими и, зная свое кровное, русское, принесемъ лучшее изъ Европы.

~~Содружество~~ Центръ Помощи 43, rue François Gérard, Paris-16°

Содружество Имени Св. Албанія и Преп. Сергія. Лондонъ.

ВВЕДЕНИЕ.

Деятнадцатый вѣкъ — эпоха расцвѣта русской литературы. Она была подготовлена стремительнымъ культурнымъ ростомъ Россіи послѣ реформъ Петра Великаго. Блистательное царствованіе Екатерины поставило передъ новой, великодержавной Россіей вопросъ о созданіи національнаго искусства. Среди плеяды екатерининскихъ придворныхъ пѣнцовъ возвышается величавая фигура «пѣвца Фелицы» — Державина. Развитіе художественнаго языка и литературныхъ формъ происходитъ въ необыкновенно быстромъ темпѣ. Въ 1815 году на лицейскомъ экзаменѣ Пушкинъ читаетъ стихи въ присутствіи Державина. Въ «Евгеніи Онѣгинѣ» онъ вспоминаетъ объ этомъ:

Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И въ гробъ сходя благословилъ.

Вечерняя заря славной екатерининской эпохи встрѣчается съ утренней зарей пушкинскаго времени. «Солнце русской поэзіи» — Пушкинъ стоитъ еще въ зенитѣ, когда рождается Толстой. Наши страшіе современники лично знали великаго яснополянскаго старца. Такъ на протяженіи одного вѣка рождается русская литература, восходитъ на вершину художественнаго развитія и завоевываетъ міровую славу. Въ одно столѣтіе Россія, пробужденная отъ долгаго сна «могучимъ гениемъ Петра», напрягаетъ таившіяся въ ней силы и

не только нагоняетъ Европу, но на грани XX-го вѣка становится властительницей ея думъ.

Деятнадцатый вѣкъ живетъ въ лихорадочномъ ритмѣ; направленія, теченія, школы и моды смѣняются съ головокружительной быстротой; каждое десятилѣтіе имѣетъ свою поэтику, свою идеологію, свой художественный стиль. Сентиментализмъ десятихъ годовъ уступаетъ мѣсто романтизму двадцатыхъ и тридцатыхъ; сороковые годы видятъ рожденіе русскаго идеалистическаго «любомудрія» и славянофильскаго ученія; пятидесятые — появленіе первыхъ романовъ Тургенева, Гончарова, Толстого; нигилизмъ шестидесятыхъ годовъ смѣняется народничествомъ семидесятыхъ; восьмидесятые годы наполнены славой Толстого, художника и проповѣдника; въ девяностыхъ годахъ начинается новый расцвѣтъ поэзіи: эпоха русскаго символизма.

* * *

Въ началѣ XIX вѣка *Карамзинъ* производитъ смѣльную реформу русскаго литературнаго языка: онъ сближаетъ его съ живой разговорной рѣчью, разрушая канонъ классической стилистики Ломоносова. Онъ вводитъ ясное и логическое строеніе фразы по образцу французской прозы. Въ «Письмахъ русскаго путешественника» и въ повѣсти «Бѣдная Лиза» потокъ слезливой чувствительности и трогательной филантропіи вливается въ русскую литературу. Умиленно и восторженно доказываетъ Карамзинъ, что «и крестьянки чувствовать умѣютъ».

Жуковский продолжаетъ дѣло Карамзина и создаетъ языкъ русской поэзіи. «Въ бореньяхъ съ трудностью силачъ необычайный», онъ превращаетъ тяжеловѣсный стихъ XVIII вѣка въ гибкое, послушное и совершенное орудіе, въ «Золую арфу», передающую самыя неуловимыя и смутныя мелодіи романтической души. Переводя нѣмецкія и англійскія баллады, сочиняя меланхоличе-

скія элегіи, пересказывая въ прелестныхъ стихахъ «преданія старины», народныя легенды и сказки, онъ прививаетъ русской поэзіи тоску по идеалу, по «очарованному тамъ», возносить лирику на высоту священнодѣйствія и учить:

Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли.

Волшебныя пѣсни, полныя глухой музыки души, принесенныя Жуковскимъ изъ туманной Германіи, становятся яснѣе и пластичнѣе, когда ихъ перепѣваетъ *Батюшковъ*. Поэтъ, въ расцвѣтъ силъ пораженный безуміемъ, охваченный трагическими предчувствіями и мучительной тревогой, онъ создаетъ совершенную форму элегіи, въ которой воскресаетъ красота античной древности и гармонія итальянской поэзіи. Роскошные звуки и пластическое великолѣпіе стихотворенія «Умирающій Тассъ» достойны генія автора «Освобожденнаго Іерусалима».

Крыловъ стоитъ въ сторонѣ отъ романтизма Жуковского и итальянизма Батюшкова. Онъ пишетъ свои добродушно-ироническія басни простымъ, чисто народнымъ складомъ, чуждымъ заморской книжности. Лукавый, разсудительный и наблюдательный, онъ всегда вѣренъ дѣйствительности и здравому смыслу. У него нѣтъ полетовъ фантазіи и возвышенныхъ идеаловъ, но онъ умѣетъ нѣсколькими точными словами схватить на лету самое движеніе жизни. Его басни — произведенія народнаго творчества, выраженіе жизненной мудрости и художественнаго таланта русскаго народа.

Въ безсмертной комедіи «Горе отъ Ума» *Грибодова* передъ нами шедевръ русскаго театра. Написанная острыми стихами и построенная по строго классической формѣ, эта комедія изображаетъ борьбу мечтателя Чацкаго съ пошлымъ московскимъ обществомъ. Въ домѣ важнаго чиновника Фамусова, жаднаго къ чинамъ и деньгамъ, среди пестрой толпы «свѣтской черни» разыгрывается печальная развязка романа Чацкаго съ

дочерью Фамусова Софьей. Во многом она напоминает разрывъ Альсеста съ Селименой въ «Мизантропъ» Мольера. Языкъ комедіи, напряженный, нервный, рѣзко-выразительный, изобилуетъ афоризмами, давно перешедшими въ пословицы. «Горе отъ ума» продолжаетъ традицію «Недоросля» Фонвизина и открываетъ путь комедіямъ Гоголя и Островскаго.

Подготовительный періодъ кончается. Восходитъ свѣтило *Пушкина*, окруженное плеядой спутниковъ. Дельвигъ, Веневитиновъ, Баратынскій, Языковъ, Одоевскій, Вяземскій, Денисъ Давыдовъ — всѣ эти звѣзды сіяютъ своимъ чистымъ и ровнымъ свѣтомъ; онѣ кажутся намъ менѣе яркими только потому, что ихъ затмеваетъ блескъ Пушкина. Появленіе этого генія невозможно объяснить никакой преемственностью литературныхъ формъ. Пушкинъ — чудо русской литературы, чудо русской исторіи. На высотѣ, на которую онъ возноситъ русское словесное искусство, всѣ линіи развитія обрываются. Нельзя продолжать Пушкина, можно только вдохновляться имъ въ поискахъ иныхъ путей. Школы Пушкинъ не создаетъ. *Лермонтовъ* заканчиваетъ блестящую поэтическую эпоху первой половины вѣка. Онъ учится у Пушкина и борется съ нимъ, разрушая гармоническое равновѣсіе пушкинскаго стиха. Возвращаясь къ романтическимъ шаблонамъ, преодолѣннымъ Пушкинымъ, онъ создаетъ патетическій ораторскій стиль, философскую «думу», гнѣвное обличеніе.

Послѣ Лермонтова поэтическій потокъ мелѣетъ, наступаетъ царство повѣствовательной прозы; въ немъ затеряны одинокія фигуры нѣсколькихъ большихъ поэтовъ. *Некрасовъ*, пѣвецъ народнаго горя и гражданской скорби, исторгаетъ у своей суровой музы «шѣсни подобныя стону», оплакиваетъ въ унылыхъ, глухо-протяжныхъ и надрывныхъ стихахъ нищую крестьянскую Россію, бездонное море народнаго горя и народной страды. *Тютчевъ*, поэтъ трагически раздвоеннаго сознанія, одаренный пророческимъ ясновидѣніемъ, поетъ о чело-

вѣческой душѣ, «бьющейся на порогѣ какъ-бы двойного бытія». Въ текучей музыкѣ его стиховъ міръ теряетъ свои четкія очертанія; звуки, цвѣта и запахи перекликаются, душа природы говоритъ своимъ вѣщимъ языкомъ. Его философская мысль облекается въ образы-символы, и они вспыхиваютъ какъ зарницы, на мгновеніе освѣщая страшную бездну хаоса, на которую «покровъ наброшенъ златотканый». Тютчевъ — обличитель вещей невидимыхъ, поэтъ ночи.

Фета — поэтъ дня; для него блистательный покровъ природы — риза божества; въ узорахъ этой ткани вписаны знаки божьяго имени. Поэтъ съ благоговѣйнымъ восторгомъ отгадываетъ ихъ тайный смыслъ. Символистъ Тютчевъ родственъ Бодлэру, воздушная музыка Фета сближаетъ его съ Верленомъ. Оба они готовятъ поэтическое возрожденіе начала XX вѣка: школу русскаго символизма.

* * *

Волшебное словесное искусство *Гоголя* вызываетъ къ жизни цѣлое поколѣніе рассказчиковъ, бытописателей и романистовъ. Изъ гоголевской «натуральной школы» выходятъ всѣ великіе писатели 50-хъ-80-хъ годовъ. «Мы всѣ вышли изъ гоголевской «Шинели», говоритъ Достоевскій. Отъ «Мертвыхъ душъ» идетъ линія развитія романа, побѣдное шествіе котораго наполняетъ вторую половину вѣка. Въ 1846 году появляется первая повѣсть Достоевскаго «Бѣдные люди»; въ 1847 году — первый рассказъ Тургенева «Хорь и Калинычъ», первый романъ Гончарова «Обыкновенная исторія», первое художественное произведеніе Аксакова «Записки объ уженіи рыбы», первая большая повѣсть Григоровича «Антонъ Горемыка»; въ 1852 году Левъ Толстой выступаетъ со своимъ «Дѣтствомъ и Отрочествомъ».

Среди этого блестящаго поколѣнія возвышаются великаны — Достоевскій и Толстой. За ними идетъ

Тургеневъ, авторъ поэтическихъ и правдивыхъ «Записокъ охотника», глубокий психологъ и острый наблюдатель, пѣвецъ дворянской усадебной Россіи, создавшій «лишняго человѣка» Рудина, и нигилиста Базарова. Его романы «Рудинъ», «Дворянское гнѣздо», «Отцы и дѣти», его благородно-изящныя повѣсти и меланхолическія «Стихотворенія въ прозѣ» — образцы высокаго, законченнаго мастерства (*).

Изъ романовъ сдержаннаго и требовательнаго художника **Гончарова** «Обломовъ» занимаетъ первое мѣсто. Сытая, праздная и лѣнивая жизнь помѣщицѣй усадьбы, широкая и гомерически-патріархальная, изображена авторомъ съ горькимъ юморомъ и стыдящейся любовью. Слово «обломовщина» вошло въ обиходъ русской рѣчи.

Аксаковъ въ «Семейной хроникѣ» и «Дѣтскихъ годахъ Багрова внука» рисуетъ ту же старую живописную помѣщицью Россію, тѣхъ же крѣпкихъ и своеобразныхъ людей, дѣдовъ и отцовъ, жившихъ по старинѣ, вросшихъ корнями въ родную землю и родной народъ. Гончаровъ обличаетъ и морализуетъ; Аксаковъ только описываетъ то, что было, эпически-спокойно и простодушно. Онъ одинъ изъ величайшихъ стилистовъ въ русской литературѣ.

Въ сторонѣ отъ широкой дороги стоитъ несравненный по языку рассказчикъ **Льсковъ**, передающій живую рѣчь духовенства, купечества и ремесленнаго люда. Его хроника «Соборяне» и рассказы «Запечатлѣнный ангелъ» и «Очарованный странникъ» разбиваютъ всѣ литературные шаблоны и обогащаютъ русскую прозу сокровищами народнаго и діалектическаго сказа. На

---

*) Образы самоотверженной и смиренной Лизы Калитиной въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» и крестьянки-праведницы Лукерьи въ «Живыхъ мощахъ» — полны сіяющей духовной красоты.

границы XX-го века вырастает тончайшее искусство *Чехова*, печально-нѣжное и аристократически сдержанное. Рассказчикъ и драматургъ, онъ мягкими пастельными красками рисуетъ сѣрыя будни, скучныхъ обыкновенныхъ людей, ихъ неясную тоску и безсильные порывы.

* * *

Оглядываясь на пройденный жизненный путь, Пушкинъ писалъ:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокий векъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

Эта оцѣнка примѣнима не только къ творчеству Пушкина, но и ко всей русской литературѣ. Для нея всегда «чувства добрыя», любовь къ человѣку и исканіе Божіей правды, стояли выше культа чистой красоты и стремленія къ абстрактной истинѣ. Борьба за свободу, общественную и личную, религіозное горѣніе и проповѣдь состраданія къ падшимъ, «униженнымъ и оскорбленнымъ» — всегда вдохновляли русскихъ писателей. Наша литература — самая «жалостливая», самая человѣчная изъ всѣхъ литературъ. Тютчевъ писалъ:

Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь небесный
Обходилъ благословляя.

И русская литература идетъ по слѣдамъ Христа.

ПУШКИНЪ.
(1799-1837)

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился въ Москвѣ 26 мая 1799 года. Его мать была внучкой «арапа Петра Великаго» — Абрама Ганнибала, сына мелкаго абиссинскаго князька. Пушкинъ унаслѣдовалъ отъ своего прадѣда «африканскій характеръ», «пылкія страсти», курчавые волосы и толстыя губы. Онъ гордился прозвищемъ «арапчикъ» и мечталъ пожить «подъ небомъ Африки своей». Отецъ поэта происходилъ изъ древняго дворянскаго рода Пушкиныхъ, которые

... и въ войскѣ и въ совѣтѣ
На воеводствѣ и въ отвѣтѣ
Служили доблестно царямъ.

Но шестисотлѣтній родъ Пушкиныхъ захудалъ и обѣднѣлъ, и въ «Моей родословной» поэтъ, высоко цѣнившій свое дворянство, съ горькой ироніей заявляетъ:

Родовъ униженныхъ обломокъ,
И, слава Богу, не одинъ,
Бояръ старинныхъ я потомокъ:
Я мѣщанинъ, я мѣщанинъ.

Пушкинъ чувствовалъ себя «мѣщаниномъ-литераторомъ» среди «свѣтской черни», смотрѣвшей на него свысока, и аристократомъ среди «пишущей братіи» разночинцевъ, которые считали его спесивымъ дворянчикомъ. Его положеніе при дворѣ было унижительнымъ, въ обществѣ — двусмысленнымъ; ни тамъ, ни вдѣсь не

находилъ онъ себѣ мѣста; отсюда его вѣчное бунтарство и борьба со «свѣтомъ», кончившаяся его гибелью.

Отецъ поэта былъ человѣкомъ екатерининскаго вѣка, легкомысленнымъ, остроумнымъ и холоднымъ. Его библіотека состояла изъ французскихъ классиковъ и эротическихъ писателей XVIII столѣтія, которыхъ Пушкинъ перечиталъ еще въ дѣтствѣ; мать, «прекрасная креолка», капризная и вѣтреная, предоставила сына французскимъ гувернанткамъ и гувернерамъ, которые учили его «чему-нибудь и какъ-нибудь». Если бы не няня, Арина Родіоновна, рассказывавшая мальчику русскія сказки, онъ выросъ бы настоящимъ французомъ. Ребенокъ Пушкинъ былъ «большой увалень и дикарь, кудрявый, съ смуглымъ личикомъ, не слишкомъ приго-
глядный, но съ очень живыми глазами, изъ которыхъ такъ искры и сыпались». Лѣто семья Пушкиныхъ проводила въ подмосковномъ имѣніи Захаровъ; поэтъ любилъ простую русскую деревню, тѣнистую рошу, спускающуюся къ рѣкѣ, домики на холмѣ, «веселый садъ». Одаренный необыкновенной памятью, онъ на одиннадцатомъ году зналъ наизусть всю французскую литературу, читалъ стихи Дмитріева, Батюшкова и Жуковского и писалъ шуточные поэмы и пьесы. Въ 1811 году онъ поступилъ въ царскосельскій лицей, только что основанный императоромъ Александромъ I, и изъ апатичнаго и лѣниваго ребенка превратился въ живого, неугомоннаго и рѣзваго отрока. Учился онъ посредственно, но шалостямъ, выдумкамъ и проказамъ его не было конца. Шесть счастливыхъ лѣтъ провелъ онъ въ Лицеѣ, въ дружной семьѣ товарищей, въ веселыхъ играхъ, въ шумныхъ пирушкахъ и одинокихъ прогулкахъ въ огромномъ царскосельскомъ паркѣ съ томикомъ Парни въ рукахъ. Въ романѣ «Евгеній Онѣгинъ» онъ вспоминаетъ объ этихъ свѣтлыхъ дняхъ:

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,

Читаль охотно Апулея,
А Цицерона не читаль,
Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной при кликахъ лебединыхъ
Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являться Муза стала мнѣ.

Часто послѣ вечернихъ классовъ онъ убѣгалъ изъ лицея и пировалъ въ кругу офицеровъ гусарскаго полка, стоявшаго въ то время въ Царскомъ Селѣ. Здѣсь онъ подружился съ «лихимъ повѣсой» гусаромъ Каверинымъ и съ блестяще образованнымъ и глубокомысленнымъ Чаадаевымъ. Гвардія, недавно возвратившаяся изъ заграничныхъ походовъ, была охвачена «свободолюбивыми мечтами». Многіе изъ близкихъ пріятелей Пушкина вошли потомъ въ тайныя общества и участвовали въ декабрьскомъ возстаніи. Если бы поэтъ не былъ сосланъ въ село Михайловское, онъ вѣроятно раздѣлилъ бы горькую участь своихъ друзей декабристовъ.

Почти всѣ лицеисты писали стихи, выписывали русскіе и иностранные журналы, издавали «Сарско-сельскую лицейскую газету» и «Императорскаго Сарко-Сельскаго Лицея Вѣстникъ». Съ Пушкинымъ соперничали поэты Дельви́гъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ. Но скорѣ его первенство было всѣми признано. Уже въ 1815 году Дельви́гъ восторженно привѣтствовалъ его, какъ «лебедя цвѣтущей Авзоніи» и восклицалъ:

Пушкинъ! Онъ и въ лѣсахъ не укроется,
Лира выдастъ его громкимъ пѣніемъ.

Слава досталась Пушкину безъ борьбы и усилій: онъ какъ-будто родился вѣнчаннымъ царемъ поэзіи.

«Лицейскія стихотворенія» — скорѣ упражненія стихотворца, чѣмъ произведенія поэта. Съ изумительной легкостью Пушкинъ овладѣваетъ «поэтическимъ ремесломъ», испытываетъ свои силы во всѣхъ лири-

ческих жанрахъ. Онъ учится стихотворной технику, ритму, построению строфъ. Въ потокъ юношескихъ стиховъ мелькаютъ и величавыя оды въ стилъ Державина, и подражанія суровому шотландскому барду Оссиану, и игривыя, сладострастные пасторали въ стилъ Парни и Вольтера, и анакреонтическіе гимны любви и вину, и разгульныя застольныя пѣсни, и дружескія посланія, и интимныя стихотворныя письма, и томныя, унылыя элегіи, въ которыхъ 16-лѣтній поэтъ говоритъ о своемъ «увядшемъ сердцѣ», «потухшихъ глазахъ», объ «унылой мрачной любви», объ отлетающей юности. Но «безуміе страстей» Пушкинъ переживалъ еще въ одномъ воображеніи: скромныя студенческія попойки превращались въ поэзіи въ роскошныя лукулловы пиршества, въ торжественныя жертвоприношенія Вакху и Киприду; любовныя проказы — въ оргіи огненныхъ страстей; скука жизнерадостнаго юноши, жаждущаго вырваться на свободу изъ закрытаго учебнаго заведенія, — въ романтическую тоску разочарованнаго мечтателя. Пушкинъ жаловался: «Цѣлый годъ еще плюсовъ, минусовъ, правъ, налоговъ, высокаго, прекраснаго! Цѣлый годъ еще дремать передъ кафедрой. Это ужасно». Наконецъ наступилъ день освобожденія: въ 1817 году поэтъ покинулъ «царскосельскія тѣни» и тѣсный кругъ веселыхъ друзей. Началась вольная, бурная жизнь, и онъ отдался ей со всѣмъ бѣшенствомъ своей африканской натуры. Но Лицея онъ не забылъ: бывшіе воспитанники каждый годъ праздновали 19 октября — лицейскую годовщину, и поэтъ посвящалъ ей вдохновенные стихи:

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ, какъ душа, нераздѣлимъ и вѣченъ —
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ.
Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастье куда-бъ ни привело,

Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ чужбина,
Отечество намъ Царское Село.

Окончивъ лицей, Пушкинъ опредѣлился чиновникомъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ и погрузился въ свѣтскую шумную жизнь. Онъ описалъ ее въ «Евгении Онѣгинѣ». Любовныя увлеченія и похождения, та «наука страсти нежной», которую онъ съ жаромъ изучалъ, уводили его отъ поэзіи и истощали его силы. Балы, вечера, модные рестораны, театръ, балетъ, «очаровательныя актрисы», «причудницы большого свѣта» и доступныя «красотки молодя», свѣтскіе рауты и разгульныя гусарскія попойки — ничто не можетъ удовлетворить его ненасытной жажды жизни, радости, наслажденій. Нѣсколько разъ онъ заболѣваетъ; но выздоравливъ, обритый и худой, снова кружится въ вихрѣ свѣтскихъ удовольствій. А. И. Тургеневъ жалуется: «Сверчокъ (такъ называли Пушкина его друзья) прыгаетъ по бульвару. Стихи свои едва писать успѣваетъ. Но при всемъ безпутномъ образѣ жизни его, онъ кончаетъ четвертую пѣснь поэмы. (Русланъ и Людмила)». Если бы болѣзнь не приковала поэта къ постели и не обрекла на вынужденное затворничество, онъ, можетъ быть, и не написалъ бы «Руслана и Людмилы». Историкъ Карамзинъ, отечески заботившійся о Пушкинѣ, устраиваетъ ему головомойку. Тотъ возвращается отъ него «хотя тронутый, но едва ли исправленный».

«Русланъ и Людмила» (1820). — шутливая поэма, дѣйствіе которой происходитъ при сказочномъ князѣ Владимірѣ; его дочь Людмилу похищаетъ длиннородый чародѣй Черноморъ. Женихъ Людмилы, храбрый Русланъ и три влюбленные въ нее витязя Ратмиръ, Рогдай и Фарлафъ отправляются на поиски. Послѣ разнообразныхъ удивительныхъ приключеній, въ которыхъ принимаютъ участіе добрый отшельникъ Финнъ и злая колдунья Наина, коварный соперникъ Руслана Фарлафъ посрамленъ и влюбленные сочетаются бракомъ.

Все весело, пестро и празднично въ этой поэмѣ. Правда, русская старина очень похожа на театральную декорацию, а древніе витязи на галантныхъ рыцарей изъ поэмы Аріосто «Влюбленный Роландъ». Людмила прелестна, жеманна и капризна, какъ маркиза XVIII вѣка: недаромъ Пушкинъ зналъ наизусть шутиливую поэму Вольтера «Орлеанская Дѣва». Но поэтъ и самъ не принималъ въ серьезъ «народность» своей поэтической сказки; онъ называетъ свой трудъ «игривымъ», подшучиваетъ надъ героями, пародируетъ баллады своего «учителя въ поэзіи» Жуковского, смѣшиваетъ эпическій тонъ съ комическимъ, увлекается пышнымъ описаніемъ волшебныхъ садовъ Черномора и соблазнительныхъ прелестей Людмилы. Но сколько кипящей жизни и чистой поэзіи въ этихъ стихахъ! Поэма была встрѣчена единодушнымъ восторгомъ; для широкой публики Пушкинъ надолго сталъ «пѣвцомъ Людмилы и Руслана», а тронутый Жуковский подарилъ ему свой портретъ съ надписью: «Ученику — побѣдителю отъ побѣжденнаго учителя».

Вспоминая потомъ бурные годы въ Петербургѣ между лицеемъ и ссылкой, Пушкинъ писалъ въ «Онегинѣ»:

Я Музу рѣзвую привелъ
На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ,
Грозы полуночныхъ дозоровъ,
И къ нимъ въ безумные пиры
Она несла свои дары
И какъ Вакханочка рѣзвилась,
За чащей пѣла для гостей,
И молодежь минувшихъ дней
За нею бурно волочилась...

И вотъ надъ поэтомъ разразилась гроза. Увлеченный революціонными настроеніями гвардейской молодежи, Пушкинъ писалъ «вольнолюбивые стихи». Его

товарищъ по лицу декабристъ Пушкинъ рассказываетъ: «Тогда вездѣ ходили по рукамъ, переписывались и читались наизусть его «Деревня», «Ода на свободу» и другія мелочи въ томъ же духѣ. Не было живого человѣка, который бы не зналъ его стиховъ». Въ одѣ «Вольность» описывается убійство Павла I и призывается народъ къ мести тиранамъ; въ эпиграммѣ на всемогущаго «всей Россіи притѣснителя», ближайшаго совѣтника Александра I — Аракчеева, говорится:

Холопъ вѣнчаннаго солдата,
Благодари свою судьбу,
Ты стоишь лавровъ Герострата
Иль смерти нѣмца Коцебу.

(Идеологъ Священнаго Союза Коцебу былъ убитъ студентомъ Зандомъ).

Эти запретные стихи стали извѣстны правительству; Пушкину грозила Сибирь. Карамзинъ и Жуковскій заступились за него, наказаніе было смягчено: онъ былъ высланъ въ Екатеринославъ и причисленъ къ канцеляріи генерала Инзова. Новому начальнику Пушкина министръ писалъ: «Пушкинъ кажется исправившимся, если вѣрить его слезамъ и обѣщаніямъ», а Карамзинъ сообщалъ Вяземскому: «Если Пушкинъ теперь не исправится, то будетъ чортомъ еще до отбытія въ адъ».

Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Петербургѣ (1817-1820) слѣдуетъ шестилѣтняя ссылка (1820-1826): четыре года въ Кишиневѣ и въ Одессѣ и два года въ селѣ Михайловскомъ.

Поэтъ пишетъ брату: «Пріѣхавъ въ Екатеринославъ, я соскучился, поѣхалъ кататься по Днѣпру, выкупался и схватилъ горячку по моему обыкновенію. Генералъ Раевскій, который ѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ жидовской хатѣ, въ бреду, безъ лекаря, за кружкою оледенѣлаго лимонада... Инзовъ благословилъ меня на счастливый путь. Я легъ

въ коляску больной; черезъ недѣлю вылечился». Герой отечественной войны Раевскій и его семья приняли въ Пушкинѣ сердечное участіе. Съ ними онъ прожилъ два мѣсяца на кавказскихъ минеральныхъ водахъ; онъ былъ пораженъ дикою красотою Кавказа, «великолѣпной цѣпью горъ, ледяныя вершины которыхъ издали, на ясной зарѣ кажутся странными облаками, разноцвѣтными и неподвижными»; ему нравился полуазіатскій край, недавно покоренный доблестнымъ Ермоловымъ, его забавляли опасности путешествія: отрядъ изъ 60 казаковъ сопровождалъ путниковъ съ заряженной пушкой. Въ Пятигорскѣ поэтъ карабкался по крутымъ каменнымъ тропинкамъ, пробирался сквозь кустарникъ на краю пропастей. Онъ отдыхалъ отъ бурной жизни въ Петербургѣ, которая начинала его тяготить, былъ веселъ и безпеченъ. Съ Кавказа онъ отправился вмѣстѣ съ Раевскими въ Крымъ; подъѣзжая на кораблѣ къ Гурзуфу написалъ элегію «Погасло дневное свѣтило» — первую дань любви къ Байрону. Поэтъ прощается съ «туманной родиной», съ «минутными друзьями» и грустно думаетъ о своей «потерянной младости»...

Шуми, шуми послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!

О жизни въ Крыму онъ вспоминалъ потомъ какъ о лучшихъ своихъ дняхъ; дочь генерала Раевского Марія, вышедшая впослѣдствіи замужъ за декабриста князя Волконскаго и послѣдовавшая за нимъ въ ссылку въ Сибирь, покорила его влюбчивое сердце; братъ ея Александръ познакомилъ поэта съ Байрономъ. Пушкинъ называлъ Александра Раевского своимъ «демономъ». Онъ «звалъ прекрасное мечтою»,

На жизнь насмѣшливо глядѣлъ
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ

Холодный и надменный, Раевскій драпировался въ Чайльдъ-Гарольдовъ плащъ и казался поэту загадочнымъ байроническимъ героемъ.

Наконецъ Пушкину пришлось вспомнить о службѣ. Тѣмъ временемъ начальникъ его генералъ Инзовъ былъ переведенъ въ Кишиневъ, и поэтъ неохотно отправился въ этотъ глухой уголокъ полуудикой Бессарабіи. Слѣды недавняго турецкаго владычества еще оставались на нравахъ пестраго населенія. Восточная лѣнь, распушенность, карты, кутежи и сплетни — вотъ что ожидало Пушкина въ Кишиневѣ. «Донъ-Жуанскій списокъ» поэта быстро растеть. «Пушкинъ не измѣнился на югѣ, пишетъ М. Поповъ, былъ по прежнему уменъ, вѣтренъ, насмѣшливъ и непрерывно впадалъ въ проступки, какъ ребенокъ». Онъ два раза дрался на дуэли, со скуки бѣсновался и бранилъ въ стихахъ «проклятый городъ Кишиневъ». Разъ, повстрѣчавъ въ степи цыганскій таборъ, присталъ къ нему и прожилъ съ цыганами два дня «на дикой волѣ». И все же, несмотря на разгулъ и тоску, онъ много читалъ и думалъ. Онъ пишетъ Чаадаеву:

Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ и жажду размышленій...
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

Въ 1823 году онъ переходитъ на службу въ Одесу. Послѣ бессарабскаго захолустья большой торговый городъ съ порто-франко показался ему Европой. Мы читаемъ въ «Странствіяхъ Онѣгина»:

Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ,
Все блещетъ югомъ и пестрѣетъ
Разнообразностью живой.

Космополитическое населеніе, южное солнце, море, пестрые флаги кораблей, устрицы изъ Константинополя, итальянская опера, Казино, морскія купанья и хорошенькія балерины разбудили вдохновеніе поэта. Но скорѣ онъ впадаетъ въ мрачное настроеніе: его начальникъ — намѣстникъ края графъ Воронцовъ обращается съ нимъ, какъ съ чиновникомъ и презираетъ его стихотворство. Пушкинъ влюбляется въ его красавицу-жену и между ними происходитъ разрывъ: поэтъ пишетъ язвительныя эпиграммы на Воронцова, а тотъ проситъ министра убрать его изъ Одессы, такъ какъ «восторженные поклонники вскружили ему голову... между тѣмъ какъ онъ въ сущности только слабый подражатель не совсѣмъ почтеннаго образца — лорда Байрона». Пушкинъ былъ высланъ на жительство въ псковское имѣніе его родителей — село Михайловское. Прощаясь съ Чернымъ моремъ, онъ написалъ стихотвореніе «Къ морю».

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.

Поэтъ часто бродилъ по берегу, одинокій и унылый, и мечталъ умчаться въ далекіе края, но теперь онъ ни о чемъ не жалѣетъ:

Судьба людей повсюду та же:
Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ
Иль просвѣщенье, иль тиранъ.

На югѣ Пушкинъ переживаетъ увлеченіе Байрономъ, поэзіей гордаго одиночества, презрительной тоски и угрюмой разочарованности. Въ байроническомъ тонѣ написаны поэмы «Кавказскій плѣнникъ», «Бахчисарайскій фонтанъ» и «Цыганы».

Въ центрѣ поэмъ Байрона стоитъ любовный конфликтъ: герой изгнанникъ или преступникъ, загадочный и мрачный, любить «роковой страстью» какую-нибудь восточную красавицу и губить ее. Въ поэмѣ «Корсаръ» — красочный мусульманскій востокъ. Разочарованный Корсаръ не можетъ отвѣчать на страсть Гюльнары, такъ какъ продолжаетъ любить покинутую имъ Медору. Въ противоположность классической поэмѣ съ ея плавнымъ послѣдовательнымъ повѣствованіемъ, байроническая поэма начинается внезапно съ середины или съ конца; драматическія сцены смѣняются одна другую въ причудливомъ безпорядкѣ; все отрывисто, недосказано, таинственно. Ночныя свиданія, похищенія, кинжалы, ядъ, вѣроломство и месть, подвиги и преступленія — постоянные мотивы этой мрачной поэзіи.

Въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» (1820-1821) Пушкинъ послушно слѣдовалъ за Байрономъ, заполняя его схему личными впечатлѣніями отъ Кавказа и живописной жизни горцевъ. Молодой русскій попадаетъ въ плѣнъ къ черкесамъ, возбуждаетъ любовь въ черкешенкѣ и съ ея помощью бѣжитъ. Но увы! онъ не можетъ ее любить, ибо послѣ «душевныхъ бурь любви несчастной» онъ «умеръ для счастья»; на душѣ его «печальный хладъ»; онъ

... бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье,
И о быломъ воспоминанье
Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.

Плѣнникъ переплываетъ бурную рѣчку и на противоположномъ берегу его встрѣчаютъ русскіе сторожевые казаки. Покинутая черкешенка въ отчаяніи бросается въ воду. Образъ плѣнника — первый опытъ характеристики байроническаго героя. Онъ не удался Пушкину и поэтъ это сознавалъ. «Характеръ плѣнника

неудаченъ, писалъ онъ, это доказываетъ, что я не го-
жусь въ герои романтическаго стихотворенія. Я въ немъ
хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея
наслажденіямъ, эту преждевременную старость души,
которыя сдѣлались отличительными чертами молоде-
жи XIX вѣка». И все же поэтъ любилъ свое неудавшее-
ся созданіе. «Въ немъ есть стихи моего сердца», говорилъ
онъ. Въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» Пушкинъ гармони-
ческими стихами воспѣлъ суровую красоту Кавказа и
вольную жизнь воинственныхъ племенъ; читатель былъ
очарованъ новымъ для него поэтическимъ міромъ.
Послѣ Пушкина тема Кавказа навсегда вошла въ рус-
скую литературу (Лермонтовъ, Левъ Толстой). Критикъ
Бѣлинскій писалъ: «Пушкинъ былъ явно увлеченъ дву-
мя предметами — поэтической жизнью дикихъ и воль-
ныхъ горцевъ и потомъ элегическимъ идеаломъ души,
разочарованной жизнью. Изображеніе того и другого
слилось у него въ одну роскошно-поэтическую карти-
ну. Грандіозный образъ Кавказа съ его воинственными
жителями въ первый разъ былъ воспроизведенъ въ рус-
ской поэзіи. И Кавказъ — эта колыбель поэзіи Пуш-
кина — сдѣлался потомъ и колыбелью поэзіи Лермон-
това».

Путешествуя въ Крыму, Пушкинъ посѣтилъ раз-
валины Бахчисарайскаго дворца. Екатерина Раевская
разсказала ему преданіе о графинѣ Потоцкой, которую
нѣкогда татары увезли изъ Польши; она попала въ хан-
скій гаремъ, и крымскій ханъ страстно ее полюбилъ.
О фонтанѣ Бахчисарайскаго дворца Пушкинъ пишетъ:
«К... поэтически мнѣ описывала его, называя фонта-
номъ слезъ. Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я испорченный
фонтанъ: изъ заржавой желѣзной трубки по каплямъ
падала вода... Раевскій почти насильно повелъ меня по
ветхой лѣстницѣ въ развалины гарема и на ханское
кладбище».

Поэма «Бахчисарайскій Фонтанъ» (1822) написана
въ манерѣ Байрона. Крымскій ханъ Гирей влюбляется

въ прекрасную плѣнницу Марію и охладѣваетъ къ своей женѣ Заремѣ. Терзаемая ревностью, Зареманочью тайкомъ является къ Маріи и умоляетъ ее возвратить ей сердце Гирея. Она говоритъ о безуміи своей страсти и грозитъ страшной местью. Дальнѣйшее погружено въ таинственный мракъ: мы узнаемъ о смерти Маріи, о казни Заремы, о свирѣпомъ отчаяніи Гирея. Разочарованный ханъ болѣе напоминаетъ байроновскаго Корсара, чѣмъ дикаго татарина; Марія и Зарема — родныя сестры Медоры и Гюльнары англійскаго поэта. Пушкинъ признавался: «Бахчисарайскій фонтанъ слабѣ Плѣнника и, какъ онъ, отзывается чтеніемъ Байрона, отъ котораго я съ ума сходилъ. Сцена Заремы съ Маріей имѣетъ драматическое достоинство».

Какъ ни мелодраматично дѣйствіе поэмы, какъ ни комиченъ разочарованный ханъ, который

... въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю, и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ...

все же эта поэма — одно изъ самыхъ плѣнительныхъ произведеній Пушкина. Его стихъ становится гибкимъ и крѣпкимъ; въ гармоніи созвучій появляется какая-то переливающаяся, сверкающая влажность; звуки льются и звенятъ, какъ прозрачныя струи «фонтана слезъ». Такихъ стиховъ, такой заглушенной и томно-сладостной мелодіи еще не бывало въ русской поэзіи. Полны магіи заключительныя строки поэмы.:

Волшебный край, очей отрада!
Все живо тамъ: холмы, лѣса,
Янтарь и яхонтъ винограда,
Долинъ пріютная краса
И струй и тополей прохлада —
Все чувство путника манить,
Когда, въ часъ утра безмятежный,

Въ горахъ, дорогою прибрежной
Привычный конь его бѣжить,
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-Дага...

Создавъ романтическій образъ Кавказа, Пушкинъ творитъ новую экзотическую легенду — «сладостной Тавриды», гдѣ подъ сѣнью лавровъ надъ розами поютъ соловьи, гдѣ звучные фонтаны бьютъ въ мраморныхъ гаремахъ, гдѣ ночью при свѣтѣ луны въ узкихъ улицахъ мелькаютъ бѣлыя чадры восточныхъ красавицъ, а «зеленѣющая влага» моря шумитъ у скалъ Гурзуфа...

Въ поэмѣ «Цыганы» (1824) Пушкинъ драматизируетъ эпизодъ изъ своей собственной жизни: онъ самъ два дня странствовалъ съ цыганскимъ таборомъ по Буджакской степи, самъ игралъ роль Алеко, пережилъ краткое увлеченіе безпечной и сговорчивой Земфирой. Къ счастью, въ дѣйствительности это приключеніе не кончилось столь трагически, какъ въ поэмѣ. Вырваться изъ «проклятаго города» Кишинева, удрать изъ скучной канцеляріи Инзова, пожить вольной, бродячей жизнью въ цыганами — какъ долженъ былъ радоваться Пушкинъ этой проказѣ! Земфира находитъ Алеко въ степи и приводитъ въ таборъ къ отцу. Старый цыганъ ласково принимаетъ гостя: если они любятъ другъ друга, то пусть и живутъ вмѣстѣ. Алеко счастливъ: днемъ онъ водитъ медвѣдя, ночи проводитъ въ шатрѣ Земфиры. Ему нравится «бродячая бѣдность» и воля: крикъ, шумъ, цыганскіе припѣвы, ревъ медвѣдя, «пестрота лохмотьевъ, нагота дѣтей, лай собакъ, звукъ волынки и скрипъ телѣгъ. Но Земфира пылка и непостоянна; скоро любовная ея пѣснь смѣняется другой:

Старый мужъ, грозный мужъ,
Рѣжь меня, жги меня;

Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня.

Алеко, снѣдаемый ревностью, застигаетъ ее у кургана въ объятяхъ молодого цыгана; онъ убиваетъ и измѣнницу и соперника. Старикъ велитъ ему покинуть таборъ:

Оставь насъ, гордый человѣкъ!
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ...
Но жить съ убійцей не хотимъ.

И таборъ скрывается вдаль; окровавленный Алеко остается одинъ, какъ подстрѣленный журавль, покинутый улетѣвшей стаей.

Алеко — вполнѣ «байроническій характеръ»: его душой «играютъ страсти», «его преслѣдуетъ законъ». Какъ жилъ онъ раньше, откуда онъ — мы не знаемъ. Онъ — бездомный скиталецъ, ненавидящій «неволю душныхъ городовъ» и «пышную суету наукъ». Какъ Рене Шатобриана, онъ пресыщенъ цивилизаціей и жаждетъ опрощенія; его гордой личности тѣсно въ «оковахъ просвѣщенія» и онъ поднимаетъ бунтъ противъ общества. Онъ хочетъ быть свободнымъ дикаремъ, а не рабомъ денегъ и предрасудковъ. Бунтаря Пушкина плѣнили своеволие и мятежъ байроновскихъ героевъ, но не долго. Вскорѣ подъ романтическимъ покровомъ онъ разглядѣлъ другія черты — «безнадежный эгоизмъ», самовлюбленность, непопулярную гордость и холодное презрѣніе къ людямъ. Алеко нравится цыганская свобода нравовъ, если она не затрагиваетъ его личныхъ интересовъ; но лишь только Земфира отнимаетъ у него свою свободно подаренную любовь, онъ свирѣпѣетъ отъ злобы и ревности.

Нѣтъ, я не споря,

Отъ правъ моихъ не откажусь;
Или хоть мщеніемъ наслаждусь.

Онъ отвергаетъ всѣ законы человѣческаго обществія, но помнить о своихъ правахъ, ищетъ свободы и кончаетъ преступленіемъ.

Старый цыганъ, смиренный и мудрый, развѣнчиваетъ «модный кумиръ». Онъ прогоняетъ «гордаго человѣка» и говорить ему:

Ты не рожденъ для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ:
Мы робки и добры душою,
Ты воля и смѣль — оставь же насъ!

Устами цыгана говорить народъ, онъ представитель общиннаго начала. Какъ въ античный трагедіи, бунтующему противъ боговъ трагическому герою противостоитъ предводитель хора. Культъ личности, грѣховное самоутвержденіе сталкиваются съ религіей общины — любовью и смиреніемъ. Но, казнивъ своего Алеко, Пушкинъ не впалъ въ обратную крайность: онъ не идеализировалъ «людей природы», передъ которыми такъ преклонялся фантазеръ Руссо. Любовные капризы и измѣны жены стараго цыгана Маріулы и его дочери Земфиры совсѣмъ не идеаль человѣческихъ отношеній. Трезвый и ясный Пушкинъ далекъ отъ романтическихъ утопій. Онъ понимаетъ, что «рай» среди дикарей — чистая выдумка. Въ «Эпилогѣ» онъ пишетъ:

Но счастья нѣтъ и между вами,
Природы бѣдные сыны!
И подъ издранными шатрами
Живутъ мучительные сны,
И ваши сѣни кочевья

Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣдъ,
И всюду страсти роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣтъ.

Чувствомъ неотвратимаго фатума проникнута драматическая поэма Пушкина — въ въ этомъ еще одно ея сходство съ греческой трагедіей.

* * *

Въ августѣ 1824 года Пушкинъ пріѣзжаетъ въ село Михайловское, ссорится съ отцомъ, который увозитъ всю семью въ Москву. Поэтъ остается одинъ съ няней. Друзьямъ онъ пишетъ о «тоскѣ», о «бѣшенѣй тоскѣ», но постепенно привыкаетъ къ скучной и спокойной деревенской жизни. «Мои занятія, сообщаетъ онъ брату: до обѣда пишу записки, обѣдаю поздно, послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки — и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!» Ему хочется проникнуть въ духъ народнаго творчества, почувствовать себя русскимъ. По праздникамъ онъ бродитъ по деревнямъ, прислушивается къ хороводнымъ пѣснямъ, у мѣстнаго священника разспрашиваетъ про «всякія крестьянскія пословицы и приговоры»; въ дни годовой ярмарки ѣздитъ въ Святогорскій монастырь, подолгу слушаетъ нищихъ, поющихъ духовные стихи о Лазарѣ, Алексѣѣ Божіемъ чловеѣкѣ, объ архангелѣ Михаилѣ, о страшномъ судѣ и другіе подобныя канты. Для этого «схожденія въ народъ» онъ придумываетъ довольно фантастическій костюмъ: «красная рубашка на немъ, кушакомъ подвязана; штаны широкіе, бѣлая шляпа соломенная на головѣ, палка желѣзная въ рукахъ». Онъ записываетъ народныя пѣсни о Стенькѣ Разинѣ и искусно подражаетъ имъ.

По утрамъ поэтъ серьезно работаетъ и съ жадно-

стью читаетъ Шекспира. Передъ нимъ открывается новый міръ, и въ его яркомъ свѣтѣ блѣднѣетъ субъективная поэзія Байрона. «Какъ мелокъ Байронъ въ трагическомъ родѣ передъ Шекспиромъ, пишетъ онъ. Этотъ Байронъ, который никогда не создавалъ другого характера, кромѣ собственнаго, дѣля различныя черты его между дѣйствующими лицами». Историческія хроники Шекспира, насыщенные жизнью, борьбой, страстью, полныя сильныхъ и разнообразныхъ характеровъ, внушаютъ ему желаніе создать русскую историческую трагедію. «Что за человѣкъ Шекспиръ! восклицаетъ онъ. Не могу прійти въ себя!»

Въ 1824 году вышли X и XI томъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина, посвященные эпохѣ Бориса Годунова и смутнаго времени. Образъ Годунова, убійцы на престолѣ, мудраго правителя и честолюбца, не останавливающагося передъ преступленіемъ для достиженія власти, показался Пушкину достойнымъ генія Шекспира. Развѣ въ Годуновѣ нѣтъ мрачнаго величія Макбета? Развѣ смутное время въ Россіи не полно громомъ драматическихъ событій, какъ и хроники Шекспира? Пушкинъ разбиваетъ ветхую условную форму классической драмы и создаетъ *романтическую трагедію*: вмѣсто правила о трехъ единствахъ — дѣйствіе, захватывающее періодъ въ семь лѣтъ и свободно переносающее насъ изъ Москвы въ Польшу, изъ кремлевскихъ палатъ въ келью Чудова монастыря, въ корчму на литовской границѣ, въ замокъ воеводы Мнишка въ Самборѣ, на равнину близъ Новгорода-Сѣверскаго; вмѣсто обязательныхъ пяти актовъ, написанныхъ alexandрійскимъ стихомъ и «благороднымъ слогомъ» — двадцать пять пестрыхъ сценъ, пятистопный ямбъ и смѣшеніе трагическаго съ комическимъ. Въ замѣткахъ Пушкина мы читаемъ: «Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль облечь въ формы драматическія одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи.

Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и простотѣ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій, въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени».

Пушкинъ писалъ съ пламеннымъ вдохновеніемъ. Талантъ его созрѣлъ: приближеніе къ народному творчеству и русской величавой старинѣ сдѣлало его *національнымъ поэтомъ*. «Я доволенъ, писалъ онъ друзьямъ, я чувствую, что душа моя развилась вполне. *Я могу творить*». «Борисъ Годуновъ» (1825) — трагедія совѣсти. У Бориса «высокій духъ державный», «свѣтлый умъ», несокрушимая энергія. Онъ хочетъ быть царемъ «благимъ и праведнымъ» и «въ довольствіи, во славѣ успокоить свой народъ»; онъ мудрый правитель и нѣжный отецъ: послѣднія минуты передъ смертью онъ отдастъ не покаянію, а бесѣдѣ съ сыномъ, ибо тотъ ему «дороже душевнаго спасенія». Но напрасно старается онъ «щедротами снискать» любовь народа, напрасно ищетъ поддержки среди бояръ, отрады въ семьѣ. Глухое недовольство, недовѣріе, враждебность съ каждымъ годомъ растутъ вокругъ его колеблющагося трона. Въ душѣ своей онъ не находитъ ни удовлетворенія, ни покоя: въ ней живетъ страшное воспоминаніе о содѣянномъ грѣхѣ, которое нельзя заглушить ни славой, ни добромъ. Борисъ родился съ царственной душой, но путь къ трону былъ ему прегражденъ законнымъ наслѣдникомъ — царевичемъ Дмитріемъ. И сильный челоуѣкъ рѣшился его устранить. Какую цѣну имѣтъ жизнь болѣзненнаго ребенка по сравненію съ тѣми славными и великими дѣлами, которыми онъ ознаменуетъ свое царствованіе? Неужели онъ не искупитъ своей вины, возвеличивъ Россію и осчастлививъ народъ? И вотъ — все гибнетъ: Борисъ могъ побѣждать внѣшнихъ враговъ, обуздывать внутреннюю крамолу, бороться со стихійными бѣдствіями — голодомъ и по-

жарами — но онъ безсиленъ противъ «маленькаго пятна» на своей совѣсти. Въ знаменитомъ монологѣ «Достигъ я высшей власти» Годуновъ признаетъ свое поражение.

Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть —
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ алобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое, случайно завелось,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучить въ ухахъ упрекомъ,
И все тошнить, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!...
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста.

Тѣмъ временемъ лѣтописецъ Пименъ въ темной кельѣ пишетъ объ убійствѣ Дмитрія. Смиранный и вдохновенный Богомъ, онъ ощущаетъ преступленіе Бориса, какъ грѣхъ всего народа, всей Россіи. Совѣсть народная — судъ Божій, и отъ этого суда не уйти Борису. Народъ мучится грѣхомъ царя: тѣнь убіеннаго младенца вдругъ становится плотью, призракъ ожи-
ваетъ: народъ смутно чувствуетъ въ немъ мстителя, посланнаго Богомъ, и идетъ за нимъ. Безпечный и безпутный чернецъ Гришка Отрепьевъ самъ по себѣ безсиленъ и ничтоженъ, но онъ орудіе Божьяго промысла, и «пустое имя, тѣнь» срываетъ порфиру съ преступнаго царя.

Таковъ глубокий религіозный смыслъ драмы Пушкина. Правда народная, носителемъ которой является монахъ Пименъ, побѣждаетъ человѣческую гордыню

властолюбца. «Народъ безмолвствуетъ», но въ молчаніи его говоритъ Богъ. Исторія есть судъ Божій. Самозванецъ грозитъ Борису:

И не уйдешь ты отъ суда мірсного,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда!

* * *

Въ Михайловскомъ Пушкинъ написалъ много лирическихъ стихотвореній. Въ «Зимнемъ вечерѣ»

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя...

Поэтъ коротаетъ долгій зимній вечеръ въ своемъ ветхомъ домикѣ со старушкой няней: завыванье бури, жужжаніе веретена, нянины пѣсни, все «печально и темно».

Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя: гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй!

Поэтъ празднуетъ въ своемъ деревенскомъ заточеніи 19 октября, день лицейской годовщины, вспоминаетъ друзей, пиры, мечтанья и стихи, зоветъ къ себѣ Кюхельбекера, брата по музѣ, по судьбамъ....

Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа
О Шиллерѣ, о славѣ, о любви...

Онъ не въ силахъ больше переносить изгнанье, мечтаетъ убѣжать за границу, въ Парижъ, въ Лондонъ, серьезно обдумываетъ планъ бѣгства. Друзья хлопо-

чуть о помилованіи опального поэта. Умираетъ Александръ І: новый государь Николай І разрѣшаетъ Пушкину пріѣхать въ Москву на коронацію. О свиданіи съ царемъ поэтъ рассказываетъ такъ: «Фельдъегерь вырвалъ меня изъ моего насильственного уединенія и привезъ въ Москву прямо въ Кремль. Всего покрытаго грязью меня ввели въ кабинетъ императора... Государь сказалъ: «Довольно ты подурачился, надѣюсь теперь будешь разсудительнымъ и мы больше ссориться не будемъ». Въ заключеніе царь объявилъ поэту, что отнынѣ онъ самъ будетъ его цензоромъ. Эта милость вскорѣ превратилась для Пушкина въ источникъ обидъ и униженій: царь поручилъ цензорство начальнику третьяго отдѣленія (тайной полиціи) Бенкендорфу, который преслѣдовалъ поэта мелочными придирками, выговорами и подозрѣніями. Москва встрѣтила Пушкина восторженно; когда онъ появился въ театрѣ, «мгновенно пронесся по всему театру говоръ, повторявшій его имя. Всѣ взоры, все вниманіе обратилось на него. У разѣзда толпились около него и издали указывали его по бывшей на немъ свѣтлой пуховой шляпѣ». Погодинъ рассказываетъ о потрясающемъ впечатлѣніи, которое произвело чтеніе Пушкинымъ «Бориса Годунова»: «Мы просто всѣ какъ-будто обезпамятѣли. Кого бросало въ жаръ, кого въ ознобъ... Кончилось чтеніе. Мы смотрѣли другъ на друга долго, и потомъ бросились къ Пушкину. Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія».

Послѣ перваго опьяненія славой, свободой, свѣтской блестящей суетой, Пушкинъ вдругъ сталъ мраченъ. Онъ велъ самую разсѣянную жизнь, танцовалъ на балахъ, волочился за женщинами, игралъ въ карты, участвовалъ въ пирахъ золотой молодежи. Но «въ немъ было замѣтно какое-то грустное безпокойство, какое-то неравенство духа; казалось, онъ чѣмъ-то томился, куда то порывался». Тутъ была не только опека Бенкендорфа, душившая его свободный геній: Пушкинъ пе-

реживалъ глубокий кризисъ. На день своего рожденія 26 мая онъ пишетъ мрачные стихи:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь зачѣмъ ты мнѣ дана.

Въ «Воспоминаніи» говоритъ о мучительныхъ часахъ безсонницы, объ угрызеніяхъ «змѣи сердечной».

Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ.
И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

Мысль о смерти неотступно за нимъ слѣдуетъ. Въ «Стансахъ» онъ вопрошаетъ судьбу о смерти: на шумныхъ улицахъ и въ многолюдномъ храмѣ, на пирахъ и среди природы,

День каждый, каждую минуту
Привыкъ я душой провожать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.

Въ эти печальные годы онъ мало пишетъ; вяло продолжаетъ «Онѣгина» и создаетъ только одно крупное произведеніе — поэму «Полтава».

Пушкинъ читалъ поэму Рылѣева «Войнаровскийъ». Племянникъ гетмана Мазепы Войнаровскийъ въ Сибири рассказываетъ одному русскому ученому о своемъ бѣгствѣ вмѣстѣ съ Мазепой послѣ Полтавской битвы. Поэта поразили двѣ строчки:

... Жену страдальца Кочубея
И обольщенную имъ дочь

и онъ въ нѣсколько дней написалъ поэму «Полтава» (1828). Коварный, честолюбивый и злобный Мазепа, желая отомстить Петру I за обиду, переходитъ на сторону его врага, шведскаго короля Карла XII и послѣ победы русскаго царя бѣжитъ съ нимъ въ Бессарабію. Онъ обольщаетъ дочь своего друга Кочубея и тотъ доноситъ Петру о готовящейся измѣнѣ. Но царь, опутанный хитрой лестью гетмана, отдаетъ голову Кочубея Мазепѣ. Марія, ради сѣдого своего возлюбленнаго покинувшая родной домъ, не знаетъ, что отецъ ея приговоренъ къ казни. Мать прибѣгаетъ къ ней и умоляетъ спасти отца. Женщины подбѣгаютъ къ плахѣ, когда голова Кочубея уже отсѣчена. Несчастная Марія сходитъ съ ума. Мазепа встрѣчаетъ ее въ лѣсу ночью, но она его не узнаетъ.

Эта полная драматизма любовная фабула со всѣми атрибутами романтической новеллы: преступной любовью юной крестницы къ старику-крестному отцу, предательствомъ, мстью, застѣнкомъ, цѣпями, казнью, мятежомъ, битвой и безуміемъ, вставлена авторомъ въ рамки широкой исторической картины. Россія переживаетъ роковой часъ своей исторіи; все дѣло Петра поставлено на карту. Полтавская битва рѣшаетъ судьбу «великой сѣверной державы». Несравненная по энергіи и выразительности картина Полтавскаго боя всѣмъ извѣстна; она давно стала достояніемъ хрестоматій. Себялюбивый честолюбецъ Мазепа, думающій только о своей славѣ, о своемъ величіи, гибнетъ посрамленный. «Свыше вдохновенный» Петръ, жертвующій собой Россіи, вѣрящій въ ея великое будущее — воздвигаетъ себѣ «огромный памятникъ». Пушкина влекъ къ себѣ этотъ могучій и ужасный образъ, это воплощеніе таинственной судьбы Россіи, онъ вглядывался въ лицо «грознаго царя»

..... Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.

Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь , какъ Божія гроза.

Божій промыселъ дѣйствуетъ въ исторіи черезъ великихъ людей — только они живутъ вѣчно въ памяти людей; всѣ остальные «сильные, гордые мужи» поглощаются забвеніемъ:

Ихъ поколѣнье миновалось —
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Насилій, бѣдствій и побѣдъ.

Въ 1829 году Пушкинъ уѣхалъ въ Закавказье, гдѣ шла война съ Турціей; онъ сопровождалъ дѣйствующую армію и искалъ опасности, можетъ быть смерти. Послѣ взятія Арзрума онъ побывалъ на кавказскихъ минеральныхъ водахъ; впечатлѣнія свои описалъ впоследствии въ «Путешествіи въ Арзрумъ». Вернувшись въ Россію, онъ посватался къ 16-лѣтней московской красавицѣ Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой и осенью 1830 года отправился въ имѣніе отца село Болдино, чтобы передъ свадьбой устроить свои запутанныя дѣла. Изъ-за холеры сообщеніе съ Москвой было надолго прервано, и поэту пришлось всю осень просидѣть въ Болдинѣ. Тутъ посѣтило его такое вдохновеніе, что онъ забылъ и Москву, и денежные хлопоты, и преслѣдованія Бенкендорфа и даже невѣсту. «Ты не можешь себя вообразить, писалъ онъ Плетневу, какъ весело удрать отъ невѣсты, да и засѣсть стихи писать... Я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ. Вотъ что я привезъ: двѣ послѣднія главы Онѣгина, повѣсть писанную октавами («Домикъ въ Коломнѣ»), Скупой Рыцарь, Моцартъ и Сальери, Пиръ во время Чумы, Донъ-Жуанъ и около 30 мелкихъ стихотвореній. Еще не все: написалъ я прозой 5 повѣстей («Повѣсти Бѣлкина»).

Это была настоящая буря вдохновенія, о которой Пушкинъ писалъ:

... Но лишь божественный глаголь
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепетъ,
Какъ пробудившійся орелъ.

Болдинской осенью было закончено совершеннѣйшее изъ его твореній — романъ въ стихахъ «Евгеній Онѣгинъ». Начатый въ 1823 году, въ Кишиневѣ, онъ какъ вѣрный другъ сопутствовалъ поэту въ его скитаніяхъ: Пушкинъ продолжалъ его въ Одессѣ, Михайловскомъ и Петербургѣ. Судьба автора, его духовное и поэтическое развитіе, его настроенія, радости и печали, все отразилось въ этомъ «собраніи пестрыхъ главъ». И все же, несмотря на разнообразіе матеріала, вошедшаго въ поэму, она едина и закончена. Могучій лирический потокъ своимъ ритмомъ и звучаніемъ объединяетъ ея разнородные элементы. О чемъ бы ни рассказывалъ намъ поэтъ — о свѣтской ли жизни своего разочарованнаго героя, о печальной ли судьбѣ «милой Тани», любившей Онѣгина, отвергнутой имъ и соединившей свою жизнь съ нелюбимымъ мужемъ, о восторженномъ ли поэтѣ Ленскомъ съ кудрями черными до плечъ, убитомъ на дуэли другомъ, о бѣлокурой ли его невѣстѣ Ольгѣ, скоро утѣшившейся послѣ смерти жениха, о старушкѣ ли нянѣ, въ платкѣ и длинной тѣлогрѣйкѣ, — всегда мы слышимъ его личный голосъ, бѣненіе его сердца. Поэма едина, какъ едина личность автора, какъ едина его душа; и ни въ одномъ произведеніи эта душа, полная гармонической ясности, любовной нѣжности, беззлобной насмѣшливости и глубокой печали, не открывается передъ нами такъ довѣрчиво, какъ въ «Онѣгинѣ». Пушкинъ говоритъ о себѣ, о своей жизни, своихъ чувствахъ, воспоминаніяхъ и мечтахъ. Его душа «трепететь и дрожить» — и изъ поэтического

волненія ея рождаются образы, какъ легкія тѣни; они растутъ, уплотняются, но никогда не отрываются вполнѣ отъ породившаго ихъ лона — лирическаго потока. Онѣгинъ, конечно, не самъ Пушкинъ: у него своя судьба, свой характеръ, свое особое лицо. Но какъ близокъ онъ автору, какъ часто забываемъ мы о чертѣ, отдѣляющей творца отъ творенія. Онъ «другъ» поэта, его «добрый пріятель» — у него та же «мечтамъ невольная преданность», «неподражательная странность», онъ тоже «шовѣса пылкій», «философъ въ осьмнадцать лѣтъ». Когда въ 1819 году поэтъ предается наслажденіямъ свѣтской жизни, Онѣгинъ сопровождаетъ его по театрамъ, ресторанамъ, холостымъ пирушкамъ, баламъ и раутамъ. Какъ Пушкинъ, Онѣгинъ страдаетъ моднымъ сплиномъ, подражаетъ Чайльдъ Гарольду и сочиняетъ злые эпиграммы; также скучаетъ въ деревнѣ, читаетъ романы и ѣздитъ верхомъ. Въ лирическомъ романѣ герой не до конца объективируется: Пушкинъ приписываетъ ему свои желанія, мысли, свои «поэтическія бредни». Онъ какъ будто забываетъ иногда, что Онѣгинъ — свѣтскій снобъ, а не поэтъ. Ночью, когда небо свѣтло надъ Невою и луна отражается въ водѣ, два друга — поэтъ и его герой — мечтаютъ вмѣстѣ:

Вспомня прежнихъ лѣтъ романы,
Вспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, безпечны вновь
Дыханьемъ ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы.

☞ Кажется, что ночью Онѣгинъ сбрасываетъ маску «типичнаго представителя полубразованія», какъ о немъ выражаются въ учебникахъ, и становится тѣнью поэта, отбрасываемой его фигурой на гранитъ набережной. Вотъ почему, рассказывая о жизни Онѣгина, Пушкинъ такъ легко переходитъ къ личнымъ признаніямъ, размышленіямъ о своей судьбѣ, воспоминаніямъ о бы-

лыхъ романахъ. Это совсѣмъ не «отступленія», какъ намъ толковали въ школѣ, а та же лирическая волна, которая свободно переливается изъ міра, создаваемого писателемъ, въ его внутренній міръ. Столь же неразрывна связь образа Татьяны съ душой Пушкина. Онъ любитъ свою героиню, какъ любилъ ту «съ которой образованъ» ея «милый идеаль». Онъ не можетъ безъ умиленія смотрѣть на эту «барышню уѣздную съ печальной думою въ очахъ, съ французской книжкою въ рукахъ»; онъ трепещетъ за ея судьбу, «плетъ надъ ней слезы», восхищается ея духовной красотой. Всѣ мечты о любви, всѣ порывы къ чистотѣ и женственности, всю боль разочарованія, всѣ воспоминанія о промелькнувшемъ и измѣнившемъ счастьѣ, всю неутолимую жажду прекраснаго вложилъ Пушкинъ въ это дитя своего сердца. И изъ бурнаго моря его страстей и желаній она возникла въ «магическомъ кристаллѣ» поэзіи, какъ воплощенный идеаль, «чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ». Психологія насъ учить, что каждое чувство носить въ себѣ зародышъ образа. Чувства поэта объективируются въ живыхъ людяхъ. Такъ и Ленскій — часть души Пушкина, пройденный этапъ его художественнаго развитія:

Такъ онъ писалъ темно и вяло
Что романтизмомъ мы зовемъ.

Пушкинъ подшучиваетъ надъ своимъ юношескимъ романтизмомъ, когда въ лицѣ

Онъ пѣлъ разлуку и печаль
И нѣчто, и туману даль,
.....
Онъ пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ,
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ.

Въ зеркальномъ отраженіи искусства поэтъ видитъ

свой образъ, свою «потерянную младость», свои разбитыя надежды, все, что минуло безвозвратно, все, что прошло безъ слѣда. И строфы повѣствовательныя смѣняются размышленіями о смыслѣ жизни, о ея тлѣнности и хрупкости. Все проходить и все непоправимо. Онѣгинъ хотѣлъ остановить жизнь, сдѣлать невозможное, вернуть прежнюю Татьяну, ту дѣвочку, которой онъ

... въ благомъ пылу нравоученья
Читалъ когда то наставленья...

Но увы — той Татьяны уже нѣтъ, а эта новая, блистательная законодательница заль, спокойная и равнодушная, на его слезы и мольбы отвѣчаетъ

... я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна.

Романъ обрывается, но онъ внутренне законченъ. Зачѣмъ намъ знать, что дальше будетъ съ Онѣгинымъ? Онъ проигралъ свою жизнь. Жизнь всегда кончается проигрышемъ; счастливъ, кто во время выходить изъ игры:

Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
Оставилъ, не допивъ до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочелъ ея романа
И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ,
Какъ я съ Онѣгинымъ моимъ.

И все, что погибаетъ въ жизни, въ нетлѣнной красотѣ воскресаетъ въ искусствѣ. Вотъ почему печаль Пушкина свѣтла, и радостна его измученная душа.

Въ Болдинѣ онъ пишетъ элегію «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье», гдѣ послѣ жалобъ на печаль, трудъ и горе жизни, онъ восклицаетъ:

Но не хочу, о други умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать;
И вѣдаю, мнѣ будетъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и тревоженья:
Порой опять гармоніей упоюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И, можетъ быть, на мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

* * *

Въ «драматическихъ сценахъ» Пушкинъ въ предѣльно сжатой формѣ создаетъ образы, художественно совершенные и философски неисчерпаемые: «*Скупой рыцарь*» — поэма страсти къ деньгамъ, этому символу могущества, страсти разрушительной, какъ роковая стихійная сила; «*Моцартъ и Сальери*» — трагедія гибели генія, «гуляки празднаго» Моцарта отъ руки завистливой посредственности Сальери; «*Каменный гость*» — поэма о Донъ-Жуанѣ, великомъ мастерѣ въ «наукѣ страсти нѣжной», бросающемъ гордый вызовъ судьбѣ и гибнущемъ отъ пожатія «каменной десницы», убитого имъ Командора; въ «*Пиръ во время чумы*» Предсѣдатель поетъ гимнъ въ честь чумы:

Есть упоеніе въ бою
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ,
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи чумы!

Это стихотвореніе, быть можетъ, одно изъ самыхъ гениальныхъ произведеній Пушкина.

* * *

Вернувшись из Болдина в Москву, поэт 18 февраля 1831 года женится на Гончаровой, работает в государственных архивах, собирает материалы для задуманной им истории Петра Великого, пишет свои несравненные сказки: «О царь Салтанъ», «О рыбахъ и рыбкѣ», «О мертвой царевнѣ», «О золотомъ пѣтушкѣ». Въ нихъ живетъ душа народной поэзіи; все просто въ нихъ, наивно и правдиво. Подражая псевдо-народнымъ «иллирійскимъ» пѣснямъ Мериме, онъ создаетъ изумительныя по выразительности «Пѣсни западныхъ славянъ».

Въ 1833 году онъ совершаетъ поѣздку по Казанской и Оренбургской губерніямъ, чтобы изучить мѣста, гдѣ происходило возстаніе Пугачева, и сочиняетъ «Исторію Пугачевского бунта». Въ этомъ же году онъ пишетъ поэму «Мѣдный Всадникъ», дѣйствіе которой происходитъ въ Петербургѣ во время наводненія 1824 года. Бѣдный чиновникъ Евгенийъ, невѣста котораго была унесена разлившейся рѣкой, мѣшается въ разсудкѣ и проклинаетъ «гиганта на бронзовомъ конѣ», того «чьей волей роковой надъ моремъ городъ основался». И вотъ ему кажется, что Фальконетовъ памятникъ Петра срывается со своей гранитной скалы и мчится за нимъ. Евгенийъ находятъ мертвымъ у разваливагося домика его невѣсты. Пушкинъ снова возвращается къ тому могучему и ужасному образу Петра, который уже промелькнулъ передъ нами въ «Полтавѣ»; его мучитъ тайна «роковыхъ людей» въ исторіи. Сколько бѣдныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ людей, вродѣ маленькаго чиновника Евгения, дрожавшаго надъ своимъ маленькимъ счастьемъ, раздавлено копытами Мѣдныхъ Всадниковъ — Александровъ, Наполеоновъ, Петровъ! Какъ страшно это безпощадное величіе правителей народовъ! И поэтъ спрашиваетъ статую Петра:

О, мощный властелинъ судьбы!
Не такъ-ли ты надъ самой бездною,

На высотѣ, уздой желѣзной
Россію вздернулъ на дыбы.

Стихи, прославляющіе Петербургъ — «юный градъ, полнощныхъ странъ краса и диво», по художественному совершенству не имѣютъ себѣ равныхъ въ русской поэзіи.

* * *

Пушкинъ создалъ русскую повѣствовательную прозу; онъ выковалъ тотъ художественный языкъ, на которомъ заговорила великая русская литература XIX вѣка. И Гоголь, и Тургеневъ, и Достоевскій, и Толстой учились у Пушкина, самому же Пушкину почти не у кого было учиться. Создатель русской повѣсти Карамзинъ былъ слишкомъ въ плѣну у французовъ, подражалъ ихъ синтаксису, сочинялъ новыя слова на манеръ французскихъ, вводилъ галлицизмы и не считался съ духомъ русской рѣчи. Имъ были сочинены слова: *вліяніе* (*influence*), *развитіе* (*développement*), *сосредоточить* (*concentrer*), *обстоятельство* (*circonstance*) и другія. Проза его была нарядна, чувствительна до приторности, манерна и выложена: искусственный продуктъ книжной образованности. Пушкинъ производитъ революцію: онъ рекомендуетъ учиться русскому языку не у литераторовъ, а у московскихъ просвирень. Въ основу своей прозы онъ кладетъ простую разговорную рѣчь, живой московскій говоръ. «Повѣсти Бѣлкина» не сочинены литераторомъ, а *разсказы* Бѣлкинымъ, мелкимъ помѣщикомъ, учившимся у деревенскаго дьячка. Робкій и застѣнчивый отъ природы, наивный и простодушный, онъ страдаетъ «недостаткомъ воображенія». Выдумавъ разсказчика-самоучку, охваченнаго страстью къ сочинительству, Пушкинъ сразу нашелъ тонъ для своихъ повѣстей. Въ нихъ нѣтъ ни книжной тяжеловѣсности, ни ученой риторики, ни поэтическихъ

украшений: простой, прямой рассказ, народный и живой. Въ «Станціонномъ смотрителѣ» — печальная повѣсть объ этомъ «сущемъ мученикѣ четырнадцатаго класса», дочь котораго, красавица Дуня убѣгаетъ съ проезжимъ гусаромъ; въ «Метели» — забавное приключеніе гусара Бурмина, заблудившагося во время метели и по разсѣянности обвинчавшагося съ чужой невѣстой; въ «Выстрѣлѣ» — иронически рассказанная исторія мести загадочнаго Сильвіо; въ «Барышнѣ-крестьянкѣ» — веселая любовная интрига деревенской барышни, переодѣвающейся въ крестьянское платье и покоряющей сентиментальнаго сосѣда-помѣщика. Бѣлкинъ передаетъ то, что слышалъ, безъ критики, «не мудрствуя лукаво». О слогѣ онъ не заботится — лишь бы было проще и понятнѣе. Фразы короткія, быстрыя, сухія. Вотъ, напримѣръ, начало «Выстрѣла»: «Мы стояли въ мѣстечкѣ***. Жизнь армейскаго офицера извѣстна. Утромъ ученѣе, манежъ; обѣдъ у полкового командира или въ жидовскомъ трактирѣ, вечеромъ — пуншъ и карты». Отталкиваясь отъ литературности и украшенности, Пушкинъ сознательно обѣдняетъ свой слогъ; онъ изгоняетъ эпитеты, довольствуется почти одними главными предложеніями, скупъ на обстоятельственные слова. Отъ прозы онъ требуетъ только «мыслей и мыслей»; но иногда онъ впадаетъ въ обратную крайность: фраза его подсушена и разъята на составныя части; въ ней короткое дыханіе, нѣтъ разнообразія и простора. Эти недостатки исчезаютъ въ большой исторической повѣсти «Капитанская дочка» (1833-34), написанной въ формѣ рассказа простаго и добраго человѣка, ни о какой литературѣ не помышляющаго. Офицеръ Петръ Андреевичъ Гриневъ рассказываетъ исторію своей жизни въ назиданіе дѣтямъ; для этой «семейной хроники» Пушкинъ воспользовался своими историческими изслѣдованіями по исторіи Пугачевского бунта и воссоздалъ интимный и безыскусный стиль мемуаровъ и писемъ людей XVIII вѣка. Вѣкъ Екатерины, помѣ-

пищѣ усадьбы ея времени, патріархальный бытъ степной Бѣлогорской крѣпости, народныя волненія, живописная фигура разбойника Пугачева, жестокаго и великодушнаго, а на дальнемъ планѣ — величественный образъ «матушки-государыни», «въ бѣломъ утреннемъ платьѣ, въ ночномъ чепцѣ и въ душегрѣйкѣ», гуляющей надъ озеромъ въ Царскосельскомъ паркѣ, — оживаютъ передъ нами и навсегда остаются въ памяти. Кроткая Марія Ивановна, ея отецъ капитанъ Мироновъ и мать Василиса Егоровна изображены съ добродушнымъ юморомъ и самой нѣжной любовью. Насъ волнуютъ злословія бѣднаго Гринева, принужденнаго пировать съ Пугачевымъ и несправедливо обвиненнаго въ измѣнѣ, возмущаютъ козни его соперника — злодѣя Швабрина, умиляетъ героическая защита крѣпости отъ мятежниковъ и поѣздка Маріи Ивановны въ Петербургъ къ царицѣ, радуется счастливая развязка романа — соединеніе любящихъ. Пушкинъ создалъ традицію семейнаго русскаго романа на фонѣ большой исторической картины; Толстой завершилъ ее въ «Войнѣ и мирѣ».

Послѣ женитьбы Пушкинъ нѣкоторое время казался спокойнымъ и счастливымъ, но вскорѣ жизнь его стала еще труднѣе и мучительнѣе, чѣмъ прежде. Наталья Николаевна была молода и легкомыслена; она хотѣла блистать своей красотой и танцовать на придворныхъ балахъ. Пушкину поневолѣ приходилось вести разсѣянную жизнь, запутываться въ долгахъ и играть въ свѣтѣ унижительную роль «сочинителя», котораго «свѣтская чернь» терпѣла ради красавицы-жены. У него не было досуга писать; надзоръ Бенкендорфа становился все придирчивѣй: даже частная переписка поэта вскрывается и прочитывается агентами III отдѣленія. Самыя зрѣлыя его произведенія встрѣчаютъ холодный пріемъ публики: по выходѣ въ свѣтъ «Бориса Годунова» критики жалуются на паденіе его таланта. Ни въ свѣтѣ, ни въ семьѣ, ни въ литературѣ

Пушкинъ не находить себѣ мѣста: онъ чувствуетъ свое полное одиночество, видитъ вокругъ себя злобу, непониманіе, зависть, насмѣшки. Ему хочется уѣхать въ деревню, погрузиться въ работу, забыться и отдохнуть. Незадолго до смерти онъ посвящаетъ женѣ стихотвореніе:

Пора, мой другъ, пора! Покоя сердце просить,
Летятъ за днями дни и каждый день уноситъ
Частицу бытія, а мы съ тобой вдвоемъ
Располагаемъ жить. И глядь — все прахъ: умремъ!
На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мнѣ доля,
Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ.

Но поэтъ не могъ бѣжать: петля, душившая его, затягивалась все уже и трагическая развязка приближалась. Въ петербургскомъ свѣтѣ блистала молодой гвардейскій офицеръ баронъ Дантесъ, французъ родомъ, пріемный сынъ голландскаго посланника Геккерена. Онъ влюбился въ жену Пушкина и открыто преслѣдовалъ ее своими ухаживаніями. Тщеславная и вѣтреная Наталья Николаевна кокетничала съ нимъ и подавала поводъ къ оскорбительнымъ для поэта толкамъ и сплетнямъ. Пушкинъ жаждалъ выхода изъ невыносимаго для него положенія, можетъ быть онъ сознательно искалъ смерти. 27 января 1837 года состоялась дуэль между нимъ и Дантесомъ; Пушкинъ былъ смертельно раненъ и черезъ два дня скончался въ жестокихъ мученіяхъ.

* * *

Пушкинъ воспитался на скептическомъ вольнодумствѣ XVIII вѣка, въ молодости онъ считалъ себя «чистымъ атеистомъ» и писалъ кощунственные стихи о

Божьей Матери. Но, если умъ его былъ «взволнованъ сомнѣніемъ», сердце его всегда было открыто Богу. Можно считать себя невѣрующимъ и быть глубоко религиознымъ человѣкомъ. Такимъ былъ Пушкинъ. Въ своемъ высокомъ призваніи поэта, въ своемъ благоговѣйномъ служеніи красотѣ, онъ чувствовалъ себя Божьимъ избранникомъ, «сыномъ небесъ», пророкомъ. Въ гениальномъ стихотвореніи «Пророкъ» изображается мистическій опытъ грѣшнаго и слабаго человѣка, котораго «шестикрылый серафимъ» превращаетъ въ вдохновеннаго пророка.

ПРОРОКЪ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынь мрачной я влачился,
И шестикрылый серафимъ
На перепутьѣ мнѣ явился.
Перстами легкими, какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ, —
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ,
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угля, пылающій огнемъ,

Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынь я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!»

Торжественнымъ языкомъ, насыщеннымъ церковно-славянизмами, въ величественныхъ библейскихъ образахъ — символахъ Пушкинъ описываетъ таинственное событіе внутренней жизни: рожденіе духовнаго чело-вѣка.

Въ послѣдніе годы религіозные мотивы звучатъ все громче въ его творествѣ. Въ русской литературѣ нѣтъ болѣе совершеннаго образца религіозной поэзіи, чѣмъ пушкинскій пересказъ великопостной молитвы Ефрема Сирина:

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ
Сложили множество божественныхъ молитвъ;
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста —
И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
«Владыко дней моихъ! Духъ праздни-сти унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ мой;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшешья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи».

Какое простое и суровое величіе въ этой медлен-

ной и широкой мелодіи! Предѣлъ поэзіи — молитва, прообразъ художественнаго слова — божественный Логосъ. Въ стихахъ Пушкина совершается чудо воплощенія Слова. Незадолго до смерти поэтъ записалъ: «О, скоро ли перенесу я мои пенаты въ деревню — поля, садъ, крестьяне, книги, труды поэтическіе, семья, любовь и т. д — *религія, смерть.*»

Онъ умеръ примиренный съ Богомъ, послѣ исповѣди и причастія.

* * *

Пушкинъ — величайшій геній Россіи; онъ основатель нашей національной литературы, которой въ концѣ XIX вѣка суждено было стать міровой, — все это давно стало безспорной истиной. Но Пушкинъ болѣе этого: онъ наше «солнце», лучи котораго освѣщаютъ и согреваютъ каждое русское сердце. Онъ «наше все», какъ сказалъ Достоевскій. Онъ входитъ въ жизнь cadaго изъ насъ, какъ самый близкій, самый любимый другъ. Именно въ *любви*, которую онъ излучаетъ изъ себя и возбуждаетъ въ насъ, тайна его генія и залогъ безсмертія. Мы учимся у него, восхищаемся имъ, но прежде всего и больше всего *мы любимъ его*. Это чувство выразилъ Тютчевъ въ двухъ простыхъ строчкахъ:

Тебя, какъ первую любовь,
Россіи сердце не забудетъ!

ЛЕРМОНТОВЪ.
(1814-1841)

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ происходилъ изъ шотландскаго рыцарскаго рода; предокъ его Георгъ Лермонтъ перешелъ на службу московскому царю въ началѣ 17 вѣка. Сохранилась поэтическая легенда о шотландскомъ бардѣ Томасѣ Лермонтѣ, который былъ унесенъ въ царство фей и получилъ даръ вѣщихъ пѣсень. О немъ рассказываетъ Вальтеръ Скоттъ въ балладѣ «Томасъ пѣвецъ». Русский родъ Лермонтовыхъ скоро обѣднѣлъ, Отецъ поэта, отставной капитанъ, женился на богатой и знатной Маріи Михайловнѣ Арсеневой, мать которой, урожденная Столыпина, гордилась своимъ аристократизмомъ и презирала бѣднаго зятя. Она заставила молодыхъ поселиться въ ея имѣніи Тарханахъ и деспотически вмѣшивалась въ ихъ жизнь. Лермонтовъ родился въ Москвѣ въ 1814 году; мать его, «тихая, блѣдная барыня», какъ называли ее крестьяне, нелюбимая мужемъ и запуганная матерью, умерла отъ чахотки, когда сыну ея не было еще трехъ лѣтъ. О ней запомнилъ онъ только одно: ея печальную пѣсню... «Когда я былъ трехъ лѣтъ, писалъ онъ, то была пѣсня, отъ которой я плакалъ... Ее пѣвала мнѣ покойная мать». Послѣ смерти жены отецъ Лермонтова уѣхалъ въ свое маленькое имѣніе и потребовалъ сына къ себѣ. Бабушка, перенесшая ревнивую любовь съ дочери на внука, не въ силахъ была съ нимъ разстаться. Началась борьба за ребенка между отцомъ и бабушкой, сыгравшая роковую роль въ судьбѣ поэта.

Мальчикъ росъ въ богатомъ помѣстьѣ Арсеневой — Тарханахъ, окруженный няньками, воспитате-

лями, гувернерами; онъ чувствовалъ себя маленькимъ царькомъ, его капризы были для всѣхъ закономъ. Въ незаконченной повѣсти Лермонтовъ описываетъ дѣтство Саши Арбенина — свое собственное дѣтство. «Зимой горничныя приходили шить и вязать въ дѣтскую, чтобы потѣшать маленькаго барченка. Онѣ его ласкали и цѣловали наперерывъ, рассказывали ему сказки про волжскихъ разбойниковъ, и его воображеніе наполнялось чудесами дикой храбрости и картинами мрачными. Онъ разлюбилъ игрушки и началъ мечтать... Саша былъ преизбалованный, пресвоевольный ребенокъ. Природная всѣмъ склонность къ разрушенію развивалась въ немъ необыкновенно. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ давилъ несчастную муху и радовался, когда брошенный имъ камень сбивалъ съ ногъ бѣдную курицу». Потомъ онъ опасно заболѣлъ и едва не умеръ; за время болѣзни «онъ выучился думать».

Въ этомъ автопортретѣ отмѣчены всѣ главные черты поэта: непомѣрное развитіе чувства личности, гордое своеволие, мечтательность, жестокость и острый умъ.

Слабаго здоровьемъ ребенка бабушка три раза возила на Кавказскія минеральныя воды. Синія горы Кавказа поразили воображеніе мальчика и на всю жизнь стали для него «священны». Воспоминанье о нихъ было связано съ первой дѣтской любовью, болѣзненной и страстной. Ему было десять лѣтъ, когда онъ влюбился въ какую-то бѣлокурую, синеглазую дѣвочку и записалъ въ дневникъ: «О, эта загадка, этотъ потерянный рай — до могилы будутъ терзать мой умъ! Иногда мнѣ странно и я готовъ смѣяться надъ этой страстью, но чаще — плакать».

Въ 1828 году Лермонтовъ поступаетъ въ Московскій Университетскій пансіонъ и увлекается поэзіей. Воспитанники издають рукописные журналы, въ которыхъ онъ помѣщаетъ свои первые стихи. Онъ свободно читаетъ по англійски; величайшимъ событіемъ его

духовной жизни было знакомство съ лордомъ Байрономъ. Тайнственное сродство душъ соединяетъ ихъ; дѣйствіе Байрона на юношу Лермонтова не только «литературное вліяніе», оно было глубже и значительнѣй: въ личности гордаго англійскаго поэта потомокъ шотландскаго барда узналъ самого себя, понялъ загадку своей судьбы и осозналъ свой поэтический гений.

Въ Университетѣ Лермонтовъ презиралъ «допотопныхъ» профессоровъ; на лекціяхъ «подпершись локтемъ, читалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, не слушая преподаванія профессора», держался замкнуто и смотрѣлъ съ пренебреженіемъ на товарищей-студентовъ. Стихи этого времени свидѣтельствуютъ о большомъ напряженіи его внутренней жизни: все содержаніе будущихъ произведеній уже складывается въ его юношескихъ стихахъ. Начинаетъ онъ съ ученическихъ подражаній Пушкину («Черкесь», «Кавказскій Плѣнникъ», «Корсаръ») и первыя его поэмы «Аулъ Бастунджи», «Измаиль-бей», «Каллы», «Хаджи Абрекъ» написаны въ байроновскомъ романтическомъ стилѣ: бурныя страсти, роковыя преступленія, загадочные и мрачные герои, въ сложномъ и эффектномъ сплетеніи, представленны на фонѣ величественной и грозной природы Кавказа. Весь человѣческій міръ, ничтожный и жалкій, возбуждаетъ въ гордомъ поэтѣ негодованіе и презрѣніе: онъ чувствуетъ себя особеннымъ, непохожимъ на другихъ, отмѣченнымъ печатью избранничества и обреченности. Его бунтъ противъ общества происходитъ во имя величія «гения»; преклоняясь передъ героями — Наполеономъ, Байрономъ и полководцами двѣнадцатаго года, поэтъ «с печально глядитъ» на свое поколѣніе, холодное сердцемъ и постыдно равнодушное къ добру и злу.

Уйдя изъ Университета вслѣдствіе «исторіи» съ однимъ профессоромъ, Лермонтовъ поступаетъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, въ которой по словамъ его товарища Шанъ-Гирея «царствовалъ духъ какого-то разгула, кутежа, бамбошерства». Лермон-

товъ какъ-будто мстя себѣ за свои юношескія мечтанья бросился въ омутъ этой распутной и грязной жизни. Его «юнкерскіе стихи», воспѣвающие похождения золотой молодежи, полны грубаго, нарочитаго цинизма. Они талантливы и отвратительны. Лермонтовъ пишетъ Попухиной: «Пора моихъ мечтаній миновала; нѣтъ больше вѣры; мнѣ нужны матеріальныя наслажденія, счастье осязательное, такое, которое можно купить за золото».

Развратная, разудалая жизнь была для него попыткой заглушить тоску, «оставить въ покоѣ и бездѣйствіи душу». Она была надломомъ и вызовомъ судьбѣ, бурнымъ припадкомъ той стихіи разрушенія, которая жила въ немъ съ дѣтскихъ лѣтъ. Но послѣ угара гвардейскихъ попоекъ и оргій скоро наступило отрезвленіе. Въ 1834 году, произведенный въ офицеры, онъ съ радостью восклицаетъ: «Двухъ страшныхъ годовъ какъ-будто не бывало. Начинается періодъ блестящей свѣтской жизни, однообразно-пышной и утомительно-пестрой. Поэтъ томится въ вихрѣ пировъ и баловъ. «И тьмой и холодомъ объята душа усталая моя», пишетъ онъ въ стихотвореніи 1836 года. Онъ ждетъ освобожденія и сознаетъ свое безсиліе «начать другую жизнь». Въ 1837 году умираетъ Пушкинъ; Лермонтовъ пишетъ свое знаменитое стихотвореніе «На смерть Пушкина», полное благоговѣйной любви къ великому поэту и негодующаго обличенія его враговъ,

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастья обиженныхъ родовъ!
Вы, жадною толпою стоящіе у трона,
Свободы, генія и славы палачи!

Поэтъ взываетъ къ Божьему суду, грозному и нелицепріятному и заканчиваетъ словами:

И вы не смоее всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Стихи Лермонтова распространились въ Петербургѣ во множествѣ списковъ; дѣло дошло до Николая I, и авторъ былъ переведенъ на службу на Кавказъ. Тамъ поэтъ странствовалъ, одѣтый по черкесски, съ ружьемъ на плечахъ, отстрѣливался отъ лезгинъ, взбирался на Крестовую гору и лечился на минеральныхъ водахъ. Здѣсь онъ задумалъ романъ «Герой нашего времени», поэму «Мцыри» и написалъ стихотвореніе «Бородино». Ссылка на Кавказъ явилась тѣмъ освобожденіемъ, о которомъ онъ такъ мечталъ. Для Лермонтова началась «новая жизнь», полная творческой сосредоточенности и поэтического вдохновенія. Между тѣмъ бабушка хлопотала о возвращеніи внука и черезъ полъ года онъ снова въ Петербургѣ. «Большой свѣтъ» встрѣчаетъ его привѣтливо. «Весь народъ, пишетъ онъ, который я оскорблялъ въ стихахъ моихъ, осыпаетъ меня ласкательствами, самыя хорошенькія женщины просятъ у меня стиховъ и хвастаются ими, какъ тріумфомъ». Но онъ попрежнему чувствуетъ себя страшно одинокимъ: его тоска еще усиливается отъ встрѣчи съ Варенькой Лопухиной, которую онъ любилъ съ дѣтства и которая по волѣ роодителей вышла за другого. Между тѣмъ литературная его извѣстность быстро растетъ. Въ 1840 году выходитъ въ свѣтъ «Герой нашего времени» и вскорѣ, въ томъ же году, первый сборникъ стихотвореній. Имя молодого поэта окружено славой. Критика почти единодушно признаетъ его прямымъ наслѣдникомъ Пушкина.

Въ 1840 году на Лермонтова обрушивается новое несчастье: за дуэль съ сыномъ французскаго посланника Баранта его снова высылаютъ на Кавказъ. Поселившись въ Пятигорскѣ, онъ встрѣтился тамъ со своимъ старымъ товарищемъ по юнкерской школѣ Мартыно-

вымъ, человѣкомъ ограниченнымъ и заносчивымъ, одѣвавшимся по черкесски и носившемъ на поясѣ длинный кинжалъ. Лермонтовъ подшучивалъ надъ нимъ, рисовалъ на него карикатуры и называлъ «*Montagnard au grand poignard*». Взбѣшенный Мартыновъ вызывалъ его на дуэль. Лермонтовъ былъ убитъ 15 іюля 1841 года.

Если вспомнить, что Лермонтовъ умеръ 27 лѣтъ и если сравнить его юношескіе опыты съ произведеніями зрѣлаго періода, нельзя не поразиться стремительнымъ ростомъ его поэтического таланта. Послѣ слабыхъ поэмъ вроде «Измаила-бея» и «Боярина Орши» онъ черезъ нѣсколько лѣтъ создаетъ такіе шедевры, какъ «Мцыри», «Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ» и «Демонъ». Послѣ ученическихъ подражаній, перепѣвовъ съ чужого голоса и экспериментовъ надъ стихомъ, — почти внезапный расцвѣтъ и сразу достигнутое совершенство. Было бы нетрудно показать многочисленныя литературныя вліянія, которые онъ испытывалъ: тутъ Байронъ, Шиллеръ, Пушкинъ, Жуковский, Козловъ и многіе другіе. Но насъ интересуютъ въ его творчествѣ не тѣ элементы, которые свойственны всей романтической школѣ, всему «русскому байронизму»; намъ хочется опредѣлить его собственный голосъ, его единственное неповторимое своеобразие. Лермонтовъ рѣдко касается религіозныхъ темъ и вполне равнодушенъ къ догматическому богословію, а между тѣмъ вся лирика его движется подлиннымъ религіознымъ вдохновеніемъ. Умъ его, скептический, охлажденный, сомнѣвающийся — въ разладѣ съ сердцемъ, всегда горящимъ тоской по Богѣ и жаждой искупленія темной и грѣшной земли. Душа его «по природѣ христіанка», въ ней живетъ видѣніе потеряннаго рая, чувство вины и томленіе по иному, просвѣтленному міру. Его романтическое міроощущеніе основано на чувствѣ грѣхопаденія и стремленіи къ «небесной отчизнѣ». Въ таинственно-прекрасномъ стихотвореніи «Ангель» поэтъ создаетъ поэтический мифъ о своей душѣ.

АНГЕЛЬ.

По небу полуночи ангелъ летѣлъ,
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ и звѣзды и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна была.

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ.
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

И долго на свѣтѣ томилаcь она
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Душа — жилища двухъ міровъ; она не можетъ забыть блаженства райскихъ садовъ, въ ней звучитъ отголосокъ ангельской пѣсни, — и попавъ въ міръ слезъ, она вѣчно томится «чуднымъ желаніемъ», чувствуетъ себя бездомной странницей. Неудовлетворенность, покинутость, одиночество души, тоска по раю, смутная жажда полноты божественной жизни, неземная музыка, никогда не умолкающая, сладостная и тоскливая, и бесплодныя попытки передать ее земными словами — такова мистическая основа поэзіи Лермонтова. «Душа-христіанка», не имѣющая здѣсь на землѣ постоянного града и взыскающая града небеснаго, жалуется на свое плѣненіе, на свое изгнаніе: она сидитъ, какъ падшій Адамъ у воротъ Эдема и горько оплакиваетъ свою судьбу. Образъ странника, плѣнника, скитальца упорно повторяется въ стихахъ поэта. То срав-

ниваетъ онъ себя съ «одинокимъ парусомъ» — «въ туманѣ моря голубомъ»:

Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой;
А онъ, мятежный, ищетъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой;

то — съ узникомъ, тоскующимъ по свободѣ:

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня.

то — съ небесными тучками, у которыхъ нѣтъ ни родины,
ни изгнанія:

Тучки небесныя, вѣчныя странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною,
Мчитесь вы, будто какъ я же изгнанники,
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.

то — съ «утесомъ великаномъ», на груди котораго «ночевала тучка золотая»:

... одиноко
Онъ стоитъ; задумался глубоко
И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ;

то — съ дубовымъ листкомъ, оторвавшимся отъ вѣтки и
принесеннымъ бурей къ корню чинары, которая въ гордой
своей красотѣ презираетъ запыленного странника:

Иди себѣ дальше, о странникъ! тебя я не знаю.
Я солнцемъ любима, цвѣту для него и блистаю.

Печальна участь одинокой путницы-души; но еще скорбнѣ судьба поэта, одареннаго вѣщимъ зрѣніемъ, напоминающаго людямъ о Царствіи Божіемъ. Въ отвѣтъ на пушкинскаго «Пророка» Лермонтовъ написалъ стихотвореніе подъ тѣмъ же именемъ. Поэта-пророка люди побиваютъ камнями; высокій даръ становится для него проклятіемъ; только природа почитаетъ въ немъ избранника Божія.

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья...

Въ пустынь его слушаютъ звѣзды, ему покорна
«тварь земная», а въ городахъ старики говорятъ дѣтямъ:

Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его.

«Пустыня» ближе къ Богу, чѣмъ грѣшные люди: природа блистаетъ въ своей непорочной красотѣ; ночью, на большой дорогѣ поэтъ чувствуетъ присутствіе Божіе, великую гармонию міровъ, бесѣду звѣздъ между собой. Одно изъ лучшихъ его стихотвореній начинается слѣдующими двумя строфами:

Выхожу одинъ я на дорогу
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;

Ночь тиха, пустыня внемлетъ Богу
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

Въ небесахъ торжественно и чудно,
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ...
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно?
Жду-ль чего? жалѣю ли о чемъ?...

Несчастливая любовь къ Варенькѣ Попухиной внушила поэту много стихотвореній, то страстныхъ, то гнѣвно-скорбныхъ, то покорно-ясныхъ. Онъ пережилъ муки ревности, разочарованье и даже ненависть къ женщинѣ, которую одну любилъ въ жизни. Но злослѣпленіе страсти разсѣялось, и въ душѣ его осталась только печальная нѣжность. Въ изумительномъ стихотвореніи «Молитва странника» поэтъ молится передъ образомъ Божіей Матери:

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника въ свѣтѣ безроднаго,
Но я вручить хочу дѣву невинную,
Теплой Заступницѣ міра холоднаго.

Онъ проситъ Святую Дѣву окружить ее счастьемъ, дать ей сердце «миръ упованія» и заманчиваетъ:

Срокъ ли приблизится часу прощальному
Въ утро ли шумное, въ ночь ли безгласную,
Ты воспріять пошли къ ложу печальному,
Лучшаго ангела душу прекрасную.

Въ своей тоскѣ и разочарованности Лермонтовъ зналъ мгновенія чистаго умиленія, минуты пламеннаго религіознаго экстаза, зналъ благодатную силу молитвы.

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ
И дышетъ непонятная
Святая предѣсть въ нихъ

(«Молитва»).

* * *

Центральное мѣсто въ поэтическомъ творествѣ Лермонтова занимаетъ поэма «Демонъ». Онъ задумалъ ее пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ и работалъ надъ ней всю жизнь. Сохранилось пять редакцій, но и послѣднюю нельзя считать окончательной; поэтъ такъ любилъ свое созданіе, что даже та ослѣпительно-нарядная одежда, въ которой оно до насъ дошло, не казалась ему достаточно пышной. Сюжетъ «Демона» характеренъ для романтической школы: безсмертный духъ, влюбляющійся въ смертную женщину, изображенъ въ поэмѣ Ламартина «Паденіе ангела»; ангелъ, изъ состраданія любящій демона, появляется въ мистеріи Альфреда де Виньи «Элоа»; падшій духъ, гордый и несчастный, выведенъ въ поэмѣ Байрона «Каинъ». Вообще образъ могучаго и свободнаго духа, возстающаго противъ Бога и носящаго на челѣ печать проклятія и отверженія, привлекалъ романтиковъ своимъ титаническимъ величіемъ. У Лермонтова «печальный демонъ, духъ изгнанья» летаетъ надъ вершинами Кавказа. Мрачная и дикая красота горнаго края обрамляетъ его гордый и зловѣщій образъ. Но лермонтовскій демонъ не похожъ на библейскаго сатану: онъ не любитъ зла, ибо нигдѣ не встрѣчаетъ сопротивленія. «И зло наскучило ему». Онъ тоскуетъ по тѣмъ днямъ, когда «въ жилищѣ свѣта блисталъ онъ чистый херувимъ», тяготится своимъ могуществомъ, своимъ безпредѣльнымъ одиночествомъ, своей безплодной свободой.

И все, что предъ собой онъ видѣлъ
Онъ презиралъ и ненавидѣлъ.

На высокомъ утѣсѣ, на плоской крышѣ замка
княжна Тамара среди игръ и пѣсенъ подругъ ожидаетъ
жениха. Демонъ видитъ ее и

... на мгновенье
Неизъяснимое волненье
Въ себѣ почувствовалъ онъ вдругъ
Нѣмой души его пустыню
Наполнилъ благодатный звукъ,
И вновь постигнулъ онъ святыню
Любви, добра и красоты...

Такое внезапное перерожденіе было бы невозможно
для духа зла. Но лермонтовскій демонъ подъ маской
злого духа прячетъ вполнѣ человѣческое лицо разоча-
рованного романтическаго героя. Онъ губитъ жениха
у часовни въ ущельѣ горъ — и невѣстѣ, рыдающей надъ
трупомъ, нашептываетъ влюбленнымъ и страстнымъ сло-
ва:

Лишь только ночь своимъ покровомъ
Верхи Кавказа осѣнить,
Лишь только міръ волшебнымъ словомъ
Завороженный, замолчить...
Къ тебѣ я стану прилетать,
Гостить я буду до денницы
И на шелковыя рѣсницы
Сны золотые навѣвать.

Тамара уходитъ въ монастырь, надѣясь, что голосъ
соблазнителя не проникнетъ въ святую обитель. Но и
въ кельѣ она неотступно думаетъ о немъ...

Святымъ захочетъ ли молиться,
А сердце молится ему.

Демонъ находить ее и тамъ. Его влечетъ любовь, онъ «входитъ, любить готовый, съ душой, открытой для добра». Онъ вѣритъ, что для него возможно обновленіе, что любовь чистой дѣвушки спасетъ его. Въ большемъ лирическомъ монологѣ демонъ исповѣдуются передъ Тамарой и умоляетъ ее:

О выслушай изъ сожалѣнья!
Меня добру и небесамъ
Ты возратить могла бы словомъ.

Онъ касается поцѣлуемъ ея губъ, и въ это мгновеніе она умираетъ. Ангель на золотыхъ крыльяхъ несетъ ея душу въ рай ; демонъ, какъ шумный вихрь, взвивается изъ бездны и заявляетъ: «она моя». Но ангель отвѣчаетъ:

Исчезни, мрачный духъ сомнѣнья!
Довольно ты торжествовалъ....
Она страдала и любила
И рай открылся для любви.

Побѣжденный демонъ проклиняетъ свои «безумныя мечты».

И вновь остался онъ, надменный,
Одинъ какъ прежде, во вселенной
Безъ упованья и любви.

Образъ Демона до конца остался неяснымъ Лермонтову. Онъ подчеркиваетъ искренность его любви, его обращенія къ «добру», его раскаянья, а вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ понять, что его вдохновенныя и пламенныя рѣчи были только соблазномъ и обманомъ. Въ волнахъ лирическаго потока образъ падшаго духа дробится и расплывается. Мы такъ и не знаемъ, къ чему стремится

демонъ: спасти себя любовью чистой дѣвушки или погубить ее своими коварными соблазнами. И эта двойственность знаменательна: въ самомъ поэтѣ была борьба добра со зломъ, нераскаянной гордыни и жажды искупленія.

Въ «Демонѣ» стихъ Лермонтова достигаетъ такой образной и эмоциональной насыщенности, за которыми уже начинается декламация и риторика. И описанія природы, и языкъ раскаленныхъ страстей, и борьба идей необыкновенно напряжены. Какъ роскошная природа Грузіи, поэма сверкаетъ драгоценными камнями, звенитъ голосами птицъ, благоухаетъ ароматами южнаго полдня. Поэтъ безъ мѣры расточаетъ свои поэтическія сокровища; въ русской литературѣ, пожалуй, нѣтъ стихотворенія болѣе пышнаго и живописнаго.

* * *

Изъ другихъ поэмъ наиболѣе совершенна поэма «Мцыри», дѣйствіе которой тоже происходитъ на Кавказѣ. Молодой черкесь, взятый въ плѣнъ русскими и попавшій въ монастырь, готовится къ постриженію въ монахи. И вдругъ ночью, во время страшной бури онъ бѣжитъ; черезъ три дня его находятъ въ горахъ умирающимъ; передъ смертью онъ рассказываетъ старому монаху свою жизнь. Для этой исповѣди, лирическаго монолога, выдержаннаго въ повышенно-эмоциональномъ тонѣ, и написана поэма. Мцыри (по грузински — послушникъ) — сильная, страстная и мятежная натура. Онъ тяготится мирной и тихой жизнью, ищетъ воли, бурной и опасной жизни, пламенныхъ страстей и роковой борьбы. Для него нѣтъ ничего слаще

Дружбы краткой, но живой
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой.

Три дня, проведенные на волѣ, среди дикихъ уще-

лій и скалъ, въ упоеніи силы и свободы, въ «чудномъ мірѣ тревогъ и битвъ», были его настоящей, счастливой жизнью.

Въ иной мірѣ, въ иную поэтическую атмосферу переноситъ насъ «Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ». Байронистъ Лермонтовъ, умѣвшій говорить только о своемъ разочарованномъ умѣ и увядшемъ сердцѣ, вдругъ открылъ въ себѣ «русскую душу», проникъ въ тайны народного искусства и создалъ совершенное произведение въ народно-историческомъ духѣ. Купецъ Калашниковъ, выходящій на кулачный бой на Москвѣ-рѣкѣ противъ царскаго любимца опричника Кирибѣевича, оскорбителя его жены; царь Иванъ Грозный, казнящій купца за убійство своего вѣрнаго слуги и общающій «не оставить его своей милостью»; разгульный и дерзкій опричникъ, платящій жизнью за преступную страсть къ замужней женщинѣ, — всѣ эти образы, цѣльные, простые и выразительные, погружены въ стихію народной пѣсни-былины, въ ея плавный ритмъ и широкій распѣвъ.

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной кремлевской, бѣлокаменной,
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучи сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается...

* * *

Въ романѣ «Герой нашего времени» русская повѣствовательная проза достигаетъ высокаго совершенства. Новеллы Лермонтова по характеру своему прямо противоположны его стихамъ; поэтическій стиль его, перегруженный чувствами, образами, красками, эффектными контрастами и риторическими фигурами часто представляется намъ нѣкимъ «лирическимъ кра-

снорѣчіемъ». Въмѣсто пѣвца мы нерѣдко слышимъ оратора, проповѣдника, обличителя. Прозаическій стиль, напротивъ, поражаетъ своей «неукрашенностью»; онъ безкрасоченъ, точенъ и простъ. Лермонтовъ въ поэзіи пользуется палитрой и широкими кистями; въ прозѣ онъ довольствуется остро оточеннымъ карандашомъ, тонкой иглой гравера. Въ поэзіи — мазки, свѣтотѣни, яркій и пестрый колоритъ; въ прозѣ — строгій рисунокъ, безукоризненная правильность линій, легкая увѣренность штриха. Въ поэзіи все пламенѣтъ, звенитъ и благоухаетъ; въ прозѣ холодокъ и воздушная прозрачность. Проза Лермонтова чиста, отчетлива и гибка. Какъ воздухъ она обтекаетъ предметы, подчеркиваетъ ихъ формы и пропорціи, создаетъ перспективы. Конечно, Лермонтовъ учился у Пушкина; но какъ чудесно преобразилъ онъ пушкинскую манеру, смягчивъ ея строгую сухость и придавъ ей новое, необъяснимое очарованье.

«Герой нашего времени» — повѣсть о Печоринѣ, представителѣ цѣлаго поколѣнія русскихъ людей. Онъ — меньшей братъ пушкинскаго Онѣгина, болѣе сумрачный и менѣе добродушный. Онѣгинъ, несмотря на всю свою хандру и «остывшее сердце», все-же «добрый малый» «москвичъ въ гарольдовомъ плащѣ». Онъ скучаетъ и любитъ свою скуку, ропщетъ на жизнь, но въ глубинѣ души страстно ее любитъ. Не то Печоринъ; «болѣзнь вѣка» («le mal du siècle» Шатобріана) отъ одного поколѣнія до другого развилась и углубилась; странный недугъ невѣрія, сомнѣнія, безсердечія поразилъ уже самые источники жизни. Онѣгинъ еще просто «чуждакъ», Печоринъ уже «нравственный калѣка». Онѣгинъ по легкомыслію молодости, изъ тщеславія и модной разочарованности отвергаетъ Татьяну, изъ досады и боязни свѣтскаго суда убиваетъ на дуэли друга, но какъ онъ наказанъ! Какъ пылковлюбляется онъ въ свою «бѣдную Таню», встрѣтивъ ее въ Петербургѣ, какъ терзается угрызеніями совѣсти, когда

«кровавленная тѣнь» Ленскаго является ему каждый день!

Печоринъ уже не знаетъ ни возможности любви, ни способности къ раскаянію. Его сердце окаменѣло, его острый, все разлагающій умъ созерцаетъ самъ себя и парализуетъ всякую попытку дѣйствія. «Изъ жизненной бури, говоритъ онъ, я вынесъ только нѣсколько идей — и ни одного чувства. Я давно уже живу не сердцемъ, а головою. Я взвѣшиваю, разбираю свои собственныя страсти и поступки съ строгимъ любопытствомъ, но безъ участія. Во мнѣ два человѣка». Раздвоеніе, только намѣтившееся въ Онѣгинѣ, превратилось у Печорина въ трагическій разладъ. Онъ — созерцатель и экспериментаторъ. Самый жуткій, почти демоническій его экспериментъ надъ человѣческимъ сердцемъ разсказанъ въ повѣсти «Княжна Мери». Встрѣтивъ въ Пятигорскѣ молодую и прекрасную княжну Мери Лиговскую, Печоринъ ведетъ съ ней сложную и коварную любовную игру, возбуждая въ ней сначала ненависть, потомъ любопытство, ревность, жалость, привязанность и, наконецъ, глубокую любовь. Онъ дѣйствуетъ, какъ опытный режиссеръ театра жизни, держа въ своихъ рукахъ всѣ нити интриги и назначая различнымъ дѣйствующимъ лицамъ соотвѣтствующія имъ роли. Ему не нужно ни любви, ни уваженія, ни счастья; съ него довольно холоднаго сознанія своей безграничной власти надъ душами. «Честолюбіе есть ничто иное, какъ жажда власти, говоритъ онъ; а первое мое удовольствіе — подчинять моей волѣ все, что меня окружаетъ». Этотъ духовный деспотизмъ, ненасытная гордыня, питающаяся чужими страданіями, и расчетливая «игра въ страсти» придаютъ образу Печорина демоническія черты. Онъ добивается у измученной княжны признанія въ любви; онъ ждалъ этой минуты, къ ней и велъ все дѣйствіе придуманной имъ комедіи. Это — минута его торжества. На любовное признаніе Мери онъ отвѣчаетъ: «Я васъ не люблю».

Параллельно съ игрой въ любовь къ княжнѣ Мери Печоринъ ведетъ другую любовную игру: встрѣтитъ свою прежнюю возлюбленную, Вѣру, онъ со скуки возобновляетъ съ ней связь, несмотря на то, что она уже замужемъ. Она приноситъ ему въ жертву свое спокойствіе, свою честь, быть можетъ жизнь. И уходитъ отъ него съ сознаніемъ, что жертва была безплодной, что онъ никогда ее не любилъ.

Въ другомъ разсказѣ, входящемъ въ составъ «Героя нашего времени» — «Бѣла» Печоринъ похищаетъ дочь кавказскаго князя, красавицу-дикарку Бѣлу и увозитъ ее въ крѣпость за Терекомъ. Бѣла цѣлому-дрена и горда. Печоринъ ее не любитъ, но ему скучно, и ея сопротивленіе его забавляетъ. Какъ и съ княжной Мери, такъ и съ Бѣлой онъ производитъ опытъ: покорить себѣ это своевольное и чистое существо. Только средства его теперь проще: для побѣды надъ бѣдной дикаркой достаточно грубоватой ласки, угрозы и подарковъ. Бѣла завоевана: она любитъ страстно, забывъ и честь, и родной аулъ и вольную жизнь. Но опытъ конченъ, и Печоринъ ее бросаетъ. Къ счастью шальная пуля разбойника-горца сокращаетъ ея погубленную жизнь. Добрый капитанъ Максимъ Максимовичъ, подъ начальствомъ котораго служитъ Печоринъ, хотѣлъ его утѣшить; тотъ «поднялъ голову — и засмѣялся». Максимъ Максимовичъ прибавляетъ: «У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ».

Разсказы «Таманъ» и «Фаталистъ» не прибавляютъ ничего новаго къ характеристикѣ Печорина. Въ первомъ описывается его странное приключеніе съ дѣвушкой-контрабандисткой, завлекшей его въ лодку и пытавшейся его утопить; во второмъ излагается исторія поручика Вулича, пожелавшаго испытать на себѣ власть фатума: онъ стрѣляетъ въ себя изъ пистолета и даетъ осѣчку, но въ ту же ночь пьяный казакъ на улицѣ убиваетъ его шашкой.

Въ образѣ Печорина русская «болѣзнь вѣка» была раскрыта Лермонтовымъ во всей ея злобѣщей глубинѣ. Сильная личность, властолюбивая и ледяная, волевая и бездѣятельная, дошла до саморазложенія. Весь путь былъ пройденъ. Романтическій прекрасный демонъ былъ развѣнчанъ.

ГОГОЛЬ.
(1809-1852)

Николай Васильевичъ Гоголь происходилъ изъ стариннаго малороссійскаго рода. Его прадѣдъ былъ священникомъ; отецъ, авторъ веселыхъ комедій, передалъ сыну свой юморъ и литературную одаренность. Гоголь родился въ Полтавской губерніи въ 1809 году. Его мать, Марья Ивановна, была женщина очень религіозная, суевѣрная и мнительная: всю свою жизнь прожила она въ необъяснимыхъ, мучительныхъ тревогахъ. «Одинъ разъ, пишетъ Гоголь матери, я просилъ васъ рассказать мнѣ о Страшномъ Судѣ и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно рассказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшныхъ, что это потрясло и разбудило во мнѣ всю чувствительность, это заронило и произвело въ послѣдствіи во мнѣ самыя высокія мысли». Гоголь не принадлежалъ къ тѣмъ избраннымъ, которые рождаются съ любовью къ Богу; вѣра должна была прійти къ нему другимъ путемъ: не отъ любви, а отъ страха. Грозная картина Суда, нарисованная болѣзненнымъ воображеніемъ матери, «потрясла» его. Онъ росъ слабымъ, впечатлительнымъ и неуравновѣшеннымъ ребенкомъ, испытывалъ припадки стихійнаго ужаса; съ ранняго дѣтства боялся смерти и возмездія за гробомъ.

Въ 1821 году Гоголь поступаетъ въ нѣжинскую гимназію высшихъ наукъ и проводитъ въ ней семь лѣтъ. Учится онъ плохо и съ товарищами не сходится. «Товарищи его любили, пишетъ лицейскій пріятель Гоголя А. Данилевскій, но называли «тайнственный нар-

ла». Онъ относился къ товарищамъ саркастически, любилъ посмѣяться и давалъ прозвища». Гоголь чувствуетъ себя романтическимъ героемъ и презираетъ «толпу»; онъ вѣритъ въ свое великое призваніе, въ свое «служеніе», мечтаетъ о славѣ, рвется въ Петербургъ. Стоя на порогѣ новой жизни, онъ представляетъ себѣ «веселую комнату, окнами на Неву» и въ гордыхъ, торжественныхъ словахъ сообщаетъ матери о своемъ намѣреніи: «Испытую свои силы для поднятія труда важнаго, благороднаго на пользу отечества, для счастья гражданъ, для блага жизни себѣ подобныхъ и, дотолѣ нерѣшительный, неувѣренный въ себѣ, я вспыхиваю огнемъ гордаго самосознанія. Черезъ годъ вступлю я на службу государственную».

Въ 1829 году Гоголь пріѣзжаетъ въ Петербургъ. Столица встрѣчаетъ его непривѣтливо. Онъ поселяется не въ «веселой комнатѣ, окнами на Неву», а на четвертомъ этажѣ большого, мрачнаго дома. Онъ живетъ «какъ въ пустынѣ», на него «нападаетъ хандра». Неудачные поиски службы заставляютъ его вспомнить о поэмѣ «Ганцъ Кюхельгартенъ», написанной имъ въ Нѣжинѣ. Онъ издаетъ ее на послѣднія деньги подъ псевдонимомъ Алова. Послѣ жестокой журнальной критики, Гоголь отбираетъ у книгопродавцевъ всѣ экземпляры и сжигаетъ ихъ. И тутъ первой мыслью оскорбленнаго автора было: бѣжать. Онъ уѣзжаетъ въ Любекъ, съ удивленіемъ видитъ себя въ чужомъ городѣ, среди чужихъ людей, языкъ которыхъ не понимаетъ. Наступаетъ отрезвленіе: бѣглецъ возвращается въ Петербургъ, поступаетъ на службу въ департаментъ Удѣловъ, знакомится съ литераторами и сотрудничаетъ въ журналахъ. Въ 1831 году выходитъ его сборникъ «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» и приноситъ ему внезапную славу.

Пушкинъ привѣтствуетъ книгу Гоголя: «Вотъ истинная веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства и чопорности! и мѣстами какая поэзія, ка-

кая чувствительность». Разказы, написанные отъ лица добродушно-лукаваго «пасичника Рудого Панька» очаровали читателей «живымъ описаніемъ племени поющаго и пляшущаго» (слова Пушкина). Всѣ смѣялись, начиная съ наборщиковъ, которые, завидя автора «Вечеровъ», «давай каждый фыркать и прыскать себѣ въ руку, отворотившись къ стѣнкѣ» (письмо Гоголя къ Пушкину).

Тоскуя въ туманномъ Петербургѣ, Гоголь представлялъ себѣ свою солнечную Украину, ея поэтическій бытъ, веселыя игры, пестрые, народные костюмы, ея шумные праздники, ярмарки, колядованіе на святахъ. Въ началѣ 30-хъ годовъ русская романтическая школа стремилась къ народности, изучала сокровища народнаго творчества, былины, сказки, пѣсни и повѣрья. Малороссія, открытая Гоголемъ, показалась читателямъ новымъ, волшебнымъ міромъ, свѣтлымъ, красочнымъ, поющимъ. Гоголь просилъ мать присылать ему подробныя описанія старинныхъ костюмовъ, утвари, обрядовъ и сказаній. Онъ искренно хотѣлъ точно изобразить дѣйствительность, но вмѣсто этого у него получилась поэтическая сказка о далекой странѣ, гдѣ всѣ молодцы храбры и влюблены, дѣвушки прекрасны, задорны и нѣжны; гдѣ старые казаки, лѣнивые и безпечные, курятъ длинныя трубки и хвастаются своими подвигами; гдѣ сварливыя старухи художественно ругаютъ мужей, притѣсняють падчерицъ и заводятъ шашни съ нечистой силой. Въ «Ночи передъ Рождествомъ» деревенская красавица Солоха летаетъ верхомъ на помелѣ, добродѣтельный купецъ Вакула, чтобы угодить своей чернобровой Оксанѣ, отправляется къ царицѣ за черевичками, чортъ, обжигая руки, крадетъ мѣсяцъ, парубки и дѣвушки поютъ и пляшутъ на снѣгу. Въ «Сорочинской ярмаркѣ» чортъ бродитъ по ярмаркѣ, собирая куски своей красной свитки, Солопій Черевикъ воюетъ съ злой жинкой; цыгане придумываютъ ловкую хитрость, чтобы помочь влю-

бленному Грицьку жениться на Параскѣ, а изъ окошка выставляется страшная свиная рожа, которая поводитъ очами, какъ будто спрашивая: «А что вы тутъ дѣлаете, добрые люди?»

Повѣсти Гоголя были и веселы и страшны. Читатели, очарованные юморомъ Рудого Панька, не обратили вниманія на его жуткую фантастику. Правда, въ «Ночи передъ Рождествомъ», «Сорочинской ярмаркѣ» «Пропавшей грамотѣ», «Заколдованномъ мѣстѣ» — чертовщина уморительная и «домашняя». Въ «Майской ночи» и въ «Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала» — страшное уже преобладаетъ надъ смѣшнымъ. И, наконецъ, въ «Страшной мести» смѣхъ совсѣмъ замолкаетъ. Независимо отъ народной традиціи авторъ создаетъ чудовищные образы Басаврюка и колдуна, отца Катерины. Описаніе мертвецовъ, выходящихъ лунною ночью изъ могилъ на берегу Днѣпра, рассказъ о схваткѣ колдуна съ всадникомъ, сцена вызова души Катерины — самыя сильныя страницы въ «Вечерахъ». Гоголя неотступно преслѣдуетъ мысль о вторженіи демоническихъ силъ въ жизнь людей, и на исходъ борьбы съ ними онъ смотритъ съ безнадежностью. Въ этомъ онъ сознательно отступаетъ отъ народной сказки съ ея наивной вѣрой въ конечное торжество добра.

Успѣхъ «Вечеровъ» окрыляетъ Гоголя; онъ задумываетъ новыя повѣсти, хочетъ писать комедію, занимается исторіей Малороссіи, мечтаетъ о научной дѣятельности. Съ помощью друзей ему удастся получить кафедру въ Университетѣ: онъ читаетъ вдохновенную вступительную лекцію о среднихъ вѣкахъ, но дальнѣйшія его лекціи безсодержательны и вялы. У него нѣтъ достаточной научной подготовки, и слушатели его разбѣгаются. Самолюбивому Гоголю трудно примириться съ этой неудачей. «Я расплевался съ Университетомъ, пишетъ онъ Погодину, и черезъ мѣсяцъ опять беззаботный казакъ. Неузнанный я взошелъ на кафедру и неузнанный схожу съ нея. Но въ эти полтора

года — годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся — въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души». Съ лицейской скамьи онъ мечталъ объ «общественномъ служеніи» и ему горько было признаться въ своей неспособости къ научной и академической работѣ. Отнынѣ онъ всецѣло посвящаетъ себя литературѣ: въ этомъ и будетъ теперь его «служеніе на благо человѣчества».

Въ 1835 году выходитъ два новыхъ сборника «Арабски» и «Миргородъ».

Ощущеніе безнадежности и обреченности, которое просвѣчивало сквозь шумное веселье «Вечеровъ», въ новыхъ рассказахъ расширяется и углубляется. Гоголь видитъ міръ во власти темныхъ силъ; онъ умѣетъ «вызвать наружу все, что ежеминутно передъ очами и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ».

Въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ» авторъ изображаетъ тихую, счастливую жизнь двухъ стариковъ-супруговъ Афанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны. Невольно вспоминается древняя легенда о любовной идилліи стариковъ Филемона и Бавкиды. «Жизнь ихъ такъ тиха, такъ тиха, пишетъ Гоголь, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желанія и беспокойныя порожденія злого духа... вовсе не существуютъ». Но, какъ непрочны частоколы и плетни, ограждающіе игрушечный рай стариковъ! Афанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна живутъ въ невинности и блаженствѣ: низенькій домикъ съ протоптанной дорожкой отъ амбара до кухни, связки сушеныхъ грушъ и яблокъ, висящія на заборѣ, жарко натопленныя чистенькія комнатки съ дверями, поющими на разные голоса; кладовыя, полныя всевозможныхъ вареній и солений, — таковъ уютный мірокъ старосвѣтскихъ

помѣщиковъ. Съ умиленной любовью рассказываетъ авторъ объ ихъ прямодушїи, простотѣ, скромности, гостепріимствѣ, объ ихъ трогательной взаимной любви. Но ни любовь, ни чистота не могутъ уберечь это беззащитное счастье. «Злой духъ» проникаетъ въ ихъ рай подъ видомъ тощей, одичавшей кошки; входитъ смерть и страданіе. Для изображенія темныхъ силъ Гоголь не нуждается болѣе въ чертахъ украинскихъ сказокъ. Но куда страшнѣе мяуканье сѣренькой кошечки, предвѣщающей смерть, чѣмъ приплясываніе чорта, у котораго «мордочка оканчивалась, какъ и у нашихъ свиней, кругленькимъ пяточкомъ».

Суевѣрная Пульхерія Ивановна вѣритъ, что одичавшая кошечка приноситъ ей смерть. Она дѣлаетъ распоряженія, ложится въ постель и умираетъ. Черезъ пять лѣтъ Афанасій Ивановичъ слышитъ зовъ умершей жены — и покорно умираетъ. Закрываешь книгу и думаешь: для чего жили эти добрые, любящіе люди? Въ чемъ былъ смыслъ ихъ жизни? Почему погибли они отъ какого-то нелѣпаго суевѣрія? И вспоминаешь слова автора: «страшная, потрясающая тина мелочей, опутавшихъ нашу жизнь».

Въ «Повѣсти о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» передъ нами снова замкнутый мірокъ, «медвѣжій уголь», въ которомъ живутъ два друга-помѣщика. Гоголь какъ будто хочетъ сказать намъ, что на землѣ дружба столь же случайна, бессмысленна и беспомощна, какъ и любовь. Долгіе, спокойные годы прожили сосѣди въ полномъ согласіи. Они замѣняли другъ другу не только семью, но и весь міръ. Иванъ Ивановичъ вѣтѣвато рассказывалъ Ивану Никифоровичу политическія новости, упрекалъ его въ недостаточной тонкости обращенія и любилъ пощеголять передъ нимъ своимъ глубокомысліемъ; Иванъ Никифоровичъ, лѣнивый и неуклюжій, съ удовольствіемъ ѣлъ дыни, прислушиваясь къ краснорѣчію своего друга; онъ добродушно трунилъ надъ его само-

любіємъ и любилъ поражать рѣзкостью своихъ сужденій. Все это повторялось изо дня въ день, изъ года въ годъ, какъ привычный обрядъ жизни. Друзья дополняли другъ друга и были вполне счастливы. И вотъ Ивану Ивановичу понравилось старое ружье Ивана Никифоровича, а Ивану Никифоровичу не захотѣлось уступить его Ивану Ивановичу. Они поспорили и одинъ назвалъ другого «гусакомъ». Это довольно невинное слово показалось обиженному крайне оскорбительнымъ, произошла ссора, потомъ многолѣтняя тяжба; любовь внезапно превратилась въ ненависть, и бывшіе друзья проявили отвратительную мелочность, злобу, коварство. Авторъ заканчиваетъ свою повѣсть восклицаніемъ: «Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!» Скучно отъ трясины провинціального города съ его пошлостью, низменными интересами, злобными сплетнями; скучно отъ этой судебной волокиты, доносовъ, жалобъ, взятокъ, интригъ; скучно отъ повѣтового суда съ сундуками, въ которыхъ хранятся кипы гербовой бумаги съ ябедами и прошеніями; скучно отъ «удивительной лужи», находящейся на главной площади Миргорода. Сѣрая, убогая жизнь; сѣрыя, пошлыя души, страшный міръ, раскрывающійся безпощаднымъ и зоркимъ глазамъ Гоголя.

Въ разсказѣ «Вій» бурсакъ-философъ Хома Бруть читаетъ псалтырь надъ гробомъ панночки-вѣдьмы. Красота умершей поражаетъ его паническимъ ужасомъ. Гоголь глубоко задумывается надъ загадкой красоты. Въ своей жизни онъ не зналъ любви къ женщинѣ, и боялся этого чувства; ему казалось, что оно разрушитъ его душу. «Это пламя превратило бы меня въ прахъ въ одно мгновеніе», писалъ онъ своему другу Данилевскому. Хома Бруть гибнетъ отъ демонической силы красоты; мертвая красавица поднимается изъ гроба, злые духи врываются въ церковь и приводятъ Вія — страшное чудовище съ руками и ногами засыпанными землей... У него желѣзное лицо и вѣки, опущенные до

самой земли. Онъ указываетъ желѣзнымъ пальцемъ на Хому и тотъ, бездыханный, падаетъ на землю.

Въ сборникѣ «Миргородъ» помѣщена большая историческая повѣсть «Тарасъ Бульба». Задумавъ обширный трудъ по исторіи Малороссіи, Гоголь собиралъ документы, сказанія и народныя пѣсни. Исторіи онъ не написалъ; вмѣсто научнаго и объективнаго изслѣдованія создалась вдохновенная лирическая поэма о славномъ прошломъ Запорожской Сѣчи. «Тарасъ Бульба» — не спокойное повѣствованіе историка, а восторженный гимнъ героямъ, сражавшимся за вѣру и родину; прошлое казачества Гоголь видитъ сквозъ призму украинскихъ думъ, которыя онъ называетъ «звонкими, живыми лѣтописями». Онъ не рассказываетъ, а поетъ; вотъ почему тонъ его повѣсти такой напряженный, повышенный, почти риторическій. Ритмъ прозы легко переходитъ въ ритмъ стихотворной рѣчи; образы, сравненія, эпическія повторенія текутъ ровнымъ лирическимъ потокомъ; отважный, разгульный и жестокий Тарасъ и его сыновья, суровый, воинственный Остапъ и романтически-влюбленный, пламенный Андрій, занимаютъ первый планъ большой полу-исторической, полу-сказочной картины. Ихъ фигуры выше человѣческаго роста; это — «лыцари» (рыцари), полные стихійныхъ силъ и неукротимыхъ страстей.

Тарасъ везетъ своихъ сыновей, только что вернувшихся домой изъ бурсы, въ Запорожскую Сѣчь. Картины вольной и безпечной жизни казачества полны буйной удалы. Апдрій, влюбленный въ полячку, проникаетъ въ осажденный казаками городъ и измѣняетъ родинѣ; Тарасъ убиваетъ его собственной рукой. Остапъ попадаетъ въ плѣнъ къ полякамъ и отецъ въ толпѣ присутствуетъ при его ужасной казни. Среди нечеловѣческихъ мученій Остапъ кричитъ: «Батько! гдѣ ты? Слышишь ли ты все это?» И Тарасъ, выдавая себя, отвѣчаетъ: «слышу!» Потомъ онъ свирѣпо мститъ врагамъ

за смерть сына; наконецъ, поляки захватываютъ его и сжигаютъ на кострѣ.

Молодецкіе бои, отважные подвиги, героическія событія, напряженное и драматическое дѣйствіе, возвышенныя чувства и пламенные страсти — все это придаетъ поэмѣ Гоголя романтическое очарованіе. Если прибавить къ этому чудесныя по своей поэзій описанія южной природы, то станетъ понятно ея вліяніе на многія поколѣнія русскаго юношества.

Въ повѣсти «Тарасъ Бульба» Гоголь прощается со своей любимой Малороссіей, ея славнымъ прошлымъ, ея звонкими пѣснями. Жизнь въ Петербургѣ и знакомство съ чиновническимъ міромъ внушаютъ ему иные сюжеты, другую литературную манеру. Онъ отказывается отъ пышнаго романтизма и пестрой нарядности своихъ юношескихъ повѣстей и старается точно описывать простую будничную дѣйствительность, незначительныя мелочи убогой жизни петербургскихъ чиновниковъ.

Въ повѣсти «Шинель» появляется мелкій, забытый и жалкій чиновникъ Акакій Акакіевичъ Башмачкинъ. Онъ такъ приниженъ, такъ запуганъ, такъ обиженъ судьбой, что кромѣ механическаго переписыванія бумагъ ничего не умѣетъ дѣлать. Говоритъ онъ больше мѣстоимѣніями и междометіями, боится насмѣшливыхъ сослуживцевъ и трепещетъ передъ начальствомъ. Онъ такъ смиренъ и безотвѣтенъ, что ему и въ голову не приходитъ жаловаться на свою безотрадную жизнь или роптать на судьбу. Только изрѣдка, когда молодые чиновники ужъ слишкомъ издѣваются надъ нимъ и мѣшаютъ ему работать, онъ тихо произноситъ: «Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?» «И что-то странное заключалось въ словахъ и въ голосѣ, съ какимъ они были произнесены. Въ немъ слышалось что-то такое, преклоняющее на жалость, что одинъ молодой человѣкъ, который по примѣру другихъ позволилъ было себѣ посмѣяться надъ нимъ, вдругъ остановился, какъ буд-

то пронзенный, и съ тѣхъ поръ какъ-будто все перемѣнилось передъ нимъ и показалось въ другомъ видѣ. Какая-то неестественная сила оттолкнула его отъ то-варищей, съ которыми онъ познакомился, принявъ ихъ за приличныхъ свѣтскихъ людей. И долго потомъ, среди самыхъ веселыхъ минутъ, представлялся ему низенькій чиновникъ съ лысиной на лбу, съ своими проникающими словами: «Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?» И въ этихъ проникающихъ словахъ звенѣли другія слова: «Я братъ твой»!

Эта изумительная страница мѣняетъ все наше отношеніе къ Акакію Акакіевичу. Вдругъ въ этомъ тупомъ и смѣшномъ существѣ, въ этомъ авоматѣ для переписки бумагъ, мы видимъ скорбное человѣческое лицо — и нашъ смѣхъ смѣняется мучительной жалостью. Основатель «натуральной школы» Гоголь открылъ для русской литературы новую область: міръ «маленькихъ людей», незамѣтныхъ страдальцевъ, смиренныхъ и кроткихъ жертвъ социальной несправедливости, міръ бѣдныхъ, убогихъ, нищихъ духомъ, «униженныхъ и оскорбленныхъ». И послѣ романтическихъ героевъ, гордыхъ личностей, презирающихъ толпу, бунтующихъ противъ общества, загадочныхъ, разочарованныхъ и упоенныхъ собственнымъ величіемъ, «маленькіе люди» показались живыми и близкими. Прозвенѣли слова Гоголя: «Я братъ твой» — и всѣ послѣдующіе писатели, и Тургеневъ, и Достоевскій, и Некрасовъ, и Толстой горячо на нихъ откликнулись. Русская литература прониклась состраданіемъ къ униженному и несчастному человѣку, любовью къ его страдающей душѣ, гуманнымъ отношеніемъ къ меньшимъ братьямъ. Вся она стала бороться за достоинство человѣка и за улучшеніе его горькой участи на нашей землѣ. Гуманизмъ и филантропизмъ русской литературы идетъ отъ Гоголя и въ этомъ его великая заслуга.

Акакій Акакіевичъ убѣждается, что его старая шинель никуда не годится и начинаетъ по грошамъ ко-

пить деньги на покупку новой. Онъ отказываетъ себѣ въ пищѣ, ходитъ на цыпочкахъ, боясь износить сапоги, дома сидитъ въ одномъ бѣльѣ, чтобы сохранить платье. Онъ живетъ какъ аскетъ и подвижникъ, и только мечта о новой шинели поддерживаетъ его среди лишений. Наконецъ, шинель пріобрѣтена. Товарищи приглашаютъ его въ гости, чтобы отпраздновать это радостное событіе. На обратномъ пути домой воры снимаютъ съ него шинель. Онъ бѣгаетъ по канцеляріямъ, жалуясь на кражу, начальство его «распекаетъ» и топаетъ ногами. Акакій Акакіевичъ заболѣваетъ съ горя и вскорѣ умираетъ. Такъ несложна и печальна исторія бѣднаго чиновника. Въ какомъ душевномъ одиночествѣ, въ какой заброшенности жилъ этотъ человѣкъ, если величайшимъ идеаломъ его, прекраснѣйшей мечтой могла сдѣлаться теплая ватная шинель! А вѣдь, несмотря на всю свою неразвитость и забитость, онъ былъ способенъ и на силу воли и на героическое самоотреченіе во имя своей мечты. Его ли вина, если данныя ему Богомъ силы были истрачены даромъ, если цѣль его была столь низменна? Не виноваты ли мы всѣ, проходящіе равнодушно мимо нашихъ братьевъ, погруженные въ холодъ и себялюбіе?

Въ другой петербургской повѣсти «Записки сумасшедшаго» Гоголь изображаетъ мелкаго чиновника Поприщина, который чинитъ перья въ кабинетѣ Его Превосходительства. Онъ болѣе развитъ и сознателенъ, чѣмъ безсловесный Акакій Акакіевичъ, и униженное положеніе больше его мучитъ. Душевная его драма усиливается отъ безнадежной любви къ дочери директора; умъ его не выдерживаетъ и онъ заболѣваетъ психически. Болѣзнь — манія величія — какъ бы вознаграждаетъ его за всѣ обиды самолюбія, которыя ему пришлось перенести въ жизни. Теперь ужъ онъ не жалкій чиновникъ Поприщинъ, надъ которымъ издѣваются лакеи директора, а Фердинандъ VIII, король испанскій. Съ поразительной проницательностью анализи-

руетъ Гоголь постепенное развитіе душевной болѣзни своего героя: мы видимъ, какъ бредовые образы и идеи постепенно овладѣваютъ сознаниемъ Поприщина, какъ борется съ ними его изнемогающая душа, какъ безпощадно надвигается на нее мракъ безумія. Нельзя безъ мучительной жалости читать жалобы сумасшедшаго. «Нѣтъ, я болѣе не имѣю силъ терпѣть. Боже! что они дѣлають со мной! Они льютъ мнѣ на голову холодную воду! Они не внемлютъ, не видятъ, не слушаютъ меня. Что я сдѣлалъ имъ? За что они мучаютъ меня? Чего хотятъ они отъ меня бѣднаго. Что могу дать я имъ? Я ничего не имѣю... Матушка, пожалѣй о своемъ больномъ дитяткѣ!... А знаете-ли, что у алжирскаго бея подъ самымъ носомъ шишка?»

7 октября 1835 года Гоголь проситъ Пушкина дать ему сюжетъ для комедіи. «Сдѣлайте милость, дайте сюжетъ: духомъ будетъ комедія изъ пяти актовъ и, кланусь, — куда смѣшнѣ чорта». Пушкинъ разсказываетъ ему анекдотъ о мелкомъ чиновникѣ, котораго въ глухомъ провинціальномъ городѣ принимаютъ за важнаго ревизора, и 6 декабря Гоголь уже сообщаетъ, что комедія готова. «Ревизоръ» былъ написанъ меньше чѣмъ въ два мѣсяца.

Интрига комедіи очень несложна: она построена на традиціонномъ приѣмѣ *quiproquo*: одного человѣка принимаютъ за другого, получается смѣшная путаница, недоразумѣнія, забавные обманы и ошибки; наконецъ, все разъясняется появленіемъ настоящаго лица. Въ провинціальномъ городѣ, отъ котораго «хоть три дня скачи ни до какого государства не доѣдешь», чиновники встревожены слухами о предстоящемъ пріѣздѣ важнаго лица изъ Петербурга, которому поручено произвести ревизію. Городничій Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій, человѣкъ крутого нрава, распоряжающійся городомъ, какъ своей вотчиной, собираетъ на совѣщаніе чиновниковъ: тутъ и судья Ляпкинъ-Тяпкинъ, «вольнодумецъ», берущій взятки бор-

зыми щенками и никогда не заглядывающій въ дѣловыя бумаги, ибо «самъ Соломонъ не разрѣшитъ, что въ нихъ правда и что неправда»; тутъ и попечитель богоугодныхъ заведеній Земляника, толстый, неповоротливый, но суетливый и пронырливый; въ ввѣренной его заботамъ больницѣ леченіе несложное: докторъ-нѣмецъ Христіанъ Ивановичъ ни одного слова по русски не понимаетъ и придерживается мудраго правила: чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше. «Человѣкъ простой, если умереть, то и такъ умереть, если выздоровѣть, то и такъ выздоровѣть»; тутъ и смотритель училищъ Хлоповъ, очень опасющійся умныхъ людей; «таковъ ужъ неизъяснимый законъ судебъ, говоритъ онъ, что, если преподаватель умный человѣкъ, то онъ или пьяница, или рожу такую соорудитъ, что хоть святыхъ выноси»; тутъ, наконецъ, и почтмейстеръ Шпекинъ, «простодушный до наивности человѣкъ,» изъ крайней любознательности читающій чужія письма. Городскіе сплетники Бобчинскій и Добчинскій, коротенькіе, съ небольшими брюшками и чрезвычайно похожіе другъ на друга, прибѣгаютъ и, запыхавшись, сообщаютъ, что пріѣхалъ ревизоръ: онъ живетъ въ гостиницѣ *incognito*. Чиновники въ полномъ смятеніи отправляются къ нему на поклонъ.

Мнимый ревизоръ Иванъ Александровичъ Хлестаковъ — мелкій петербургскій чиновникъ, съ «замѣчательной легкостью въ мысляхъ». Онъ ѣхалъ къ отцу въ деревню, по дорогѣ проигрался, задолжалъ и хозяинъ въ гостиницѣ отказывается кормить его въ кредитъ. Появленіе чиновниковъ сначала пугаетъ его: онъ думаетъ, что его хотятъ посадить въ тюрьму. Но понявъ, что его принимаютъ за какое-то важное лицо, онъ легко осваивается съ новымъ положеніемъ, лжетъ, хвастается, увлекается собственными выдумками; переселившись въ домъ городничаго, разыгрываетъ свѣтскаго льва, волочится одновременно за женой и дочкой Дмухановскаго, у всѣхъ чиновниковъ беретъ деньги

«взаймы», вкусно ѣсть, много пьеть и вообще наслаждается своимъ неожиданнымъ приключеніемъ. Послѣ его отъѣзда, въ руки почтмейстера попадаетъ его письмо къ пріятелю, и тотъ читаетъ его вслухъ всѣмъ чиновникамъ. Хлестаковъ издѣвается надъ одураченными имъ «отцами города». Онъ пишетъ, что «городничій глупъ, какъ сивый меринъ», Земляника «совершенная свинья въ ермолкѣ», судья «въ сильнѣйшей степени моветонъ», смотритель училищъ «протухнулъ насквозь лукомъ». Чиновники не успѣли еще прійти въ себя отъ потрясенія, какъ въ дверяхъ появляется жандармъ и возглашаетъ: «Пріѣхавшій по именному повелѣнію изъ Петербурга чиновникъ требуетъ васъ сейчасъ же къ себѣ». Происходитъ «нѣмая сцена»: всѣ замираютъ. «Почти полторы минуты окаменѣвшая группа сохраняетъ такое положеніе».

Комедія Гоголя и въ наше время не потеряла своей комической силы. Остроумныя характеристики дѣйствующихъ лицъ, забавныя положенія, мѣткій и выразительный языкъ, живое и искусно построенное дѣйствіе, сатирическое изображеніе убогаго провинціального быта, не потускнѣли за 100 лѣтъ, прошедшихъ со дня ея написанія. По справедливости ее можно считать лучшей русской комедіей.

19-го апрѣля 1836 года «Ревизоръ» былъ представленъ на петербургской сценѣ. Гоголь обидѣлся на критику и жаловался, что «противъ него возстали всѣ сословія». Быть можетъ онъ надѣялся, что его комедія произведетъ какое-то немедленное и рѣшительное дѣйствіе: Россія увидитъ въ зеркалѣ пьесы свои грѣхи и вся, какъ одинъ человекъ, зальется покаянными слезами и мгновенно переродится. Но ничего подобнаго не произошло; были восторги и осужденія, были толки вкривь и вкось, и это все. Разочарованіе вызываетъ

въ авторѣ душевный переломъ, и онъ уѣзжаетъ за границу, чувствуя себя пророкомъ, непризнаннымъ въ отечествѣ. «Пора, пора наконецъ заняться дѣломъ», пишетъ онъ Жуковскому. Это дѣло — писаніе поэмы «Мертвыя души». Гоголь полонъ вѣры и вдохновенія. «Какой огромный, какой оригинальный сюжетъ, восклицаетъ онъ. Вся Русь явится въ немъ! Огромно-велико мое твореніе и не скоро конецъ его». Вся Россія должна отразиться въ его поэмѣ... «Весь русскій человѣкъ, со всѣмъ разнообразіемъ богатствъ и даровъ, доставшихся на его долю, преимущественно передъ другими народами и со всѣмъ множествомъ тѣхъ недостатковъ, которые находятся въ немъ, также преимущественно передъ всѣми другими народами». Душевный переломъ въ Гоголѣ дѣйствительно былъ великъ: за границей, вдали отъ Россіи у него родилось сознаніе, что онъ національный русскій писатель. Съ 1837 года начинается «римская эпоха» его жизни, исторія все большей его влюбленности въ Италію, все большаго погруженія въ стихію чистой красоты. Въ Римѣ онъ полонъ жизнерадостности и вдохновенія. «Я веселъ, пишетъ онъ Жуковскому, душа моя свѣтла. Тружусь и спѣшу всѣми силами совершить трудъ мой». Но счастливая трехлѣтняя жизнь за границей завершается припадкомъ странной нервной болѣзни. Гоголю кажется, что онъ умираетъ: онъ вѣритъ, что Господь чудомъ спасаетъ его отъ смерти, что онъ — избранникъ, отмѣченный особой заботой Промысла, проповѣдникъ и пророкъ. Тонъ его писемъ къ друзьямъ рѣзко мѣняется, становится по церковному торжественнымъ. Онъ пишетъ Данилевскому: «Властью вышшею облечено отнынѣ мое слово».

Въ 1841 году Гоголь пріѣзжаетъ въ Россію печатать первый томъ «Мертвыхъ душъ». На родинѣ ему тяжело. «Меня томить и душить все, и самый воздухъ», говоритъ онъ. Лѣтомъ 1842 года онъ снова покидаетъ Россію, на этотъ разъ на цѣлые шесть лѣтъ. Въ концѣ этого же года онъ prepares къ печати полное со-

браніе своихъ сочиненій. Этой датой замыкается послѣдній литературный періодъ его жизни. Остальные десять лѣтъ онъ медленно и неуклонно уходитъ отъ литературы.

Въ «Авторской исповѣди» Гоголь сообщаетъ, что Пушкинъ совѣтовалъ ему написать большой романъ и далъ сюжетъ: какой-то ловкій проходимецъ скупаетъ крѣпостныхъ, уже умершихъ, но по бумагамъ числящихся еще живыми; затѣмъ закладываетъ ихъ въ ломбардъ и такимъ способомъ прибрѣтаетъ крупный капиталъ. Гоголь началъ писать безъ опредѣленнаго плана, увлекшись возможностью постранствовать со своимъ героемъ по всей Россіи, изобразить множество забавныхъ лицъ и смѣшныхъ явленій. Первоначально «Мертвыя души» представлялись ему романомъ приключеній вродѣ «Донъ-Кихота» Сервантеса или «Жиль Блаза» Лесажа. Но подъ вліяніемъ духовнаго перелома, происшедшаго въ немъ во время работы надъ этимъ произведеніемъ, характеръ романа постепенно сталъ мѣняться. Изъ авантюрной повѣсти «Мертвыя души» превращаются въ громадную поэму въ трехъ томахъ, въ русскую «Божественную комедію», первая часть которой должна соответствовать «Аду», вторая — «Чистилищу» и третья — «Раю». Сначала — темныя явленія русской жизни, пошлыя, тупыя, порочныя «мертвыя души»; потомъ постепенное наступленіе разсвѣта: въ отрывкахъ незаконченнаго второго тома встрѣчаются уже лица «добродѣтельныя»: идеальный хозяинъ Костанжогло, идеальная дѣвушка Уленька, мудрый старецъ Муразовъ, проповѣдующій о «благоустройствѣ душевнаго имущества»; наконецъ, въ задуманномъ, но не написанномъ третьемъ томѣ — полное торжество свѣта. Гоголь пламенно вѣрилъ въ полную красоту Россіи, въ нравственныя сокровища русскаго народа — и его терзали упреки критиковъ, утверждавшихъ, что онъ способенъ изображать только низменное и уродливое. Какъ жаждалъ онъ возвеличить свою родину! Но тра-

гедія его заключалась въ томъ, что ему былъ данъ великій сатирическій талантъ, геніальное умѣніе подмѣчать все смѣшное и пошлое въ жизни и полная способность создавать «идеальные образы». А между тѣмъ онъ смотрѣлъ на свой трудъ какъ на религіозно-общественное служеніе, хотѣлъ не развлекать и смѣшить читателя, а поучать его и обращать къ Богу. Отъ этого внутренняго конфликта Гоголь погибъ, такъ и не закончивъ своей поэмы.

Въ первомъ томѣ «Мертвыхъ душъ» Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, человекъ весьма благопристойной наружности и отъявленный плутъ, пріѣзжаетъ въ губернский городъ, очаровываетъ губерніатора, полицмейстера, прокурора и все губернское общество, встрѣчается съ самыми крупными помѣщиками и затѣмъ посѣщаетъ ихъ имѣнія. Мы знакомимся съ «типами» помѣщиковъ, изображенными такъ ярко, съ такой жизненной силой, что фамиліи ихъ давно стали нарицательными. Сладкій до приторности Маниловъ, давшій своимъ сыновьямъ имена Фемистоклуса и Алкида и умильно шепчущій женѣ: «Разинь, душенька, свой ротикъ, я тебѣ положу этотъ кусочекъ»; дубинноголовая, скаредная хозяйка Коробочка, смертельно перепуганная тѣмъ, что продешевила мертвыя души; Ноздревъ, молодецъ съ румяными щеками и черными какъ смоль бакенбардами, кутила, враль, хвастунъ, шуллеръ и скандалистъ, вѣчно что-то продающій, мѣняющій и покупающій; Собакевичъ, похожій «на средней величины медвѣдя», прижимистый и хитрый, кулакъ-хозяинъ, выторговывающій гроши на каждой мертвой душѣ и подсовывающій Чичикову вмѣсто мужика — бабу «Елизаветъ Воробей»; скупецъ Плюшкинъ, въ халатѣ, похожемъ на женскій напотъ, съ четырьмя полами болтающимися сзади, помѣщикъ, обкрадывающій собственныхъ крестьянъ и живущій въ какомъ-то складѣ пыльной рухляди; самъ Чичиковъ, охваченный страстью наживы, совершающій мошенничества и подлости ради мечты о

богатой жизни; его лакей Петрушка, носящій повсюду за собой особый запахъ и читающій ради пріятнаго процесса чтенія, и кучеръ Селифанъ, философствующій въ пьяномъ видѣ и горько укоряющій своихъ коварныхъ лошадей; — всѣ эти фигуры, неправдоподобныя, почти карикатурныя, полны своей собственной, жуткой жизни. Фантазія Гоголя, создающая живыхъ людей, мало считается съ дѣйствительностью. У него особый «фантастическій реализмъ», это — не правдоподобіе, а полная убѣдительность и самостоятельность художественнаго вымысла. Было бы нелѣпо по «Мертвымъ душамъ» судить о николаевской Россіи. Міръ Гоголя управляется своими законами и его маски кажутся живѣе настоящихъ людей.

Когда авторъ «Мертвыхъ душъ» читалъ первыя главы своей поэмы Пушкину, тотъ сначала смѣялся, потомъ «началъ понемногу становиться все сумрачнѣе и сумрачнѣе, и, наконецъ, сдѣлался совершенно мраченъ». Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: «Боже, какъ грустна наша Россія». «Меня это изумило, прибавляетъ Гоголь. Пушкинъ, который такъ зналъ Россію, не замѣтилъ, что все это — *карикатура и моя собственная выдумка*».

Первый томъ «Мертвыхъ душъ» заканчивается поспѣшнымъ отъѣздомъ Чичикова изъ губернскаго города: благодаря Ноздреву и Коробочкѣ тамъ распространяются слухи о его покупкѣ мертвыхъ душъ. Городъ охваченъ вихремъ сплетенъ. Чичикова считают разбойникомъ, шпиономъ, капитаномъ Копѣйкиннымъ и даже Наполеономъ.

Въ сохранившихся главахъ второго тома странствія Чичикова продолжаются; появляются новые «типы»: толстякъ-обжора Петръ Петровичъ Пѣтухъ, бравый вояка генераль Бетрищевъ, лѣнивый и мечтательный «байбакъ» и «коптителъ неба» Тентетниковъ. Юморъ автора замѣтно ослабѣваетъ, творческія силы его убываютъ. Художника часто заслоняетъ мора-

листъ-проповѣдникъ. Неудовлетворенный своимъ трудомъ, Гоголь передъ смертью сжегъ второй томъ.

Словесная ткань «Мертвыхъ Душъ» необычайно сложна. Гоголь издѣвается надъ романтическими «красотами слога» и стремится къ точности и детальной записи дѣйствительныхъ фактовъ. Онъ пересчитываетъ всѣ пуговицы на платьѣ своихъ героевъ, всѣ прыщики на ихъ лицахъ. Ничего не пропустить онъ — ни одного жеста, ни одной гримасы, ни одного подмигиванія или покашливанія. Въ этой нарочитой торжественности изображенія мелочей, въ этомъ пафосѣ возвеличенія ничтожества — его беспощадная иронія. Гоголь уничтожаетъ своихъ героевъ *смѣхомъ*: Чичиковъ надѣваетъ свой фракъ «брусничнаго цвѣта съ искрой» — и клеймо пошлости уже навсегда ложится на его образъ. Иронія и «натуральная живопись» превращаютъ людей въ манекены, вѣчно повторяющіе все тѣ же механическіе жесты; жизнь умерщвлена и разъята на безчисленное множество бессмысленныхъ мелочей. Воистину страшное царство «мертвыхъ душъ»!

И вотъ внезапно, неожиданно въ этотъ затхлый и душный міръ влетаетъ свѣжій вѣтеръ. Насмѣшливый прозаикъ уступаетъ мѣсто восторженному поэту; прерывается педантически-подробное описаніе пошлыхъ лицъ и убогихъ вещей и разливается потокъ вдохновенной лирики. Авторъ умиленно вспоминаетъ свою юность, взволнованно говоритъ о великомъ назначеніи писателя и съ изступленной любовью простираетъ руки къ родинѣ. На фонѣ холодной насмѣшки и злой сатиры, эти лирическіе взлеты поражаютъ своей огненной поэзіей.

Чичиковъ въ своей бричкѣ выѣхалъ изъ города NN; тоскливо и уныло потянулись по сторонамъ дороги «версты, станціонные смотрители, колодцы, обозы, сѣрыя деревни съ самоварами, городишки, рябые плагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядныя...» Перечисленіе это напоминаетъ не столько описаніе пейзажа,

сколько инвентарь какой-то убогой рухляди... и вдруг Гоголь обращается къ Россіи:

«Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу!... Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города; ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая-же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря и до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ и рыдаетъ, и хватается за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу, и вьются около моего сердца? Русь! Чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?... И еще полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осынило грозное обаяно, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль передъ твоимъ пространствомъ. Что пророчить сей необъятный просторъ? Здѣсь-ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройти ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи... У! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!...

* * *

1845 годъ — самый трагическій въ жизни Гоголя: вдохновеніе его покидаетъ, работа надъ «Мертвыми душами» превращается въ чудовищную пытку, кончающуюся нервными припадками. Въ отчаяніи рѣшаетъ онъ, что призваніе его — не литература, а религіозно-нравственная проповѣдь. Онъ издаетъ сборникъ статей

«Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Ихъ духовно-общественное значеніе не было понято современниками, и на Гоголя обрушились и враги и друзья. А между тѣмъ въ «Перепискѣ» были имъ намѣчены всѣ черты, характеризующія великую русскую литературу, ставшую міровой: ея религіозно-нравственный строй, ея гражданственность и общественность, ея боевой и практическій характеръ, ея пророческій пафосъ и мессіанство. Отъ Гоголя всѣ «глубины» нашей словесности: и ученіе Толстого, и проблемы Достоевскаго, и исканія Розанова и религіозное возрожденіе начала XX-го вѣка. Передъ русскимъ сознаніемъ Гоголь поставилъ вопросъ *религіознаго оправданія культуры*. «Мнѣ ставятъ въ вину, пишетъ онъ, что я заговорилъ Богѣ. Что же дѣлать, если говорится о Богѣ? Какъ молчать, когда камни готовы завопить о Богѣ?» Проваль «Переписки» истолковывается авторомъ, какъ личный грѣхъ: онъ томится чувствомъ богооставленности; ѣдетъ въ Святую Землю, чтобы замолить свои грѣхи и грѣхи Россіи. Но и у гроба Господня сердце его остается черствымъ. Онъ проситъ мать молиться о немъ. «Напоминаю вамъ объ этомъ потому, что теперь болѣе чѣмъ когда-либо чувствую безсиліе моей молитвы».

Въ ночь на 12 февраля 1852 года Гоголь сжигаетъ подготовленный къ печати второй томъ «Мертвыхъ душъ». По словамъ Погодина, «придя въ комнату онъ велѣлъ подать изъ шкафа портфель, вынулъ оттуда связку тетрадей, перевязанныхъ тесемкой, положилъ ихъ въ печь и зажегъ ихъ свѣчей изъ своихъ рукъ. Послѣ того, какъ обгорѣли углы у тетрадей, онъ замѣтилъ это, вынулъ связку изъ печи, развязалъ тесемку и, уложивъ листы такъ, чтобы легче было приняться огню, зажегъ опять и сѣлъ на стулъ передъ огнемъ, ожидая, пока все сгоритъ и истлѣетъ. Тогда онъ, перекрестясь, воротился въ прежнюю свою комнату, легъ на диванъ и заплакалъ».

Въ понедѣльникъ на второй недѣлѣ поста онъ при-

частился и пособоровался масломъ. Выслушалъ всѣ Евангелія, держа въ рукахъ свѣчу, проливая слезы. Во вторникъ ему какъ-будто сдѣлалось легче, но въ среду обнаружились припадки жестокой нервической горячки, а утромъ въ четвергъ 21-го февраля его не стало.

ДОСТОЕВСКИЙ
(1821-1881)

Отец Федора Михайловича Достоевскаго происходилъ изъ средней шляхетской фамиліи Волынскаго края; онъ былъ штабъ-лекаремъ въ Маріинской больницѣ въ Москвѣ. Здѣсь, въ бѣдной квартиркѣ, окна которой выходили на унылый дворъ больницы, 20 октября 1821 года родился Федоръ. Семья была патріархальная и набожная. Мать, женщина кроткая и болѣзненная, учила мальчика азбукѣ по книжкѣ съ картинками: «Священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта». По воскресеньямъ всей семьей ходили въ церковь, лѣтомъ паломничали въ Троице-Сергіевскую лавру; ребенокъ запомнилъ страинныя фрески, длинныя торжественныя службы, сладкогласное пѣніе. Мать научила его молитвѣ: «Все упованіе мое на Тя возлагаю, Мати Божія» — и она на всю жизнь осталась его любимой молитвой.

Въ дѣтствѣ Федоръ былъ «настоящій огонь»: у него была страстная, порывистая натура, сильно развитое воображеніе, болѣзненная впечатлительность. Онъ рано пристрастился къ чтенію, зачитывался Вальтеръ Скоттомъ и воображалъ себя то рыцаремъ, то разбойникомъ; Пушкина зналъ наизусть, увлекался Карамзинымъ, Жуковскимъ, русской исторіей, арабскими сказками. Въ 1837 году, въ годъ смерти Пушкина, умерла его мать. Достоевскій впоследствии говорилъ: «Если бы у насъ не было семейнаго траура, я бы просилъ позволеніе отца носить трауръ по Пушкинѣ». По окончаніи частнаго пансіона Чермака, отецъ отвезъ Федора и его старшаго брата въ Петербургъ и опредѣлилъ въ военно-инженерное училище. Математическія нау-

ки были ненавистны молодому мечтателю, учился онъ посредственно и все свободное отъ занятій время отдавалъ литературѣ; обливаясь слезами восторга, читалъ Шиллера, проводилъ безсонныя ночи надъ романами Жоржъ Зандъ. Съ товарищами не сходилъ, былъ молчаливъ и угрюмъ, не игралъ и не танцевалъ. Во время рекреаций прогуливался въ сторонѣ отъ всѣхъ, «всегда съ понуренной головою и съ сложенными назадъ руками». По ночамъ, когда всѣ спали, тайкомъ вставалъ съ постели и въ одномъ бѣльѣ, прикрывшись одѣяломъ, работалъ въ глубокой амбразурѣ окна, выходившаго на Фонтанку. Одинъ товарищъ такъ описываетъ его: «Свѣтло-каштановые волосы были коротко обстрижены, подъ высокимъ лбомъ и рѣдкими бровями скрывались небольшіе, довольно глубоко лежащіе, сѣрые глаза; щеки были блѣдны, съ веснушками; цвѣтъ лица болѣзненный, землистый — губы толстоваты... Онъ любилъ поэзію страстно. Мысли въ его головѣ родились подобно брызгамъ въ водоворотѣ».

Въ 1843 году, окончивъ училище, Достоевскій поступаетъ на службу въ инженерный корпусъ, пишетъ романтическія драмы въ духѣ Шиллера (Марія Стюартъ, Борисъ Годуновъ) и томится по свободѣ и независимости. Онъ чувствуетъ свое призваніе и пишетъ брату: «Какъ грустна бываетъ жизнь, когда человѣкъ, сознавая въ себѣ силы необъятныя, видитъ, что онѣ истрачены въ дѣятельности ложной и неестественной». Черезъ годъ ему удастся выйти въ отставку; литературные планы кипятъ въ его головѣ: онъ хочетъ основать издательство, перевести вмѣстѣ съ братомъ всего Шиллера; его кумиры — Гоголь и Бальзакъ. «Бальзакъ великъ! пишетъ онъ брату; его характеры — произведенія ума вселенной!» Первая литературная работа Достоевскаго — переводъ романа Бальзака «Евгенія Гранде». Французскій писатель поразилъ его своимъ реализмомъ, широкой картиной жизни современнаго общества во всѣхъ его сложныхъ противорѣчіяхъ, своими

соціальними тенденціями, проповіддю любови къ «уни-
женнымъ и оскорбленнымъ». Знакомство съ Бальза-
комъ было рѣшающимъ для творчества Достоевскаго.
Онъ отказывается отъ своихъ драматическихъ опытовъ
и начинаетъ писать романъ. Это — тоже исторія несчаст-
ной дѣвушки, какъ и «Евгенія Гранде»; но вліяніе
Бальзака сплетается съ вліяніемъ Гоголя — и изъ
соединенія этихъ двухъ литературныхъ линій возни-
каетъ первая повѣсть Достоевскаго «Бѣдные люди».
Начинающій писатель Григоровичъ, пріятель Достоев-
скаго, относитъ рукопись редактору журнала «Совре-
менникъ», поэту Некрасову. Въ «Дневникѣ писателя»
авторъ вспоминаетъ о счастливомъ началѣ своей писа-
тельской карьеры. «Вечеромъ того же дня, какъ я от-
далъ рукопись, я пошелъ куда-то далеко къ одному
изъ прежнихъ товарищей; мы всю ночь проговорили съ
нимъ о «Мертвыхъ душахъ» и читали ихъ который разъ
не помню... Воротился я домой уже въ четыре часа, въ
бѣлую, свѣтлую какъ днемъ петербургскую ночь.
Стояло прекрасное теплое время и, войдя къ себѣ въ
квартиру, я спать не легъ, отворилъ окно и сѣлъ у ок-
на. Вдругъ звонокъ, чрезвычайно меня удивившій, и
вотъ Григоровичъ и Некрасовъ бросаются обнимать
меня, въ совершенномъ восторгѣ и оба чуть сами не пла-
чутъ. Они наканунѣ вечеромъ воротились рано домой,
взяли мою рукопись и стали читать... Когда они кончи-
ли, то въ одинъ голосъ рѣшили итти ко мнѣ немедлен-
но. «Что же такое, что спать, мы разбудимъ его, это
выше сна!» Они пробыли у меня тогда съ полъ часа,
въ полъ часа мы Богъ знаетъ сколько переговорили,
съ восклицаніями, торопясь: говорили и о поэзіи, и
о правдѣ, разумѣется и о Гоголѣ».

Въ тотъ же день Некрасовъ снесъ рукопись знаме-
ниту критику Бѣлинскому. «Новый Гоголь явился!»
закричалъ Некрасовъ, входя къ нему съ «Бѣдными людь-
ми». «У васъ Гоголи-то какъ грибы растутъ», строго
замѣтилъ ему Бѣлинскій, но рукопись взялъ.

На слѣдующій день Достоевскій отправляется къ Бѣлинскому и тотъ встрѣчаетъ его словами: «Да вы понимаете-ль сами-то, что это вы такое написали!... Вамъ правда открыта и возвѣщена, какъ художнику, досталась какъ даръ, цѣните же вашъ даръ и оставайтесь вѣрнымъ и будете великимъ писателемъ!» И Достоевскій прибавляетъ: «Я вышелъ отъ него въ упоеніи. Я остановился на углу его дома, смотрѣлъ на небо, на свѣтлый день, на проходившихъ людей и весь, всѣмъ существомъ своимъ ощущалъ, что въ жизни моей произошелъ торжественный моментъ, переломъ на вѣки, что началось что-то совсѣмъ новое... И никогда потомъ не могъ я забыть эту минуту. То была самая восхитительная минута во всей моей жизни. Я въ каторгѣ, вспоминая ее, укрѣплялся духомъ»...

Въ эту минуту произошло рожденіе великаго генія. Повѣсть «Бѣдные люди» (1846) — творческій отвѣтъ Достоевскаго на «Шинель» Гоголя. Начинающій писатель живетъ еще въ мѣрѣ гоголевскихъ идей, образовъ и пріемовъ; но онъ задыхается въ немъ, ищетъ выхода изъ царства «Мертвыхъ душъ», изъ убійственной пошлости и мрачной безнадежности той жизни, которую видѣлъ Гоголь. Герой «Бѣдныхъ людей» — Макарь Дѣвушкинъ, такой же жалкій чиновникъ, какъ и Акакій Акакіевичъ Гоголя. Онъ тоже переписываетъ бумаги въ канцеляріи, надъ нимъ тоже издѣваются молодые сослуживцы, прозававшіе его «крысой». Живетъ онъ «въ углахъ», въ кухнѣ за перегородкой, среди «бывшихъ людей», нищихъ, пьяныхъ, голодныхъ. Ходитъ въ засаленномъ порванномъ мундирѣ и дырявыхъ сапогахъ, питается больше чаемъ и такъ забить, такъ запуганъ жизнью, что боится даже роптать на судьбу. Бываетъ такая степень униженности, когда человѣкъ даже *права на несчастъе* за собой не смѣетъ признать, когда малѣйшую жалобу на несправедливость почитаетъ чуть ли не бунтомъ. Но вотъ въ жизни Макара Дѣвушкина происходитъ огромное событіе: онъ встрѣчаетъ

молодую дѣвушку Вареньку, сироту, которой грозитъ позоръ и гибель. Онъ спасаетъ ее отъ зловѣщей Анны Федоровны, которая собирается продать ее самодуру помѣщику Быкову, находитъ ей комнату, достаетъ работу, лечитъ ее, посылаетъ ей книги, развлекаетъ, заботится о ней, какъ о родной дочери. Чувство его къ Варенькѣ нѣжнѣе и горячѣе отеческой любви, но онъ въ цѣломудріи своемъ боится самому себѣ въ этомъ признаться. Переписка между Макаромъ и Варенькой, печальная, трогательная, а подъ конецъ патетическая, образуетъ скелетъ повѣсти. Достоевскій учится у Гоголя детальной живописи быта бѣдныхъ людей, пристальному вниманію къ мелочамъ, «опутавшимъ нашу жизнь», но, подчиняясь его художественной манерѣ, онъ бунтуетъ противъ него. Несмотря на знаменитую сентиментальную тираду въ «Шинели» — «Зачѣмъ вы меня обижаете?», бѣдный чиновникъ Гоголя существо низменное, тупое, высшій идеалъ котораго — новая шинель. Это — какая-то машина для переписыванія бумагъ, ходячій автоматъ, человѣкъ безсловесный и безчувственный. Достоевскій возсталъ противъ такого изображенія человѣческой личности: подъ вліяніемъ французскаго филантропическаго романа Бальзака и Ж. Зандъ, онъ заявилъ протестъ во имя большей человѣчности. Въ композиціи Гоголя онъ произвелъ простое, но гениальное измѣненіе. Акакій Акакіевичъ всю свою душу вкладываетъ въ вещь (шинель); Макаръ Дѣвушкинъ жертвуетъ собой ради живого человѣка (Вареньки). Отъ этой замѣны вещи личностью — повѣсть пріобрѣтаетъ неожиданную глубину и эмоциональную напряженность. Смѣшной героизмъ Акакія Акакіевича, его аскетическая самоотверженность, опошленная недостойнымъ объектомъ, превращаются въ высокое и безкорыстное служеніе Макара Дѣвушкина своей Варенькѣ. Изъ маніи Достоевскій сдѣлалъ чувство, изъ жалкой *idée-fixe* Башмачкина — чистую любовь Дѣвушкина.

Но герой Достоевскаго борется и побѣждаетъ Гоголя не только фактомъ своей жизни и любви; онъ также и полемизируетъ съ Гоголемъ писателемъ, будучи самъ литераторъ. И въ этомъ новая художественная удача молодого автора. Изъ «бѣднаго чиновника безъ рѣчей», нѣмотствующаго и косноязычнаго героя «Шинели» Достоевскій сдѣлалъ писателя Дѣвушкина, который сочиняетъ рассказы, отдѣлываетъ свои письма, «формируетъ свой слогъ». Создавъ стиль рѣчи «бѣднаго чиновника», авторъ блестяще разрѣшилъ сложные вопросы поэтики «гоголевской школы»: онъ очеловѣчилъ бездушный, вещный натурализмъ 40-хъ годовъ и положилъ начало новому реализму, сказалъ всю правду о челоѣкѣ. Повѣсти Гоголя «Шинель» Макаръ Дѣвушкинъ противопоставляетъ повѣсть Пушкина «Станціонный смотритель». Отъ гоголевской магіи, которой Достоевскій былъ замороженъ въ юности, онъ спасается въ свѣтломъ искусствѣ Пушкина.

Для читателей, привыкшихъ къ болѣе или менѣе остроумнымъ насмѣшкамъ надъ чиновниками, глубокая и сложная душевная жизнь героя Достоевскаго показалась чудеснымъ открытіемъ. Дѣвушкинъ не замѣчаетъ своей нищеты и униженности, пока Варенька здорова и весела. Но вотъ она заболѣваетъ; онъ просиживаетъ ночи у ея изголовья; чтобы послать ей винограда и розанчиковъ, продаетъ свой вицмундиръ, впадаетъ въ тоску, заливается. Хозяйка гонитъ его съ квартиры за неуплату; сожители перехватываютъ его письма къ Варенькѣ, потѣшаются надъ его любовью и называютъ ловеласомъ. Вареньку преслѣдуетъ какой-то негодяй и она рѣшается съѣхать съ квартиры: но для этого ей нужны деньги. Дѣвушкинъ въ отчаяніи бѣжитъ къ ростовщику, тотъ его выгоняетъ. Его спасаетъ неожиданная милость начальника, «Ихъ превосходительства», дарящего ему сто рублей. Но Варенька не въ силахъ больше принимать его жертвы и рѣшаетъ согласиться на предложеніе того самого помѣщика Быкова, который

когда-то такъ больно ее оскорбилъ. Дѣвушкинъ понимаетъ, что этотъ грубый и жестокий человѣкъ погубить ее и что она жертвуетъ собой — для него. Въ послѣднемъ письмѣ къ ней, въ слезахъ и столахъ, выражается, наконецъ, наружу вся его изступленно нѣжная и пламенная любовь. «Нѣтъ, вы мнѣ еще напишите, еще мнѣ письмецо напишите обо всемъ. А то вѣдь, ангелъ небесный мой, это будетъ послѣднее письмо; а вѣдь никакъ не можетъ такъ быть, чтобы письмо это было послѣднее! Да нѣтъ же, я буду писать, да и вы то пишете... Ахъ, родная моя, вѣдь вотъ я теперь и не знаю, что это я пишу, никакъ не знаю, ничего не знаю и не перечитываю, а пишу только бы писать, только бы вамъ написать-то побольше. Голубчикъ мой, родная моя, маточка вы моя!»

А вокругъ этихъ двухъ фигуръ — Вареньки и Дѣвушкина, — живетъ и движется цѣлый міръ несчастныхъ обездоленныхъ людей, задавленныхъ бѣдностью, стыдящихся своего несчастья, умирающихъ въ холодныхъ подвалахъ. Достоевскій въ первомъ же своемъ произведеніи проникнулъ въ глубину человѣческаго горя и отчаянія. Его повѣсть была проповѣдью любви и состраданья къ «меньшимъ братьямъ».

* * *

Внезапная слава Достоевскаго была непродолжительной. Повѣсти, написанныя имъ послѣ «Бѣдныхъ людей», разочаровали Бѣлинскаго и не понравились публикѣ. Самолюбивый авторъ разрываетъ съ кружкомъ «Современника», обвиняетъ Бѣлинскаго въ крайнемъ матеріализмѣ и атеизмѣ и заболѣваетъ серьезнымъ нервнымъ недугомъ. Онъ испытываетъ припадки мистическаго ужаса и ему кажется, что онъ сходитъ съ ума; онъ мечтаетъ о смерти, какъ объ освобожденіи. Съ 1848 года онъ начинаетъ посѣщать кружокъ чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ Петрашевскаго

и увлекается социальными теориями французских утопистов — Фурье, Сен-Симона, Кабэ. На «пятницах» Петрашевскаго молодежь горячо говорила о справедливом устройствѣ общества, смѣло критиковала николаевскій режимъ, требовала освобожденія крестьянъ, реформы суда, смягченія цензуры. На одномъ изъ собраний Достоевскій прочелъ письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, въ которомъ умирающій критикъ обличалъ гоголевскій реакціонный мистицизмъ и заявлялъ, что Россія нуждается не въ молитвахъ и молебнахъ, а въ реформахъ и просвѣщеніи. Въ апрѣлѣ 1849 года петрашевцы были арестованы и приговорены къ смертной казни. Послѣ восьмимѣсячнаго заключенія въ Петропавловской крѣпости, Достоевскаго съ другими «заговорщиками», отвезли на Семеновскій плацъ и взвели на эшафотъ; имъ прочитали смертный приговоръ. Надъ головами преступниковъ, одѣтыхъ въ бѣлыя рубахи, были переломлены шпаги; троихъ уже привязали къ столбамъ. Вдругъ забили барабаны — и осужденнымъ было объявлено, что государь даруетъ имъ жизнь. Эта жестокая инсценировка казни, эти минуты, прожитыя передъ лицомъ смерти, потрясли душу болѣзненнаго писателя. Съ эшафота онъ сошелъ другимъ челоувѣкомъ, съ мистическимъ опытомъ смерти. Онъ дико озирался кругомъ: прежняя жизнь была погребена, начиналась новая, непохожая на существованіе другихъ людей. Въ романѣ «Идіотъ» Достоевскій такъ описываетъ эти мгновенія приговореннаго къ смерти: «Когда онъ простился съ товарищами, настали тѣ двѣ минуты, которыя онъ отсчиталъ чтобы *думать про себя*; ему все хотѣлось представить себѣ, какъ можно скорѣе и ярче, что вотъ какъ-же это такъ? Онъ теперь есть и живетъ, а черезъ три минуты будетъ уже *нѣчто*, кто-то или что-то, — такъ какъ-же? гдѣ-же? Все это онъ думалъ въ эти двѣ минуты рѣшить! Невдалекѣ была церковь, и вершина собора съ позолоченной крышей сверкала на яркомъ солнцѣ. Онъ помнилъ, что ужасно упорно смотрѣлъ

на эту крышу и на лучи, отъ нея сверкавшіе. Оторваться не могъ отъ лучей: ему казалось, что эти лучи его новая природа, что онъ черезъ три минуты какъ-нибудь сольется съ ними».

Достоевскій былъ сосланъ на четыре года на каторгу въ Сибирь. Прощаясь съ братомъ, онъ говорилъ, что страстно хочетъ жить, что на каторгѣ тоже не звѣри, а люди, что жизнь прекрасна, потому что: «On voit le soleil». Въ Tobольскѣ одна изъ женъ декабристовъ подарила ему Евангеліе — это была единственная книга, которую онъ читалъ въ Омскомъ острогѣ. Четыре года заключенія она пролежала подъ его подушкой. Въ нервномъ, болѣзненномъ Достоевскомъ была огромная сила и жажда жизни, неистребимая духовная энергія, которая позволила ему пережить четыре года ужасающихъ страданій. Каторжники встрѣтили его ненавистью, какъ дворянина, преслѣдовали его неутолимой злобой, покушались его убить. Казарма, въ которой онъ жилъ, была ветхая, деревянное зданіе, нестерпимо душное лѣтомъ и холодное зимой. Заиндевѣвшія окна, почти не пропускавшія свѣта, угарная печка, ушатъ съ нечистотами въ сѣняхъ, голыя нары, блохи, вши, грязь, темнота, пьянство, ругань, поножевщина; тяжкая работа на Иртышѣ въ 40 градусовъ мороза. Но самое страшное для Достоевскаго было вынужденное ежечасное общеніе съ каторжнымъ народомъ, люто его ненавидѣвшимъ. Онъ пишетъ брату: «Что сдѣлалось съ моей душой, съ моими вѣрованіями, съ моимъ умомъ и сердцемъ въ эти четыре года — не скажу тебѣ. Долго разсказывать».

Впечатлѣнія о Сибири были столь сильны, такъ перевернули душу писателя, что ему понадобилось семь лѣтъ, чтобы осознать ихъ. «Записки изъ мертваго дома» появились только въ 1861 году. Мы знаемъ, какъ мучительно было столкновение Достоевскаго съ преступниками, какой ненавистью отравили они ему пребываніе въ острогѣ. Мы ждемъ суроваго суда надъ обитате-

лями «мертвого дома» — и къ удивленію нашему находимъ совсѣмъ другое. На каторгѣ Достоевскій понялъ, что правда не на его сторонѣ, а на сторонѣ его враговъ. Онъ смиренно принялъ посланное ему Богомъ испытаніе, и страданія не озлобили, а просвѣтили его. Онъ не только простилъ своихъ враговъ, но отъ всей души полюбилъ ихъ. Подъ корою зла онъ увидѣлъ подлинную человѣческую душу, и рѣшился сказать: эти злодѣи, разбойники, убійцы — *лучшіе русскіе люди*. «Сколько въ этихъ стѣнахъ погребено напрасно молодости, сколько великихъ силъ погибло здѣсь даромъ! Вѣдь надо же все сказать: вѣдь этотъ народъ — необыкновенный былъ народъ». Достоевскій смотритъ на преступниковъ, какъ на «несчастливыхъ»; среди этихъ страдальцевъ умѣетъ находить «черты самого утонченнаго развитія душевнаго». Вотъ — кроткій, красивый юноша Сироткинъ, всегда сіяющій улыбкой, всегда всѣмъ довольный; вотъ молодой кавказецъ Алеѣ, мечтательный и нѣжный; писатель учить его грамотѣ по Евангелію и Алеѣ чувствуетъ высокую красоту нагорной проповѣди; вотъ смѣшной и добродушный еврей Исай Фомищъ, вотъ бывший кавказскій офицеръ Акимъ Акимычъ, фанатикъ формы и «благонравія». Но рядомъ съ этими свѣтлыми людьми показаны и темные: ужасный человѣкъ-паукъ Газинъ, любившій рѣзать маленькихъ дѣтей, высокомерный и могучій духомъ разбойникъ Орловъ, окруженный какимъ-то ореоломъ демоническаго величія. «Мертвый домъ» изображенъ Достоевскимъ во всей страшной правдѣ его быта. Сцены тѣлесныхъ наказаній, тюремной бани, любительскаго спектакля, устроеннаго арестантами, говѣнія въ Великомъ посту — поражаютъ своей эпической простотой и силой.

Въ церкви, пишеть онъ, «арестанты молились очень усердно и каждый изъ нихъ каждый разъ приносилъ свою нищенскую копейку на свѣчу или клалъ на церковный сборъ. «Тоже вѣдь и я человѣкъ», можетъ быть думалъ онъ или чувствовалъ, подавая; — «передъ

Богомъ-то всѣ равны». Причащались мы за ранней обѣдней. Когда священникъ съ чашей въ рукахъ читалъ слова: «Но яко разбойника мя пріими», — почти всѣ повалились на землю, звуча кандалами, кажется, принявъ эти слова буквально на свой счетъ».

Омскій острогъ былъ Голгофой Достоевскаго; въ невыразимыхъ нравственныхъ и физическихъ страданіяхъ, онъ обрѣлъ образъ распятаго Христа и причастился народной вѣрѣ въ Него. Онъ вынесъ изъ каторги любовь ко Христу и къ русскому народу — страсто-терпцу, грѣшному и мучающемуся своимъ грѣхомъ. Въ Сибири окончательно сложилось его міровоззрѣніе, которое можно назвать «мистическимъ народничествомъ».

* * *

По отбытіи срока наказанія Достоевскій былъ отправленъ въ Семипалатинскъ и зачисленъ рядовымъ; здѣсь онъ написалъ двѣ повѣсти «Дядюшкинъ сонъ» и «Село Степанчиково». Только въ 1859 году ему разрѣшено было вернуться въ Россію.

Въ Петербургѣ онъ погружается съ новой энергіей въ литературную работу, издаетъ со своимъ братомъ Михаиломъ журналъ «Время» и печатаетъ въ немъ «Записки изъ Мертваго Дома» и романъ-фельетонъ «Униженные и оскорбленные». Написанная наспѣхъ, растянутая и мелодраматичная, эта повѣсть о несчастной любви чувствительной Наташи Ихменевой къ легкомысленному князю Алешѣ Валковскому, прошла почти незамѣченной. А между тѣмъ, несмотря на бросающіеся въ глаза недостатки, «Униженные и оскорбленные» заключали въ себѣ глубочайшія темы большихъ романовъ Достоевскаго: въ лицѣ начинающаго литератора Ивана Петровича авторъ отчасти изображаетъ самого себя въ эпоху 40-хъ годовъ; въ благородной и самоотвержено-любящей Наташѣ намѣчены черты излюбленнаго писателемъ образа страстной и силь-

ной женщины; князь Валковскій-отецъ, человѣкъ безъ совѣсти и чести, циникъ и злодѣй — родоначальникъ всѣхъ «демоническихъ» героевъ Достоевскаго.

Послѣ каторги писатель рѣзко ставитъ проблему нравственнаго долга и свободы. Его волнуетъ загадка сильной личности, считающей себя выше моральнаго закона и признающей за собою право на преступленіе. Князь Валковскій — предатель, развратникъ, низкій интриганъ — внушаетъ не только отвращеніе, но и суевѣрный страхъ: въ немъ воплощена темная и таинственная сила зла.

Въ журналѣ «Время» братья Достоевскіе ожесточенно полемизировали съ «Современникомъ» и «Русскимъ Словомъ», органами матеріализма и утилитаризма 60-хъ годовъ и проповѣдывали свое довольно туманное ученіе о «почвенности». Они привывали интеллигенцію къ возвращенію къ землѣ, народу, русской вѣрѣ и народной правдѣ. Общество плохо разбиралось въ этой разновидности славянофильства, а правительство не довѣряло патріотизму бывшаго петрашевца и каторжника.

Въ 1863 году «Время» было закрыто; въ слѣдующемъ году журналъ возобновился подъ названіемъ «Эпоха», по успѣха не имѣлъ. Смерть любимаго брата Михаила, смерть жены (Достоевскій женился въ Сибири на вдовѣ одного мѣстнаго чиновника), прекращеніе «Эпохи» повергли Достоевскаго въ безысходное отчаяніе. Онъ взялъ на себя всѣ журнальные долги брата, вложилъ свои послѣднія деньги въ изданіе, обязался содержать семью покойнаго, оставшуюся безъ всякихъ средствъ, и запрягся въ работу, которая, по его словамъ, была тяжелѣе каторжной. «Я охотно бы пошелъ опять въ каторгу на столько же лѣтъ, писалъ онъ одному пріятелю, чтобы только уплатить долги и почувствовать себя свободнымъ. Теперь начну писать романъ изъ-подъ палки, то-есть нужды, наскоро»....

Въ полномъ духовномъ одиночествѣ, въ мрачной

тоскѣ, усиливаемой припадками эпилепсіи, въ крайней бѣдности, «изъ подъ палки», «наскоро» было написано одно изъ величайшихъ произведеній міровой литературы, романъ «Преступленіе и Наказаніе» (1866).

Содержаніе своего романа авторъ излагаетъ самъ въ письмѣ къ редактору «Русскаго Вѣстника» М. Каткову.

«Это — психологическій отчетъ одного преступленія. Дѣйствіе современное, въ нынѣшнемъ году. Молодой человѣкъ, исключенный изъ студентовъ университета, мѣщанинъ по происхожденію и живущій въ крайней бѣдности, по легкомыслію, по шаткости въ понятіяхъ, поддавшись нѣкоторымъ страннымъ «недоконченнымъ» идеямъ, которыя носятся въ воздухѣ, рѣшился разомъ выйти изъ сквернаго своего положенія. Онъ рѣшился убить одну старуху, титулярную совѣтницу, дающую деньги на проценты. Старуха глупа, глуха, больна, жадна, беретъ жидовскіе проценты, зла и заѣдаетъ чужой вѣкъ, мучая у себя въ работникахъ свою младшую сестру. «Она никуда не годна», «для чего она живетъ?», «полезна ли она хоть кому-нибудь?» — эти вопросы сбиваютъ съ толку молодого человѣка. Онъ рѣшаетъ убить ее, наоборотъ, съ тѣмъ чтобы сдѣлать счастливою свою мать, живущую въ уѣздѣ, избавить сестру, живущую въ компаньонкахъ у однихъ помѣщиковъ отъ сластолюбивыхъ притязаній главы этого помѣщичьего семейства, грозящихъ ей гибелью, докончить курсъ, ѣхать за границу, и потомъ всю жизнь быть честнымъ, твердымъ, неуклоннымъ въ исполненіи «гуманнаго долга къ человѣчеству»; чѣмъ уже, конечно, «загладится» преступленіе, если только преступленіе — поступокъ надъ старухой глухой, злой и больной, которая сама не знаетъ, для чего живетъ на свѣтѣ и которая черезъ мѣсяцъ можетъ быть сама собой померла бы... Студенту совершенно случайнымъ образомъ удается совершить свое преступленіе скоро и удачно.

Почти мѣсяцъ онъ проводитъ послѣ того до окон-

чательной катастрофы. Никаких на него подозрѣній нѣтъ и не можетъ быть. Тутъ то и развертывается весь психологическій процессъ преступленія. Неразрѣшимые вопросы встаютъ передъ убійцей, неподозрѣваемые и неожиданныя чувства мучаютъ его сердце. Божья правда, земной законъ беретъ свое, и онъ кончаетъ тѣмъ, что *принужденъ* самъ на себя донести. Принужденъ, чтобы хотя погибнуть на каторгѣ, но примкнуть опять къ людямъ, чувство разомкнутости и разъединенности съ человѣчествомъ, которое онъ ощущаетъ тотчасъ же по совершеніи преступленія, замучило его. Законъ правды и человѣческая природа взяли свое. Преступникъ самъ рѣшаетъ принять муку, чтобы искупить свое дѣло».

Такъ самъ авторъ понималъ идею своего романа. Бывшій студентъ Родіонъ Раскольниковъ, — сильная личность, которая хочетъ «заявить свое своеволие». Онъ угрюмъ, мраченъ, надмененъ и гордъ, но въ то же время великодушенъ и добръ. «Ужасно высоко себя цѣнить, и кажется не безъ нѣкотораго права на это», говорить о немъ его товарищъ Разумихинъ. Замкнутая и болѣзненно самолюбивая натура его способна однако на любовь и состраданіе: онъ нѣжно любитъ мать и сестру и отдаетъ свои послѣднія деньги голодающей семьѣ чиновника Мармеладова. Онъ живетъ въ мансардѣ, лежитъ на кровати и напряженно, лихорадочно думаетъ. Идея овладѣваетъ имъ, какъ неотступный кошмаръ, идея глубокая, непреодолимо-логическая. Мечтатель и теоретикъ Раскольниковъ доводитъ свое разсужденіе до крайняго вывода. Когда-то онъ написалъ статью, въ которой изложилъ стройную теорію преступленія. Все человѣчество дѣлится на двѣ категоріи — избранное меньшинство и людское стадо. Для первыхъ, великихъ геніевъ, вождей, законодателей все позволено; они не связаны обыкновенной моралью, они выше добра и зла, они могутъ «переступить», для нихъ нѣтъ законовъ. Остальная человѣче-

ская масса, «дрожащая тварь», должна повиноваться геніямъ. «Кто крѣпокъ и силенъ умомъ и духомъ, говорить Раскольниковъ, тотъ и властелинъ! Кто много посмѣетъ, тотъ и правъ. Власть дается только тому, кто посмѣетъ наклониться и взять ее. Тутъ только одно: *стоитъ только посмѣть!*» Раскольниковъ преклоняется передъ Наполеономъ, который забывалъ свою армію въ Египтѣ, проливалъ рѣки крови, не останавливался передъ горами труповъ, такъ какъ чувствовалъ свое «право» и не сомнѣвался въ своей «правотѣ». И вотъ «сильный человѣкъ» задаетъ себѣ вопросъ: «Мнѣ надо узнать и поскорѣе узнать, вошь ли я, какъ всѣ или человѣкъ? Смогу ли я переступить или не смогу? Осмѣлюсь ли нагнуться и взять, или нѣтъ? Тварь ли дрожащая, или *право* имѣю?» И чтобы узнать это, онъ убиваетъ старуху ростовщицу. Преступленіе своей отвратительной реальностью разрушаетъ его и физически и нравственно. Онъ могъ бы и не совершать его; сами вопросы его, сомнѣнія, неувѣренность въ своемъ «правѣ» и потребность «доказать» себѣ самому свою силу — ясно показывали, что онъ не сверхчеловѣкъ, не Наполеонъ. Безсмысленное и омерзительное двойное убійство было только излишней мукой. Раскольниковъ — теоретикъ, фанатикъ идеи, абстрактный мыслитель, но совѣмъ не человѣкъ дѣла, не вождь и не властелинъ. Его разсужденіе было логически безупречно, но какъ жалокъ и безпомощенъ онъ въ дѣйствиі! Въ изображеніи сверхчеловѣка Достоевскій прямой предшественникъ Ницше. Онъ пророчески предвидитъ нашу эпоху, когда Человѣкъ (съ большой буквы), безбожный и демонически-могучій возсталъ на Бога и затопилъ міръ кровью. Гордыня разума, самоутвержденію злой воли въ романѣ противопоставляется «земной законъ» и «Божья правда». Совершивъ преступленіе, Раскольниковъ испытываетъ «мрачное ощущеніе мучительнаго, безконечнаго уединенія и отчужденія». Онъ разорвалъ связь свою съ природой, съ міромъ, круговую поруку,

соединяющую всѣхъ людей. «Я себя убилъ, а не старушонку! восклицаетъ онъ. Тутъ такъ таки разомъ и ухлопалъ себя на вѣки». Законъ разума оказался разрушительнымъ и убійственнымъ — онъ привелъ его на край пропасти. «Законъ жизни» воскрешаетъ его; онъ воплощенъ въ Сонѣ Мармеладовой, дочери спившагося, обремененнаго семействомъ чиновника Мармеладова. Чтобы спасти отъ голодной смерти свою семью, Соня стала «уличной», она пожертвовала собой; чистая и смиренная душой, она безропотно несетъ свой страшный крестъ, считаетъ себя послѣдней грѣшницей, «падшей». Гордый преступникъ кланяется ей въ ноги. «Я не тебѣ поклонился, говоритъ онъ ей, я всему страданью человѣческому поклонился!» Соня, замирая отъ ужаса и жалости, выслушиваетъ его исповѣдь; она не осуждаетъ его. «Что вы, что вы это надъ собой сдѣлали! со слезами говоритъ она. «Нѣтъ тебя несчастнѣе никого теперь на цѣломъ свѣтѣ!» Убійца и блудница читають евангельскій разсказъ о воскрешенъ Лазарѣ. Жалкая неученая Соня мудрѣе философа Раскольниковъ. Она знаетъ «Божью правду», знаетъ, что люди не дѣлятся на властелиновъ и стадо, что всѣ они — дѣти Божьи и что одна человѣческая душа стоитъ всего міра. Раскольниковъ возомнилъ себя судьей, онъ присвоилъ себѣ божественное право рѣшать, чья жизнь имѣетъ смыслъ и чья — безсмыслена. Соня благоговѣтъ передъ мистической тайной всякой жизни, передъ ея непостижимой глубиной. Своимъ убійствомъ Раскольниковъ осквернилъ Святую Мать сыру-землю. «Пойди сейчасъ же, сію же минуту, говоритъ ему Соня, стань на перекресткѣ, поклонись, поцѣлуй сначала землю, которую ты осквернилъ, а потомъ поклонись всѣму свѣту, на всѣ четыре стороны и скажи всѣмъ, вслухъ: я убилъ! Тогда опять Богъ тебѣ жизнь пошлетъ».

Раскольниковъ повинуется: онъ доноситъ на себя, его судятъ и ссылаютъ на каторгу. Но гордый разумъ продолжаетъ бунтовать противъ религіознаго закона

жизни»; онъ не понимаетъ смысла наказанія, необходимости очистительныхъ страданій. И только въ Сибири Соня, послѣдовавшая за убійцей въ ссылку, воскрешаетъ его умершую душу. Онъ смиряется передъ величіемъ ея жертвы, передъ подвигомъ ея любви. Раскаяніе входитъ въ его озлобленное сердце, въ немъ загорается любовь къ Сонѣ — онъ воскресаетъ. Евангельское повѣствованіе о воскресшемъ Лазарѣ раскрывается въ эпилогѣ, какъ религіозный символъ всего романа.

* * *

«Преступленіе и Наказаніе» вызвало бурю восторговъ и негодованій. Одни говорили о «жестокомъ талантѣ» автора, его гениальной психологической прозорливости и философской глубинѣ, другіе обвиняли его въ клеветѣ на молодое поколѣніе и жаловались на его пристрастіе ко всему мучительному, больному, отвратительному и извращенному. Критики не могли оцѣнить всей важности «открытій» Достоевскаго, всей новизны его ученія о человѣкѣ.

Но шумный успѣхъ романа не измѣнилъ тяжелаго матеріальнаго положенія автора; онъ уѣзжаетъ за границу, спасаясь отъ преслѣдованій кредиторовъ. Четыре года проводитъ онъ со своей второй женой, Анной Григорьевной въ Швейцаріи, Германіи и Италіи. Постоянное безденежье, страшная тоска по родинѣ, участвовавшая припадки эпилепсіи, мучительная и упорная работа надъ двумя большими романами «Идіотъ» и «Бѣсы», которые передѣлываются много разъ, наконецъ приступы страсти къ азартной игрѣ, всегда оканчивающіеся проигрышами — такова внѣшняя картина этого марачнаго періода. Внутренняя жизнь Достоевскаго была не менѣе трагична: онъ искалъ ясной и непосредственной вѣры, цѣльнаго религіознаго міровоззрѣнія, но его раздвоенной, кипящей противорѣчіями душѣ гармонія не была дана. Попытки изобразить

«положительно-прекраснаго человѣка», оправдать историческое бытіе Россіи и найти «всепримиреніе идей» — кончились срывомъ. Въ «Идіотѣ» Достоевскій выводитъ «идеальнаго русскаго человѣка» въ лицѣ полу-юродиваго, полу-святого князя Мышкина. Онъ возвращается въ Россію изъ швейцарской санаторіи, полный ангельской кротости, доброты, всепрощенія; онъ хочетъ весь міръ обнять, всѣхъ примирить, всѣхъ сдѣлать счастливыми. Но, попавъ въ вихрь страстей, кружащійся вокругъ «демонической красавицы» Настасьи Филипповны и ея жениха купца Парфена Рогожина, онъ никого не спасаетъ и самъ гибнетъ въ мірѣ ненависти, ревности, злобы и преступленій.

Въ «Бѣсахъ» Достоевскій рисуетъ потрясающую по мрачности картину Россіи, одержимой бѣсами гражданской смуты. Революціонное движеніе представляется ему въ видѣ гнусной шайки мошенниковъ, мерзавцевъ и предателей, руководимой «мелкимъ бѣсомъ», шмыгающимъ и хихикающимъ Петромъ Верховенскимъ. Духовнымъ центромъ этого водоворота крови и грязи является загадочная и жуткая въ своемъ дьявольскомъ величіи фигура Николая Ставрогина: не лицо, а мертвая маска, красивая и въ то-же время отвратительная. Ни въ одномъ романѣ писатель не нагромождалъ столько ужасовъ, убійствъ, самоубійствъ, пожаровъ, смутъ и душевныхъ болѣзней, какъ въ «Бѣсахъ». Евангельскій рассказъ объ исцѣленіи Гадаринскаго бѣсноватаго, служащій идеей-символомъ романа, только отчасти соотвѣтствуетъ его содержанію: мы видимъ Россію, попираемую стадомъ свиней, въ которыхъ веселились бѣсы, но мы напрасно стали бы искать образъ исцѣленной Россіи, сидящей у ногъ Христа.

Этотъ романъ-памфлетъ, изступленно-злостный и пристрастный, возстановилъ противъ автора все молодое поколѣніе. Достоевскій прослылъ реакціонеромъ и обскурантомъ и ему стоило огромныхъ усилій разсѣять это невѣрное о себѣ мнѣніе.

Въ 1871 году онъ возвращается въ Россію. Наступаетъ послѣдній періодъ его жизни, относительно спокойный и благополучный. Благодаря дѣловитости Анны Григорьевны, матеріальное положеніе семьи улучшается. Достоевскій становится издателемъ собственныхъ книгъ, онъ начинаютъ приносить доходъ и онъ достигаетъ наконецъ нѣкоторой независимости и благосостоянія. Ему удается даже купить небольшой домикъ въ Старой Руссѣ, гдѣ онъ можетъ спокойно трудиться въ семейномъ уютѣ. Кромѣ работы надъ романомъ «Подростокъ» онъ занимается журналистикой: въ 1873 г. состоитъ редакторомъ въ журналѣ «Гражданинъ», а въ 1876-77 г. г. издаетъ свой собственный журналъ «Дневникъ Писателя». Съ пламенной любовью пишетъ онъ о русскомъ народѣ, о его испытанной страданіями вѣрѣ во Христа, о его смиреніи и покаяніи: пророчить Россіи великое будущее, «всечеловѣческую миссію», окончательное объединеніе всѣхъ народовъ въ единое братство во Христѣ. Въ православіи видитъ онъ отраженіе неискаженного лика Спасителя и вѣрить, что «свѣтъ возсіяетъ съ Востока». Оторвавшуюся отъ родной почвы русскую интеллигенцію неустанно призываетъ онъ къ воссоединенію съ народомъ. Но къ «мистическому народничеству» Достоевскаго нерѣдко примѣшивался воинственный имперіализмъ и національная исключительность. Онъ проповѣдывалъ смиреніе, но подчасъ оно бывало «мѣче гордости».

Послѣдній романъ Достоевскаго, духовный итогъ всего его творчества и его завѣщаніе будущимъ поколѣніямъ — «Братья Карамазовы» (1879-1880). Авторъ изображаетъ жизнь глухого, провинціального города, реалистически описываетъ нравы его обитателей, но этотъ низменный и пошлый бытъ только покровъ, наброшенный на бездны человѣческой души, на страшныя тайны земного бытія. По грандіозности замысла и глубинѣ философскаго содержанія «Братья Карамазовы» стоятъ на одномъ уровнѣ съ величайшими произве-

деніями міровой літературы: «Божественной Комедіей» Данте и «Фаустомъ» Гете.

Въ планѣ эмпирическомъ, это — хроника «одного случайнаго семейства», исторія вражды сыновей съ отцомъ, убійство сластолюбиваго, грязно-циничнаго старика Карамазова его побочнымъ сыномъ Смердяковымъ и осужденіе, вслѣдствіе судебной ошибки, другого его сына Дмитрія на каторжныя работы; это — драматическая повѣсть о соперничествѣ отца и сына, влюбленныхъ въ одну женщину — русскую красавицу, обольстительную и своевольную Грушеньку; параллельно съ этимъ разсказъ о ненависти Ивана къ брату Дмитрію и о страсти его къ Катеринѣ Ивановнѣ, покинутой невѣстѣ брата.

Въ планѣ метафизическомъ, романъ построенъ подобно средневѣковой мистеріи, гдѣ темныя силы борются со свѣтлыми, гдѣ земное царство помѣщено посерединѣ и ограничено снизу адомъ и сверху раемъ. Достоевскій изображаетъ современный намъ періодъ исторіи, когда въ сердцахъ людей померкъ образъ Божій, когда пошатнулись всѣ традиціонныя моральныя устои и вся жизнь стала смутной, тревожной и загадочной. Дмитрій Карамазовъ восклицаетъ: «Страшно много тайнъ! Слишкомъ много загадокъ угнетаютъ на землѣ человѣка. Разгадывай какъ знаешь и выльзай сухъ изъ воды». Герои Достоевскаго — люди, потерявшіе непосредственную вѣру, люди, отпущенные на свободу, ищущіе границъ этой страшной своей свободы и не находящіе ихъ. Въ нихъ клокочетъ огромная сила жизни, «неприличная карамазовская жажда», и эта могучая энергія уходитъ или въ «безудержъ желаній», въ плотоядное сладострастіе отца Карамазова, или въ дикій разгулъ страстей Дмитрія, или въ титаническое богоборчество Ивана. Семейство Карамазовыхъ — символъ всего современнаго человѣчества, заблудившагося въ пустынь міра и покинутаго Богомъ. Если нѣтъ Бога, то все позволено; тогда самъ человѣкъ — Богъ. Воля,

не направленная къ высшей, потусторонней цѣли, превращается въ безумное своеволие, разрушающее міръ и кончающееся самоистребленіемъ; разумъ, не подчиненный божественной истинѣ, доходитъ до самообожествленія и отрицанія всего творенія. Съ гениальнымъ ясновидѣніемъ прослѣдилъ Достоевскій всѣ сложные пути человѣкобожеской гордыни, богоборчества и демоническаго своеволія. У него былъ пророческій даръ и онъ предвидѣлъ катастрофу русской революціи и антихристово царство коммунизма. Но изображая огненными чертами опустошенный міръ зла, онъ противопоставляетъ ему свою вѣру въ конечную побѣду свѣта, въ неистребимый въ душѣ человѣка образъ Божій, въ грядущее религіозное преображеніе земли. Дмитрій Карамазовъ говоритъ: «Тутъ дьяволъ съ Богомъ борется, а поле битвы — сердца людей». Объ этой роковой борьбѣ добра и зла въ человѣческихъ душахъ и написанъ романъ.

Иванъ Карамазовъ, «ученый братъ», теоретикъ и логикъ, выступаетъ, какъ «адвокатъ дьявола». Въ его исповѣди брату Алешѣ и въ сочиненной имъ «Легендѣ о великомъ инквизиторѣ» — соединены и сосредоточены всѣ доводы противъ существованія Бога, которые когда-либо въ исторіи выдвигались самозаконнымъ разумомъ. «Сила отрицанія», заключенная въ его аргументахъ, такъ велика, что она можетъ взорвать весь міръ. Иванъ обвиняетъ Бога въ существованіи зла на землѣ; море безсмысленныхъ и безысходныхъ страданій заливаетъ созданный Имъ міръ. Никакая конечная гармонія, никакія награды праведникамъ и наказанія грѣшникамъ не могутъ искупить «слезинки одного замученнаго ребенка». Такого міра, несправедливаго и темнаго, онъ не желаетъ принять, а потому «почтительнѣйше возвращаетъ Богу билетъ» на входъ въ царствіе небесное. Въ «Легендѣ о Великомъ Инквизиторѣ» — испанскій инквизиторъ судитъ Христа и увѣряетъ его, что люди слишкомъ слабы и ничтожны,

чтобы жить по Его завѣтамъ. Спаситель хотѣлъ отъ людей свободной любви, но нѣтъ для человѣческаго стада большаго бремени, чѣмъ свобода. Великій Инквизиторъ исправилъ дѣло Христа; вѣру въ свободѣ и любви онъ замѣнилъ властью, чудомъ и авторитетомъ. Онъ поработилъ жалкихъ бунтарей, но зато устроилъ имъ спокойную, сытую жизнь. На горячую, изступленную рѣчь инквизитора Спаситель не отвѣчаетъ. «Но Онъ вдругъ молча приближается къ старику и тихо цѣлуетъ его въ его безкровныя девяностолѣтнія уста». На безумныя рѣчи гордаго отступника и бунтовщика Христосъ отвѣчаетъ поцѣлуемъ любви.

Мы не находимъ въ романѣ теоретическаго опроверженія геніальной атеистической діалектики Ивана Карамазова. Отрицающему разуму противопоставляются не логическія разсужденія, а живой мистическій опытъ. Достоевскій говоритъ невѣрующему: «Прійди и виждь». Богъ живетъ въ чистыхъ и любящихъ сердцахъ Зосимы и младшаго брата Карамазова — послушника Алеши. Доказать Его существованіе нельзя, можно только показать, ибо «свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и тьма его не объять». Это тихое излученіе мистическаго свѣта столь же реально, какъ и «буря страстей» Дмитрія. «сладострастіе насѣкомыхъ» отца-Карамазова и безблагодатный бунтъ Ивана. Алеша живетъ въ монастырѣ келейникомъ старца Зосимы, ясновидца и цѣлителя. Духовный отецъ посылаетъ его въ міръ, служить людямъ, спасти гибнущихъ братьевъ, утѣшать озлобленныхъ и несчастныхъ. Его радостная улыбка, тихо сіяющіе глаза, стыдливая кротость и простыя, ласковыя слова вносятъ свѣтъ и миръ въ темное карамазовское царство. Но и въ чистомъ Алешѣ живетъ темная земная сила его рода; и онъ не защищенъ отъ искушеній и соблазновъ. Захваченный мутнымъ водоворотомъ страстей, бушующихъ вокругъ него, онъ переживаетъ глубокій душевный кризисъ. Когда послѣ смерти Зосимы, котораго онъ почиталъ святымъ, онъ слышитъ «тлетвор-

ный духъ» отъ его бранныхъ останковъ, вѣра его колеблется. Онъ стоитъ у гроба старца и полудремя слушаетъ чтеніе Евангелія: «И въ третій день бракъ бысть въ Канѣ Галилейстей»; вдругъ, видитъ онъ, комната раздвигается; вотъ гости на брачномъ пиру, вотъ и молодые и «премудрый архитриклинъ». Изъ-за большого стола встаетъ Зосима, «сухенькій старичокъ, съ мелкими морщинками на лицѣ, радостный и смѣющийся». Онъ подходитъ къ Алешѣ и говоритъ: «Веселимся, пьемъ вино новое, вино радости новой, великой; видишь, сколько гостей?... А видишь ли Солнце наше, видишь ли ты Его?... Не бойся Его. Страшенъ величіемъ предъ нами, ужасенъ высотой Своей, но милостивъ безконечно, намъ изъ любви уподобился и веселится съ нами»...

Это видѣніе Алеши — вершина всего творчества Достоевскаго. Весь міръ — царство Божіе, всѣ люди, темные и грѣшные, призваны на мессіанскій пиръ и пьяны новымъ виномъ великой радости. Прекрасно все Божіе творенье, ибо во всѣхъ и во всемъ Христосъ. Красота спасетъ міръ, вся земля преобразится въ рай и всякая душа возрадуется. Бракъ въ Канѣ Галилейской, чудо превращенія воды въ вино — религіозный символъ романа, образъ достигнутой гармоніи, осуществленной красоты.

Потрясенный видѣніемъ, Алеша выбѣгаетъ изъ монастыря. «Полная восторгомъ душа его жаждала свободы, мѣста, широты. Надъ нимъ широко необовримо опрокинулся небесный куполъ, полный тихихъ сіяющихъ звѣздъ... Свѣжая и тихая до неподвижности ночь облегла землю... Тишина земная какъ бы сливалась съ небесной, тайна земная соприкасалась съ звѣздною. Алеша стоялъ, смотрѣлъ и вдругъ, какъ подкошенный, повергся на землю. Онъ не зналъ, для чего обнималъ ее, онъ не давалъ себѣ отчета, почему ему такъ неудержимо хотѣлось цѣловать ее, цѣловать ее всю, но онъ цѣловалъ ее, плача, рыдая и обливая своими слезами, и изступленно клялся любить ее, любить во вѣки вѣ-

ковъ... Какъ будто нити ото всѣхъ этихъ безчисленныхъ міровъ Божьихъ сошлись разомъ въ душѣ его, и онъ весь трепеталъ, соприкасаясь мірамъ инымъ... Паль онъ на землю слабымъ юношей, а всталъ твердымъ на всю жизнь бойцомъ».

Достоевскій собирался написать продолженіе «Братьевъ Карамазовыхъ», романъ о дальнѣйшей жизни и религіозномъ служеніи Алеши. Смерть помѣшала его планамъ. Но о замыслѣ автора мы можемъ судить по заключительнымъ словамъ «Карамазовыхъ». Алеша собираетъ вокругъ себя школьниковъ, которые преслѣдовали бѣднаго, больного мальчика Ильюшу, внушаетъ имъ горячую любовь къ умирающему товарищу, а послѣ смерти Ильюши, на могилкѣ его, объединяетъ ихъ въ братство, освященное «вѣчной памятью» общимъ другѣ. Въ этомъ маленькомъ эпизодѣ, какъ въ каплѣ воды, отражается завѣтная мечта Достоевскаго о «всемірномъ братствѣ человѣчества во имя Христа».

* * *

«Братья Карамазовы» были огромнымъ событіемъ въ духовной жизни Россіи. На Достоевскаго смотрѣли какъ на пророка и учителя, онъ казался воплощеніемъ русской совѣсти. На праздникъ открытія памятника Пушкину, въ Москвѣ въ 1880 году его знаменитая рѣчь о «всечеловѣческой миссіи» русскаго народа, величайшимъ представителемъ котораго былъ Пушкинъ, вызвала бурю восторговъ. Незнакомые между собой люди обнимались, враги мирились, молодежь носила писателя на рукахъ; были слезы, объятія, обмороки, безконечныя оваціи. Достоевскій стоялъ на вершинѣ своей славы. Въ слѣдующемъ году, 28 января 1881 года онъ скончался. Похороны его объединили всѣ партіи и сословія русскаго общества.

Послѣ великой войны Достоевскій, наряду съ Толстымъ, приобрѣлъ мировую извѣстность. Въ наше вре-

мя сумерекъ гуманизма, кризиса свободы и личности; ученіе Достоевскаго о человѣкѣ раскрывается во всей своей пророческой значительности. Свою прекрасную книгу о Достоевскомъ Н. А. Бердяевъ заканчиваетъ такими словами: «Въ катастрофахъ и потрясеніяхъ, почуявъ зовъ духовной глубины, народы Западной Европы съ большимъ вниманіемъ и большей внутренней потребностью подойдутъ къ тому русскому и міровому генію, который былъ открывателемъ духовной глубины человѣка и который предвидѣлъ неизбѣжность катастрофъ въ мірѣ. Достоевскій и есть та величайшая цѣнность, которой оправдаетъ русскій народъ свое бытіе въ мірѣ, то, на что можетъ указать онъ на Страшномъ Судѣ Народовъ».

ТОЛСТОЙ.
(1828-1910)

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой родился въ селѣ Ясная Поляна Тульской губерніи въ 1828 году. Ему не было еще двухъ лѣтъ, когда умерла его мать; девяти лѣтъ онъ лишился отца. Его воспитывала тетка графиня Остенъ-Сакенъ и дальняя родственница Татьяна Александровна Ергольская. Семейныя преданія и воспоминанія дѣтства послужили будущему писателю неисчерпаемымъ источникомъ вдохновенія. И въ «Дѣтствѣ и Отрочествѣ» и въ «Войнѣ и мирѣ» Толстой рассказываетъ о своей семьѣ, о патриархальной жизни барской усадьбы, о томъ «мирѣ любви», который окружалъ его въ дѣтствѣ. Князь Николай Андреевичъ Болконскій, умный и властный старикъ, живущій со своей дочерью княжной Марьей въ помѣстьѣ Лысыя Горы, Николай Ростовъ и его семья — всѣ эти незабываемыя лица въ романѣ «Война и миръ» — взяты изъ жизни и преобразены въ искусствѣ. Князь Болконскій — дѣдъ писателя Николай Сергѣевичъ Волконскій, княжна Марья — его мать Марія Николаевна, урожденная княжна Волконская, Николай Ростовъ — его отецъ, графъ Николай Ильичъ Толстой; сиротка Соня, живущая въ домѣ Ростовыхъ и самоотверженно любящая Николая — это «Таничка» Ергольская, замѣнившая дѣтямъ мать послѣ смерти Маріи Николаевны. Даже француженка-компаньонка княжны Марьи, Мше Бурьеннъ существовала въ дѣйствительности и носила имя Мше Эннисиеннъ.

Дѣтство Толстого мы видимъ въ поэтическомъ отображеніи «Дѣтства и Отрочества». Конечно, исторія

семьи Иртеньевых не есть семейная хроника рода Толстых; правда и вымысел здѣсь тѣсно переплетаются, и все же это произведение, въ самомъ глубокомъ психологическомъ смыслѣ, вполне автобиографично. Это — правдивое воссозданіе той «духовной атмосферы», въ которой развивался Толстой. Образъ нѣмца -учителя Карла Ивановича вдохновленъ воспитателемъ дѣтей Толстыхъ — Федоромъ Ивановичемъ Ресселемъ; типы преданныхъ дворовыхъ слугъ и «божьихъ людей», рассказывающихъ о своихъ паломничествахъ, странниковъ и юродивыхъ («великій христіанинъ Гриша») изображены писателемъ по воспоминаніямъ ранняго дѣтства.

Въ 1836 году дѣтей перевозятъ въ Москву къ бабушкѣ и они начинаютъ серьезно учиться подъ руководствомъ гувернера-француза Пюспера Сен-Томы. Портретъ этого холоднаго щеголя, жестокаго и презрительнаго, подвергавшаго дѣтей тѣлеснымъ наказаніямъ, нарисованъ забываемыми чертами въ «Отрочествѣ» (Сень-Жеромъ). Послѣ смерти бабушки новая опекунша, тетка Толстыхъ Юшкова увозитъ сиротъ въ Казань. Толстой учится въ университетѣ восточнымъ языкамъ и юридическимъ наукамъ, но лекціи его не интересуютъ: онъ увлекается балами и спектаклями. Въ «Юности» онъ описываетъ свою казанскую свѣтскую жизнь, успѣхи въ обществѣ, кутежи съ товарищами, свой аристократическій снобизмъ и стремленіе къ идеалу «*somme il faut*». Но подъ этой пестрой и блестящей поверхностью жизни въ немъ происходитъ сложная «подземная» работа. Онъ зачитывается Руссо, собирается писать сочиненіе о цѣли философіи, какъ науки жизни, составляетъ правила поведенія (ходить въ церковь, читать Евангеліе, помогать нищимъ, выучить всѣ науки, сдѣлаться самымъ великимъ ученымъ во всей Россіи и т. д.). Неудача на экзаменѣ разочаровываетъ его въ наукѣ: онъ рѣшаетъ бросить университетъ, поселиться въ деревнѣ и заняться самообразованіемъ.

Онъ мучительно недоволенъ собой и хочетъ посвятить всю свою жизнь нравственному совершенствованію. Его цѣль — дѣятельно осуществлять добро и приносить пользу людямъ. Толстой осознаетъ себя моралистомъ и проповѣдникомъ: 1847 годъ — возвращеніе въ Ясную Поляну — есть моментъ его духовнаго рожденія. Въ деревнѣ онъ пытается улучшить бытъ крѣпостныхъ, но первыя же неудачи и затрудненія охлаждають его пылъ. Поиски «своего мѣста» въ жизни нетерпѣливы и капризны; отказавшись отъ призванія ученаго, разочаровавшись въ роли помѣщика — благодѣтеля крестьянъ, Толстой придумываетъ себѣ новое занятіе: воевать съ горами на Кавказѣ. Его пылкое воображеніе было наполнено романтическими образами джигитовъ, черкешенокъ, осажденныхъ ауловъ, перестрѣлокъ въ дикихъ ущельяхъ, похищеній черноокихъ плѣнницъ; онъ бредилъ Бестужевымъ-Марлинскимъ, Пушкинымъ, Лермонтовымъ. На Кавказѣ онъ участвовалъ въ бояхъ, скучалъ въ станицахъ, дружилъ со старымъ казакомъ Епишкой, проигрывался въ карты, ходилъ на охоту и велъ суровый дневникъ, въ которомъ аккуратно записывалъ всѣ свои «паденія» и безплодныя попытки исправленія. Здѣсь, въ простой избѣ, въ Старогладовской станицѣ написалъ онъ «Дѣтство», «Отрочество», «Казаки».

Успѣхъ повѣсти «Дѣтство», появившейся въ 1852 году въ некрасовскомъ «Современникѣ», утверждаетъ его въ намѣреніи посвятить себя литературѣ. Жизнь на Кавказѣ кажется ему «въ высшей степени нелѣпой»: онъ искалъ военной славы, освобожденія отъ дурныхъ свѣтскихъ привычекъ — картъ, вина, лѣни, чувственности, общенія съ природой и съ неиспорченными «дѣтьми природы» — и ничего этого не нашелъ. Роль «романтическаго воина» тоже не удалась ему. Онъ подаетъ въ отставку, ее не принимаютъ: Россія объявила войну Турціи. Произведенный въ офицеры, Толстой принимаетъ участіе въ осадѣ Силистріи и въ ноябрѣ 1857 го-

да прибываетъ въ Севастополь. Героическіе мѣсяцы осады съ эпической простотой описаны писателемъ въ трехъ разказахъ: «Севастополь въ декабрѣ, въ маѣ и въ августѣ». Онъ видѣлъ «великія и славныя» вещи, смиренное величіе русскихъ солдатъ, ихъ спокойное мужество и простую смерть, онъ радовался «настоящей жизни» среди разрывающихся бомбъ и свистящихъ пулъ и плакалъ, увидѣвъ французское знамя на полуразрушенномъ бастионѣ. «Благодарю Бога, писалъ онъ, что я видѣлъ этихъ людей и жилъ въ это славное время!».

Послѣ паденія Севастополя Толстой выходитъ въ отставку и пріѣзжаетъ въ Петербургъ; періодъ его юности, полной военныхъ тревогъ и приключеній, кончается; наступаетъ зрѣлость.

Литературная дѣятельность Толстого начинается безъ эпохи ученичества, подражаній и поисковъ своего пути. Онъ выступаетъ съ повѣстью «Дѣтство», написанной увѣренно и литературно-блестяще. Впослѣдствіи онъ сурово осуждалъ излишнюю «литературность» этого произведенія и считалъ его неискреннимъ. Но для своего времени живой и трогательный разказъ о дѣтствѣ Николеньки Иртеньева казался «исповѣдью дѣтской души». Конечно, психологія маленькаго героя Толстого едва ли характерна для обыкновеннаго десятилѣтняго мальчика, но авторъ и не скрываетъ, что Николенька — мальчикъ необыкновенный. Онъ рѣзко выдѣляется изъ группы дѣтей, его окружающихъ; съ братомъ Володей, сестрой Любочкой, съ товарищемъ Сережей Ивинымъ и съ «первой любовью» — Сонечкой Валахиной, у него сложныя и странныя отношенія. Онъ тянется къ нимъ, подражаетъ и завидуетъ ихъ непосредственнымъ натурамъ, хочетъ быть какъ они, и въ то же время чувствуетъ, что онъ на нихъ не похожъ и что всѣ его попытки войти въ ихъ жизнь — безплодны. Духовное одиночество исключительной личности, постоянно себя анализирующей, остро и глубоко сознающей свою особенную судьбу — основное чувство Нико-

леньки. Онъ живётъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ, какъ мечтатель, одаренный творческой силой воображенія и ненасытной жаждой любви, но онъ никого не можетъ ввести въ этотъ міръ, и роковая замкнутость становится для него источникомъ страданій. Онъ неловокъ, мнительнъ, болѣзненно-застѣнчивъ и самолюбивъ. Гордая самоувѣренность уживается въ немъ съ припадками ненависти и отвращенія къ самому себѣ. Онъ приходитъ въ отчаяніе отъ своей непривлекательной наружности, отъ неумѣнія вести себя въ обществѣ, отъ своего равнодушія къ близкимъ людямъ. Его сознаніе раздвоено: «я» наблюдающее строго слѣдитъ за «я» дѣйствующимъ и иронизируетъ надъ нимъ. Поразительно показана эта работа двойного сознанія въ сценѣ у гроба матери. Чувства и мысли Николеньки протекаютъ какъ-бы въ двухъ планахъ: онъ пламенно отдается какой-нибудь страсти и хладнокровно разсуждаетъ о ней, какъ о чемъ-то постороннемъ. Въ «Юности» разсказывается о глубокомъ религіозномъ порывѣ, охватившемъ Николеньку послѣ исповѣди; нельзя сомнѣваться, что переживание его было глубоко и искренне, а между тѣмъ и оно становится объектомъ наблюденія, любованія, эстетической оцѣнки. Возвращаясь изъ монастыря, онъ разсказываетъ о своемъ состояніи извозчику, чтобы еще увеличить разстояніе между внутреннимъ чувствомъ и внѣшнимъ наблюденіемъ. Понятно, что при такой сознательности каждаго душевнаго явленія для Николеньки самымъ мучительнымъ вопросомъ является вопросъ объ *искренности*. Толстой всю жизнь искалъ правды, прежде всего своей правды и безпощадно разрушалъ все, что казалось ему ложью и самообманомъ. Эта страсть къ разрушенію связана съ глубочайшими свойствами его *раздвоенности*. Толстой правдой называлъ цѣльность и именно эта цѣльность была для него недостижима.

«Дѣтство» составляетъ часть большого автобіографическаго произведенія «Исторія четырехъ эпохъ»,

которое осталось недописаннымъ. Послѣ «Дѣтства» появилось продолженіе подъ названіемъ «Отрочество». Третья часть — «Юность» обрывается на драматическомъ эпизодѣ провала на экзаменѣ. Авторъ обѣщаетъ рассказать о «своемъ моральномъ развитіи въ болѣе счастливой половинѣ юности», но это обѣщаніе онъ не сдержалъ. Война на Кавказѣ и въ Крыму увела его отъ воспоминаній прошлаго и открыла передъ нимъ новый живописный міръ настоящаго.

Въ Севастопольскихъ разсказахъ Толстой изображаетъ три момента «великой и грустной эпопеи Севастополя, которой героемъ былъ русскій народъ». Это — подчеркнуто-простой и дѣловой разсказъ очевидца, стремящагося сказать всю правду о войнѣ. Герои осады показаны обыкновенными людьми, со всѣми человѣческими слабостями и недостатками. Штабсъ-капитанъ Михайловъ способенъ подъ пулями непріятеля отправиться спасать товарища и онъ же на гуляньи тщеславится тѣмъ, что ходитъ подъ руку съ «аристократами». Авторъ безпощадно разрушаетъ романтическую традицію «героизма»; война — не красивое, блистательное зрѣлище «съ музыкой и барабаннымъ боемъ, съ развѣвающимися знаменами и гарцующими генералами; ея настоящее выраженіе въ крови, въ страданіяхъ, въ смерти». Авторъ «Войны и мира» и «Анны Карениной», неутомимый разрушитель всякой красивой лжи, сокрушитель кумировъ и разоблачитель «возвышающихъ обмановъ» уже осозналъ себя въ Севастопольскихъ разсказахъ. Нарядному и фальшивому романтизму онъ противопоставляетъ суровый, трезвый реализмъ. «Герой моей повѣсти, пишетъ онъ, котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ — *правда*». Эта аскетическая борьба за правду начинается разрушеніемъ ложнаго искусства и кончается уничтоженіемъ искусства вообще. Толстой вступаетъ на роковой путь, приводящій его къ

полному нигилизму — эстетическому, культурному и общественному.

Въ повѣсти «Казакѣ» богатый и развращенный свѣтской жизнью юноша Оленинъ отправляется на Кавказъ съ неясными мечтами о новой чистой жизни. Внѣш-не онъ похожъ на байроническихъ героевъ Пушкина и Лермонтова, разочарованныхъ, тоскующихъ по волѣ, бѣгущихъ изъ «душныхъ городовъ» на лоно дѣвственной природы. Но Оленинъ не байронистъ; онъ ищетъ смысла жизни въ «нравственномъ законѣ», онъ охваченъ «моральнымъ порывомъ» и хочетъ жить по правдѣ. Жизнь казаковъ, простая, грубая, здоровая, поражаетъ его своей близостью къ природѣ. Эти люди «живутъ, какъ живетъ природа» — и они счастливы. Мудрость цѣлостной жизни воплощается для него въ образѣ казачки Марьяны, которая «какъ природа равна, спокойна и сама въ себѣ». Передъ нами та же тоска одинокаго, раздвоеннаго человѣка, которую мы наблюдаемъ въ Николенькѣ («Дѣтство», «Отрочество»). Выйти изъ заколдованнаго круга личности, раствориться въ стихійной общей жизни, отдать себя любви къ женщинѣ, къ народу, къ землѣ — вотъ о чемъ тоскуетъ замкнутая душа мечтателя. И ему кажется, что любовь къ прекрасной казачкѣ, «величавой, счастливой женщинѣ», освободитъ его и спасетъ. «Я не имѣю своей воли, пишетъ онъ, а черезъ меня любить ее какая-то стихійная сила, весь міръ Божій. Я люблю ее не умомъ, не воображеніемъ, а всѣмъ существомъ своимъ. Любя ее, я чувствую себя нераздѣльной частью всего счастливаго Божьяго міра». Конечно все это мечта и мечта неосуществимая: Марьяна не любитъ Оленина. Но если бы она и полюбила его, онъ не сталъ бы счастливѣе. Райское блаженство первобытной жизни — плодъ его воображенія. Казакѣ — не прародители въ Эдемѣ, а темные люди, съ дикими нравственными понятіями, воры, разбойники, пьяницы. И мечтатель разочаровывается. Жить, «какъ живетъ природа», какъ живутъ

«дѣти природы» казаки — совсѣмъ не соотвѣтствуетъ идеалу нравственнаго самосовершенствованія. Казакъ Лукашка шепчетъ молитву, стрѣляя въ чеченца и восклицаетъ «Ну, слава тебѣ, Господи; кажется убилъ», а «воръ-Ерошка» рекомендуетъ себя: «Пьяница, воръ, табуны въ горахъ отбиваль, пѣсенникъ, на всѣ руки былъ». Оленинъ — Толстой, какъ разсудочный моралистъ, такого «смысла жизни» принять не можетъ. Онъ остается межъ двухъ береговъ: отъ «ложной» культурной жизни онъ оттолкнулся, но къ жизни первобытной, руководимой страстями и инстинктами, не присталъ. Такова первая стадія толстовскаго «возвращенія къ природѣ», по стопамъ обожаемаго учителя Жанъ-Жака Руссо. Культура осуждена и отвергнута, но та «природа», съ которой надо слиться, еще не найдена. Молодой писатель еще отравленъ романтизмомъ; ему нуженъ пышный, экзотическій пейзажъ, живописный воинственный народъ. Процессъ «опрошенія» завершится, когда Толстой откроетъ скудную природу средней Россіи, смиреннаго русскаго мужика съ его религіозной правдой. Тогда «воръ-Ерошка» уступитъ мѣсто своему духовному брату — Платону Каратаеву въ «Войнѣ и Мирѣ».

Проживъ годъ въ Петербургѣ и сблизившись съ кружкомъ журнала «Современникъ», Толстой поселяется въ Ясной Полянѣ и занимается хозяйствомъ. Онъ совершаетъ два заграничныхъ путешествія (въ 1857 и въ 1860 годахъ), изучаетъ постановку школьнаго дѣла, знакомится съ знаменитыми педагогами, посѣщаетъ училища и музеи. Но европейская жизнь возбуждаетъ въ немъ негодованіе, а методы обученія кажутся нелѣпыми. Онъ создаетъ свою собственную систему, открываетъ народную школу и выпускаетъ педагогическій журналъ «Ясная Поляна».

Въ 1862 году писатель женится на дочери московскаго врача Софѣ Андреевнѣ Берсъ. Исторію своей влюбленности, сватовства и женитьбы онъ описалъ впо-

слѣдствіи въ романѣ «Анна Каренина». Константинъ Левинъ, молодой помѣщикъ, ведущій хозяйство по своей собственной системѣ, собирающійся написать книгу объ экономическихъ условіяхъ въ Россіи, сближающійся съ крестьянами и самъ работающій въ полѣ — во многомъ похожъ на автора. Княжна Китти Щербаккая, его невѣста, а потомъ жена, изъ мечтательной свѣтской дѣвушки превращающаяся въ домовитую хозяйку и самоотверженную мать — близка къ образу правдивой и энергичной Софьи Андреевны.

Около двадцати лѣтъ длится періодъ спокойной и счастливой семейной жизни, наполненной заботами о большомъ хозяйствѣ, самообразованіемъ и напряженнымъ литературнымъ трудомъ. За это время были созданы величайшія художественныя произведенія: «Война и Миръ» (1864-1869) и «Анна Каренина» (1873-1876).

Въ русской литературѣ нѣтъ романа болѣе грандіознаго по замыслу, обширнаго по размѣрамъ и совершеннаго по построенію чѣмъ «Война и Миръ». Толстой задумалъ первоначально романъ «Декабристы», но, чтобы воссоздать эпоху двадцатыхъ годовъ, онъ переходилъ мыслью къ прошлому своихъ героевъ и, наконецъ, остановился на времени войнъ съ Наполеономъ. Передъ нами — эпопея русской жизни, художественное претвореніе одного изъ самыхъ драматическихъ періодовъ исторіи Россіи въ поэму о русскомъ народѣ, о его таинственныхъ судьбахъ, о его національномъ духѣ. Толстой проводитъ передъ нами рядъ могучихъ и яркихъ личностей, отважныхъ бойцовъ, вождей, полководцевъ, государственныхъ дѣятелей, мыслителей и творцовъ культуры, но все это — только блистательная поверхность картины: подъ ней скрывается единственный подлинный герой поэмы — смиренный и простой русскій народъ. Не царь со своими министрами и дипломатами, не генералы со своими адъютантами, не аристократическіе салоны, не дворянскія усадьбы побѣдили Наполеона: его сокрушила духовная

сила народа, ополчившагося противъ «антихриста». Толстой всегда привождаетъ образованному, свѣтскому обществу — народную «общину», началу личному — начало народное. И эта тенденціозность не вредить правдивости его изображенія, такъ какъ онъ горячо вѣрить, что это не его личная, субъективная правда, а правда самой жизни. Онъ убѣжденъ, что факты говорятъ за себя, что безпристрастное изображеніе дѣйствительности открываетъ «народную правду» во всей ея простотѣ. Стремленіе къ объективности измѣняетъ автору только въ одномъ случаѣ: описывая Наполеона, онъ сознательно унижаетъ его; въ его холодной ироніи чувствуется личная непріязнь; во всемъ остальномъ Толстой соблюдаетъ «справедливость»: у него нѣтъ святыхъ и героев — всѣ люди; даже изображая любимые имъ народные типы, онъ не идеализируетъ ихъ. Если художникъ всегда судья, то авторъ «Войны и Мира» вполне заслуживаетъ имени «судьи праведнаго». Въ романѣ Толстого сталкиваются не только двѣ страны — Франція и Россія, два сословія — дворянство и народъ, двѣ культуры — европейская и русская, но и два религіозныхъ міровоззрѣнія. Духъ человѣкобожества, демонической гордыни сильной личности борется съ духомъ простоты и правды, съ христіанскимъ смиреніемъ русскаго народа. Первый воплощенъ въ великомъ геніи, сынѣ революціи и сокрушителѣ троновъ — Наполеонѣ; второй въ «обыкновенномъ человѣкѣ» Кутузовѣ. Первый самъ себя вѣнчаетъ императоромъ и мнитъ себя вершителемъ судебъ міра; онъ Цезарь, онъ — богъ. Второй, «постигая волю Провидѣнія, подчиняетъ ей свою личную волю»; онъ представитель «безсознательной, общей, роевой жизни человѣчества»; и въ этомъ его мудрость и праведность. «Кутузовъ, пишетъ Толстой, никогда не говорилъ о вѣкахъ, которые смотрятъ съ высоты пирамидъ, о жертвахъ, которыя онъ приносить отечеству; онъ вообще ничего не говорилъ о себѣ, не игралъ никакой роли, казался всегда самымъ

простымъ и обыкновеннымъ человѣкомъ и говорилъ самыя простыя, обыкновенныя вещи».

Таковъ религіозно-философскій смыслъ романа Толстого. Имъ завершается огромный и блестящій періодъ европейской культуры, начавшійся съ эпохи Ренессанса и увѣнчанный величественной фигурой Наполеона. Постепенное освобожденіе личности отъ всѣхъ формъ зависимости — социальной, религіозной, нравственной — закончилось бунтомъ сильнаго, богоподобнаго человѣка противъ общества, морали и религіи. Романтическій герой — мятежникъ, индивидуалистъ и богоборецъ. Своей волей и разумомъ онъ хочетъ перестроить весь міръ. Толстой, охваченный предчувствіемъ грядущихъ катастрофъ — міровыхъ войнъ и социальныхъ революцій — пытается вернуть человѣчество къ истокамъ его культурной жизни, къ коллективному сознанию, къ началу «роевому, стихійному». Личность должна перестать быть личностью и слиться съ океаномъ міровой безличной жизни. Отъ нея требуется безсознательность и смиреніе. Диагнозъ Толстого правиленъ, но предлагаемое имъ леченіе хуже самой болѣзни. Человѣчество не можетъ зачеркнуть вѣка своего духовнаго развитія, не можетъ вернуться въ первобытное состояніе, не можетъ и не должно отречься отъ личности, свободы воли и творчества, чтобъ превратиться въ пассивно-безсмысленное стадо. Толстой не вѣрилъ въ человѣка, отвергалъ «несуществующую свободу» и свой чисто буддійскій фатализмъ прикрывалъ туманнымъ понятіемъ Провидѣнія. Самое поразительное — это его истолкованіе могучаго религіозно-историческаго порыва русскаго народа въ 1812 году, какъ торжества пассивности. Толстой поставилъ проблему индивида и «цѣлага», подчеркнул необходимость религіознаго обоснованія личности, — и въ этомъ его огромная заслуга. Съ него начинается «кризисъ гуманизма», который въ наше время дошелъ до трагическаго обостренія. Мыслители нашей эпохи, равно отвергая

крайности индивидуализма и коллективизма, прокладываютъ путь *церковной соборности*.

Но тамъ, гдѣ ошибается Толстой-философъ, непогрѣшимъ Толстой-художникъ. Солдатъ Платонъ Каратаевъ, встрѣча съ которымъ въ занятой французами Москвѣ, произвела переворотъ въ ищущемъ правды Пьерѣ Безуховѣ, задуманъ авторомъ, какъ параллель къ «народному герою» Кутузову; онъ тоже человекъ безъ личности, пассивно отдающійся событіямъ. Такимъ видитъ его Пьеръ, то-есть самъ авторъ, но читателю онъ представляется инымъ. Не безличность, а необыкновенное своеобразие его личности поражаетъ насъ. Его мѣткія словечки, прибаутки и поговорки, его постоянная дѣятельность, его свѣтлое веселіе духа и чувство красоты («благобразіе»), его дѣятельная любовь къ ближнимъ, смиреніе, жизнерадостность и религіозность складываются въ нашемъ представленіи не въ образъ безличной «части цѣлаго», а въ изумительное по цѣльности лицо народнаго праведника. Платонъ Каратаевъ такой же «великій христіанинъ», какъ и юродивый Гриша въ «Дѣтствѣ». Толстой интуитивно почувствовалъ его духовное благобразіе, но его рационалистическое объясненіе скользнуло по поверхности этой мистической души.

* * *

Въ «Войнѣ и мирѣ» событія семейной и личной жизни героев происходятъ на широкомъ фонѣ историческихъ событій. Толстой изображаетъ императора Александра I, Кутузова, Сперанскаго, Наполеона и его маршаловъ, описываетъ походъ русскихъ въ Пруссію (всемирно извѣстна батальная картина боя подъ Аустерлицомъ), вторженіе французовъ въ Россію, Бородинское сраженіе и взятіе Москвы, вступленіе союзныхъ войскъ въ Парижъ; конецъ романа отнесенъ къ 1820 году. Авторъ перечиталъ множество историческихъ

книгъ и мемуаровъ современниковъ; онъ понималъ, что задача художника не совпадаетъ съ задачей историка и, не стремясь къ полнѣйшей точности, хотѣлъ возсоздать духъ эпохи, своеобразие ея жизни, живописность ея стиля. Конечно, историческія лица Толстого нѣсколько модернизированы: часто они говорятъ и думаютъ, какъ современники автора. Но это подновленіе стараго неизбежно при творческомъ воспріятіи историческаго процесса, какъ непрерывнаго, жизненнаго потока. Въ противномъ случаѣ получается не художественное произведеніе, а мертвая археологія. Авторъ ничего не придумывалъ — онъ только выбиралъ то, что ему казалось наиболѣе показательнымъ. «Вездѣ, пишетъ Толстой, гдѣ въ моемъ романѣ говорятъ и дѣйствуютъ историческія лица, я не выдумывалъ, а пользовался матеріалами, изъ которыхъ у меня во время моей работы образовалась цѣлая бібліотека книгъ».

Для «семейныхъ хроникъ», помѣщенныхъ въ историческія рамки наполеоновскихъ войнъ, онъ пользовался фамилными воспоминаніями, письмами, дневниками, неопубликованными записками. Сложность и богатство «человѣческаго міра», изображеннаго въ романѣ, можно сравнить только съ галереей портретовъ многотомной «Человѣческой Комедіи» Бальзака. Толстой даетъ болѣе 70 подробныхъ характеристикъ, намѣчаетъ нѣсколькими штрихами множество второстепенныхъ лицъ — и всѣ они живутъ, не сливаются другъ съ другомъ, остаются въ памяти. Одной остро схваченной деталью опредѣляется фигура человѣка, его характеръ и поведеніе. Въ пріемной умирающаго графа Безухова одинъ изъ наслѣдниковъ — князь Василій въ растерянности ходить на цыпочкахъ. «Онъ не умѣлъ ходить на цыпочкахъ и неловко подпрыгивалъ всѣмъ тѣломъ». И въ этомъ подпрыгиваніи сказывается вся натура сановнаго и властнаго князя. Внѣшняя черта пріобрѣтаетъ у Толстого глубокое психологическое и символическое значеніе. У него несравненная острота

зрѣнія, гениальная наблюдательность, почти ясновидѣніе. По одному повороту головы или движенію пальцевъ онъ угадываетъ человѣка. Каждое чувство, даже самое мимолетное, немедленно воплощается для него въ тѣлесномъ знакѣ; движеніе, поза, жестъ, выраженіе глазъ, линия плечъ, дрожаніе губъ — читаются имъ, какъ символы души. Отсюда то впечатлѣніе душевно-тѣлесной цѣльности и полноты, которое производятъ его герои. Въ искусствѣ созданія живыхъ людей съ плотью и кровью, дышащихъ, движущихся, отбрасывающихъ тѣнь, Толстой не имѣетъ себѣ равныхъ.

Въ центрѣ дѣйствія романа поставлены двѣ дворянскія семьи — Болконскихъ и Ростовыхъ. Старый князь Болконскій, генераль-аншефъ Екатерининскихъ временъ, вольтерьянецъ и умный баринъ, живетъ въ имѣніи Лысыя горы съ дочерью Марьей, некрасивой и уже немолодой. Отецъ страстно ее любитъ, но воспитываетъ сурово и мучитъ уроками алгебры. Княжна Марья «съ прекрасными лучистыми глазами», съ застѣнчивой улыбкой — образъ высокой духовной красоты. Она безропотно несетъ крестъ своей жизни, молится, принимаетъ «Божьихъ людей» и мечтаетъ сдѣлаться странницей». «Всѣ сложные законы человѣчества сосредоточивались для нея въ одномъ простомъ и ясномъ законѣ любви и самоотверженія, преподанномъ ей Тѣмъ, который съ любовью страдалъ за человѣчество, когда самъ Онъ — Богъ. Что ей было за дѣло до справедливости или несправедливости другихъ людей? Ей надо было самой страдать и любить, и это она дѣлала». И все же иногда ее волнуетъ надежда на личное счастье; ей хочется имѣть семью, дѣтей. Когда надежда эта осуществляется и она выходитъ замужъ за Николая Ростова, душа ее продолжаетъ стремиться къ «безконечному, вѣчному и совершенному». Братъ княжны Марьи, князь Андрей не похожъ на сестру. Это — сильный, умный, гордый и разочарованный человѣкъ, чувствующій свое превосходство надъ окружающими,

тяготящійся своей щебечущей, легкомысленной женой и ищущій практически-полезной дѣятельности. Онъ сотрудничаетъ со Сперанскимъ въ комиссіи по составленію законовъ, но скоро устаевъ отъ этой отвлеченной кабинетной работы. Его охватываетъ жажда славы, онъ отправляется въ походъ 1805 года и, какъ Наполеонъ, ожидаетъ своего «Тулона» — возвышенія, величія, «людской любви». Но вмѣсто «Тулона» его ждетъ поле Аустерлица, на которомъ онъ лежитъ раненый и смотреть въ бездонное небо. «Все пусто, думаетъ онъ, все обманъ, кромѣ этого безконечнаго неба. Ничего, ничего нѣтъ, кромѣ него. Но и того даже нѣтъ, ничего нѣтъ, кромѣ тишины, успокоенія».

Вернувшись въ Россію, онъ поселяется въ своемъ имѣніи и погружается въ «тоску жизни». Смерть жены, измѣна Наташи Ростовой, которая казалась ему идеаломъ дѣвичьей прелести и чистоты, повергаютъ его въ мрачное отчаянье. И только медленно умирая отъ раны, полученной въ Бородинскомъ бою, передъ лицомъ смерти онъ находитъ ту «правду жизни», которую всегда такъ безуспѣшно искалъ: «Любовь есть жизнь, думаетъ онъ. Все, все, что я понимаю, я понимаю только потому, что люблю. Любовь есть Богъ, и умереть — значить мнѣ, частицѣ любви, вернуться къ общему и вѣчному источнику».

Сложныя отношенія связываютъ семью Болконскихъ съ семействомъ Ростовыхъ. Николай Ростовъ — цѣльная, непосредственная натура, вродѣ Ерошки въ «Казакахъ», или брата Володи въ «Дѣтствѣ». Онъ живетъ безъ вопросовъ и сомнѣній, у него «здравый смыслъ посредственности». Прямой, благородный, храбрый, веселый — онъ удивительно привлекателенъ, несмотря на свою ограниченность. Конечно, ему не понять мистической души своей жены княжны Марьи, но онъ умѣетъ создать счастливую семью, воспитать добрыхъ и честныхъ дѣтей. Его сестра — Наташа Ростова — одинъ изъ самыхъ обаятельныхъ женскихъ образовъ Толстого.

Въ жизнь каждаго изъ насъ она входитъ, какъ любимый и близкій другъ. Отъ ея оживленнаго, радостнаго и одухотвореннаго лица исходитъ сіяніе, освѣщающее все вокругъ нея. Когда она появляется, всѣмъ становится весело, всѣ начинаютъ улыбаться. Наташа полна такимъ избыткомъ жизненной силы, такимъ «талантомъ жизни», что ея капризы, легкомысленныя увлеченія, эгоизмъ молодости и жажда «наслажденій жизни» — все кажется очаровательнымъ. Она постоянно въ движеніи, опьянена радостью, вдохновлена чувствомъ; она не разсуждаетъ, «не удостаиваетъ быть умной», какъ говорить о ней Пьеръ, но ясновидѣніе сердца замѣняетъ ей умъ. Она сразу же «видитъ» челоѣка и мѣтко его опредѣляетъ. Когда ея женихъ Андрей Болконскій уѣзжаетъ на войну, Наташа увлекается блестящимъ и пустымъ Анатодемъ Курагинымъ. Но разрывъ съ княземъ Андреемъ и затѣмъ смерть его переворачиваютъ всю ея душу. Ея благородная и правдивая натура не можетъ простить себѣ этой вины. Наташа впадаетъ въ безысходное отчаянье и хочетъ умереть. Въ это время приходитъ вѣсть о гибели на войнѣ ея младшаго брата Пети. Наташа забываетъ о своемъ горѣ и самоотверженно ухаживаетъ за матерью, — и это спасаетъ ее. «Наташа думала, пишетъ Толстой, что жизнь ея кончена. Но вдругъ любовь къ матери показала ей, что сущность ея жизни — любовь — еще жива въ ней. Проснулась любовь и проснулась жизнь». Наконецъ она выходитъ замужъ за Пьера Безухова и превращается въ чадолубивую мать и преданную жену: отказывается отъ всѣхъ «наслажденій жизни», которыя такъ страстно любила раньше, и всей душой отдается своимъ новымъ, сложнымъ обязанностямъ. Для Толстаго — Наташа есть сама жизнь, инстинктивная, таинственная и святая въ своей природной мудрости.

Идеологическимъ и композиціоннымъ центромъ романа является графъ Пьеръ Безуховъ. Къ нему стягиваются всѣ сложные и многочисленныя линіи дѣйствія,

идушія отъ двухъ «семейныхъ хроникъ» — Болконскихъ и Ростовыхъ; онъ явно пользуется наибольшей симпатіей автора и наиболѣе близокъ ему по душевному складу. Пьеръ принадлежитъ къ людямъ «ищущимъ», напоминаеть Николеньку, Нехлюдова, Оленина, но болѣе всего самого Толстого. Передъ нами проходятъ не только внѣшнія событія его жизни, но и послѣдовательная исторія его духовнаго развитія. Пьеръ воспитанъ въ атмосферѣ идей Руссо, онъ живетъ чувствомъ и склоненъ къ «мечтательному философствованію». Онъ ищетъ «правду», но по слабоволію продолжаетъ вести пустую свѣтскую жизнь, кутить, играетъ въ карты, ѣздитъ на балы; нелѣпая женитьба на бездушной красавицѣ Эленъ Курагиной, разрывъ съ ней и дуэль съ бывшимъ пріятелемъ Долоховымъ производятъ въ немъ глубокій переворотъ. Онъ увлекается масонствомъ, думаетъ найти въ немъ «внутреннее успокоеніе и согласіе съ самимъ собой». Но скоро наступаетъ разочарованіе: филантропическая дѣятельность масоновъ кажется ему недостаточной, ихъ пристрастіе къ мундирамъ и пышнымъ церемоніямъ возмущаетъ его. На него находитъ нравственное оцѣпенѣніе, паническій страхъ жизни. «Запутанный и страшный узелъ жизни» душитъ его. И вотъ на Бородинскомъ полѣ онъ знакомится съ русскимъ народомъ — новый міръ открывается ему. Духовный кризисъ подготовленъ потрясающими впечатлѣніями, внезапно на него обрушившимися : онъ видитъ пожаръ Москвы, попадаетъ въ плѣнъ, проводитъ нѣсколько дней въ ожиданіи смертнаго приговора, присутствуетъ при казни. И тутъ онъ встрѣчаетъ «русскаго, добраго, круглаго Каратаева». Радостный и свѣтлый, онъ спасаетъ Пьера отъ духовной смерти и приводитъ его къ Богу. «Прежде онъ искалъ Бога въ цѣляхъ, которыя онъ ставилъ себѣ, пишетъ Толстой. Это исканіе цѣли было только исканіе Бога; и вдругъ онъ узналъ въ своемъ плѣну не словами, не рабужденіями, но непосредственнымъ чувствомъ то, что ему давно уже говорила нянюшка;

что Богъ — вотъ Онъ, тутъ, вездѣ. Онъ въ плѣну узналъ, что Богъ въ Каратаевѣ болѣе великъ, безконеченъ и непостижимъ, чѣмъ въ признаваемомъ масонами Архитектонѣ вселенной».

Религіозное вдохновеніе охватываетъ Пьера, всѣ вопросы и сомнѣнія исчезаютъ, онъ не думаетъ больше о «смыслѣ жизни», ибо смыслъ уже найденъ: любовь къ Богу и самоотверженное служеніе людямъ. Романъ завершается картиной полного счастья Пьера, женившегося на Наташѣ Ростовой и ставшаго преданнымъ мужемъ и любящимъ отцомъ.

«Война и Миръ» кончается на грани двадцатыхъ годовъ, эпохи возникновенія тайныхъ обществъ и подготовки возстанья декабристовъ.

Авторъ намѣчаетъ завязку новаго романа: Пьеръ и молодой Болконскій, сынъ князя Андрея — будущіе декабристы. Но этотъ замыселъ остался неосуществленнымъ: Толстой началъ писать исторію трагической любви женщины изъ высшаго петербургскаго общества. *Анна Каренина*, вышедшая безъ любви за важнаго бюрократа-сановника, безсильна бороться со своей страстью къ молодому гвардейскому офицеру Вронскому; она измѣняетъ мужу, бросаетъ сына и уѣзжаетъ съ Вронскимъ за границу. Но ея благородно-честная и прямая натура не выноситъ ложнаго и постыднаго положенія; самодовольный и ограниченный Вронскій не понимаетъ ея нравственныхъ страданій и начинаетъ тяготиться ея мучительной любовью. Страшный узелъ своей загубленной жизни Анна разсѣкаетъ самоубійствомъ.

Дѣйствіе романа происходитъ въ современную автору эпоху; блестящія картины аристократическаго петербургскаго общества смѣняются несравненными по жизненности описаніями высшаго московскаго свѣта и поэтическими сценами деревенскаго быта. Параллельно и контрастно къ несчастному роману Карениной и Вронскаго развивается счастливая любовь Китти и Левина.

Толстой съ трудомъ дописалъ «Анну Каренину»: въ немъ уже назрѣвалъ тотъ духовный переломъ, который раскололъ его жизнь на двѣ половины.

Между 1873 и 1875 годомъ умирають трое изъ его дѣтей, его вторая мать — Татьяна Александровна Ергольская и тетка Пелагея Юшкова. Софья Андреевна заболѣваетъ съ горя, кашляетъ кровью, думаетъ о смерти. Толстой чувствуетъ, что все рушится вокругъ него: передъ лицомъ смерти все кажется безсмысленнымъ. Любовь, красота, искусство не могутъ спасти отъ отчаянья. Въ «Исповѣди» писатель съ потрясающей силой изображаетъ страшную муку, черезъ которую прошла его душа. Не размышленія о концѣ, а реальный опытъ смерти привелъ его къ новой вѣрѣ. Жизнь, которой онъ жилъ до сихъ поръ, представилась ему нелѣпымъ, трагическимъ фарсомъ и онъ хотѣлъ убить себя. Ему приходилось прятать веревку, не ходить одному на охоту, — такъ непреодолимо было искушеніе самоубійства. И тутъ встрѣча съ простымъ крестьяниномъ рѣшила его судьбу. Онъ понялъ, что немудрымъ и неученымъ людямъ открыта тайна, недоступная ему, писателю и аристократу; что безсмысленна не жизнь вообще, а его личная жизнь — безбожная, праздная и богатая. У него появилась страстная жажда приобщиться къ народной вѣрѣ; онъ принялся ревностно соблюдать всѣ обряды православной церкви, ходить къ обѣднѣ, поститься, но этотъ церковный періодъ продлился недолго; въ 1879 году онъ причастился въ послѣдній разъ. Обманывать самого себя долѣе онъ былъ не въ силахъ: принимая всей душой христіанскую мораль, онъ не могъ раздѣлить христіанскую *вѣру* народа. Таинства, чудеса, догматы были ему непонятны и чужды. Онъ не могъ себѣ реально представить воскресенья Христа, а поэтому не могъ въ него и повѣрить. Послѣ мучительной внутренней борьбы онъ долженъ былъ признать, что христіанская религія — не его вѣра. Отвергая церковь, божественность Иисуса Христа и

всю мистическую основу христіанства, Толстой сохраняет только моральное ученіе Спасителя. Главное положеніе его религіозно-нравственной проповѣди взято изъ Евангелія: «Вы слышали, что было сказано древнимъ «око за око и зубъ за зубъ. А я говорю Вамъ: не противьтесь злу». Въ книгѣ «Въ чемъ моя вѣра?» Толстой призываетъ людей къ исполненію Божьяго закона: онъ заключается въ трудѣ, терпѣніи, отреченіи отъ мірскихъ благъ и любви къ ближнему. Міръ лежитъ во злѣ, культура построена на несправедливости и неравенствѣ. Потому, не противясь злу, нужно уходить отъ него. Ученіе Толстого — отрицательно: по духу оно родственно буддизму; отвергается церковь, государство, судъ, военная служба, вся свѣтская цивилизація, наука и искусство; проповѣдуется опрощеніе, физическій трудъ, трезвость и вегетеріанство.

Яснополянскій учитель — моралистъ и рационалистъ: онъ убѣжденъ, что люди несчастны, потому что заблуждаются, что надо имъ растолковать ихъ ошибки, и тогда они поймутъ и станутъ добродѣтельными. По его мнѣнію «Христосъ училъ насъ не дѣлать глупостей».

Тридцать лѣтъ неустанно, словомъ и дѣломъ, проповѣдывалъ онъ свое ученіе: оно распространилось не только по всей Россіи, но и по всему міру. Ясная Поляна стала духовнымъ центромъ, куда съѣзжались «толстовцы» со всѣхъ концовъ свѣта. Авторитетъ писателя былъ такъ великъ, что правительство, несмотря на все свое несочувствіе къ его дѣятельности не рѣшалось стѣснить свободу его проповѣди: оно ограничивалось только преслѣдованіемъ наиболѣе рьяныхъ его послѣдователей.

Самое замѣчательное въ дидантическихъ писаніяхъ Толстого послѣ 1880 года — это ясный, точный и простой языкъ. Освобожденный отъ всякой книжности и «литературности», онъ въ своей могучей логикѣ и сдержанномъ пафосѣ поднимается на высоту философскаго разсужденія и проницательнаго обличенія. Длинными и

сложныя фразы построены съ математической точностью. Толстой создалъ языкъ для отвлеченной мысли. Но мысль его всегда возвращается къ конкретному факту, къ показательному частному случаю, къ разсказу, иносказанію и притчѣ. Нѣтъ въ міровой литературѣ болѣе парадоксальнаго сочиненія, чѣмъ его статья «Что такое искусство?». А между тѣмъ, несмотря на ложность основной идеи, этотъ дышащій ненавистью памфлетъ заключаетъ въ себѣ множество глубочайшихъ и остроумнѣйшихъ наблюдений и оцѣнокъ. Разрушая искусство, великій художникъ создаетъ новое произведеніе искусства. Впрочемъ, осудивъ всѣ свои прежнія писанія, какъ безнравственныя и развращенныя, Толстой все же не могъ окончательно отречься отъ художественнаго творчества: онъ пишетъ большой романъ «Воскресеніе» — трагическую исторію Катюши Масловой, соблазненной и брошенной молодымъ помѣщикомъ Нехлюдовымъ. Моральная тенденція нарушаетъ эстетическое единство этого произведенія: повсюду видна рука автора, упорно ведущая дѣйствующихъ лицъ по путямъ, заранее для нихъ приготовленнымъ. Нѣтъ непосредственности въ повѣствованіи, насыщенномъ поученіями. Романъ «Воскресеніе», задуманный какъ синтезъ «толстовства», какъ полное раскрытіе ученія въ жизни, обнаружилъ всю сухую и безжизненную отвлеченность толстовской вѣры. И все же въ этомъ неудачномъ произведеніи встрѣчаются страницы поистинѣ гениальныя. Изъ повѣстей послѣдняго періода «Смерть Ивана Ильича» и «Хаджи Муратъ» принадлежатъ къ совершеннѣйшимъ созданіямъ Толстого. Сила психологическаго анализа и искусство возсозданія полноты жизни описаніемъ «выразительныхъ» деталей сосредоточены здѣсь въ немногихъ страницахъ, доведенныхъ до высокой напряженности при крайней экономіи средствъ. Разсказы, написанные для народа, очищены отъ всѣхъ «литературныхъ соблазновъ». Они крѣпки, аскетически-просты, и библейски величествен-

ны. Толстой считалъ, что исторія Іосифа, проданнаго братьями въ Египетъ, — лучшее художественное произведение міровой литературы и старался подражать повѣствовательному стилю Библіи. Разказы его полны силы, драматизма и философской значительности. Толстой послѣдняго періода приближается къ классической ясности, самоограниченію, мудрой простотѣ.

Самыя извѣстныя изъ пьесъ Толстого — «Власть тьмы» и «Плоды просвѣщенія». Первая — мрачная трагедія изъ крестьянской жизни, перегруженная излишними подробностями «быта»; вторая — веселая комедія, высмѣивающая свѣтское общество, праздное, легкомысленное и суевѣрное. У Толстого не было ни любви къ театру, ни особаго драматическаго дарованія. Его пьесы — скорѣе драматизированныя повѣсти.

Въ 1882 году Толстой принялъ участіе въ переписи населенія въ Москвѣ; посѣщалъ трущобы, ночлежные дома, пріюты нищеты. Въ книгѣ «Такъ что же намъ дѣлать?» онъ доказываетъ безсмысленность «благотворительности». Богатые только тогда могутъ помочь бѣднымъ, когда они перестанутъ быть богатыми. Они виноваты въ томъ, что ихъ братья гибнутъ въ нищетѣ и развратѣ; богатство, имущество, деньги — величайшее зло и проклятіе. А между тѣмъ Толстой жилъ въ роскоши, былъ богатымъ помѣщикомъ и получалъ громадныя гонорары за свои сочиненія. Разладъ между убѣжденіями и жизнью съ каждымъ годомъ переживался имъ все мучительнѣе; онъ отдалъ имѣніе семьѣ, отказался отъ авторскихъ правъ, носилъ простое крестьянское платье, самъ шилъ себѣ сапоги, и все-же чувствовалъ, что это «опрощеніе» могло казаться простой причудой пресыщеннаго барина и что вокругъ него, въ семьѣ, продолжалось та же богатая «грѣшная» жизнь. Послѣ безчисленныхъ драматическихъ столкновеній съ женой и дѣтьми, послѣ объясненій, разрывовъ, слезъ, попытокъ къ самоубійству и ужасныхъ душевныхъ терза-

ній, онъ рѣшился наконецъ покончить съ «неправдой» своей жизни и 28 октября 1910 года, ночью бѣжалъ изъ Ясной Поляны. Внезапная болѣзнь принудила его остановиться на станціи Астапово, недалеко отъ монастыря Оптиная Пустынь. Здѣсь, 7 ноября 1910 года онъ скончался.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе	7
Пушкинъ	15
Лермонтовъ	55
Гоголь	77
Достоевскій	101
Толстой	129

IMP. L. BERESNIAK. 12. RUE LAGRANGE. PARIS

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ : «ДОМЪ КНИГИ»

MAISON DU LIVRE ETRANGER

9, Rue de l'Eperon, Paris (6e). Téléphone : Danton 10-60

	Долл.
БЕРБЕРОВА. — «Безъ заката», романъ	0.75
ВЕРТИНСКИЙ А. — «Пески и стихи»	1.00
ВИНАВЕРЪ. — «Русская Общественность нач. XX в.»	1.00
ВОИНОВЪ И. — «Чаша ярости». Стихи	0.30
ГЕФТЕРЪ А. — «Секретный курьеръ», романъ	1.25
ГАЗДАНОВЪ. — «Исторія одного путешествія», ром.	0.75
ГИППИУСЪ З. — «Сіянія». «Русские Поэты» № 2	0.30
ГОЛОВИНЪ. ген. — «Наука о войнѣ»	1.00
ДОРНЪ. — «Кирѣвский». Опытъ характеристики	1.00
ДОНЪ-АМИНАДО. — «Нескучный садъ»	0.75
ЕМЕЛЬЯНОВЪ. — «Свиданіе Джима», романъ ...	0.60
ЖАБОТИНСКИЙ. — «Пятеро», романъ	1.00
ЗАМЯТИНЪ Евг. — «Бичъ Божій»	0.65
ЗУРОВЪ. — «Поле», романъ	0.75
ЗАЙЦЕВЪ К. — «И. А. Бунинъ» Жизнь и Творчество»	0.75
КРЫМОВЪ Вл. — «Похожденія графа Азара», ром.	1.20
КРЫМОВЪ Вл. — «Въ царствѣ дураковъ», ром.	1.20
КУЗНЕЦОВА Г. — «Оливковый садъ». Стихи	0.75
КУНИНА. — «Красная Феска»	0.75
ЛИФАРЪ С. — «Страдные Годы», автобіогр. романъ	1.00
ЛИФАРЪ. — «Танецъ» 2-ое доп. изд. съ иллюстр.	1.00
ПЛЕЩЕЕВЪ. — «Подъ сѣнью кулисъ» (Воспоминанія)	1.00
ПЛЕЩЕЕВЪ А. — «Сергій Лифаръ», съ иллюстраціями	0.60
СКОБЦОВЪ. — «Гремучій Родникъ», романъ	1.25
СИРИНЪ. — «Приглашеніе на казнь», романъ	1.00
ЦЕВЛОВСКИЙ. — «Черная рѣка», романъ	0.75
ЦЕТЛИНЪ М. — «Декабристы»	1.00
ШАЛЯПИНЪ. — «Маска и Душа» (Театр. воспомин.)	2.00
ШЕСТОВЪ Л. — «Кирегардъ».	2.00
ШИКЪ Ал. — «Женатый Пушкинъ»	0.50
ШИКЪ Ал. — «Одесскій Пушкинъ»	0.50
ЯКОРЬ. — Антологія Зарубеж. поэт. АДАМОВИЧА	0.75

«ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ». — Юбил. изд. стар.
орф. съ комментар. проф. М. Л. Гофмана,
336 стр. на бумагѣ АЛЬФА ..... \$ 0.50
ПУШКИНЪ. — Юбил. *однотомное* собр. соч.,
стар. орф. 1100 стр., без пер. \$ 2.00 въ кол.
пер. \$ 2.50, въ кож. пер. \$ 3 и 3.50

На складѣ всѣ новинки зарубежныхъ и совѣтскихъ изданій.
Дѣтскія книги. Русскіе Классики. Учебники. Словари.
Каталоги и бюллетени новинокъ и Антиквариата бесплатно.

ДОМЪ КНИГИ

MAISON DU LIVRE ÉTRANGER

9, rue de l'Eperon — Page 60